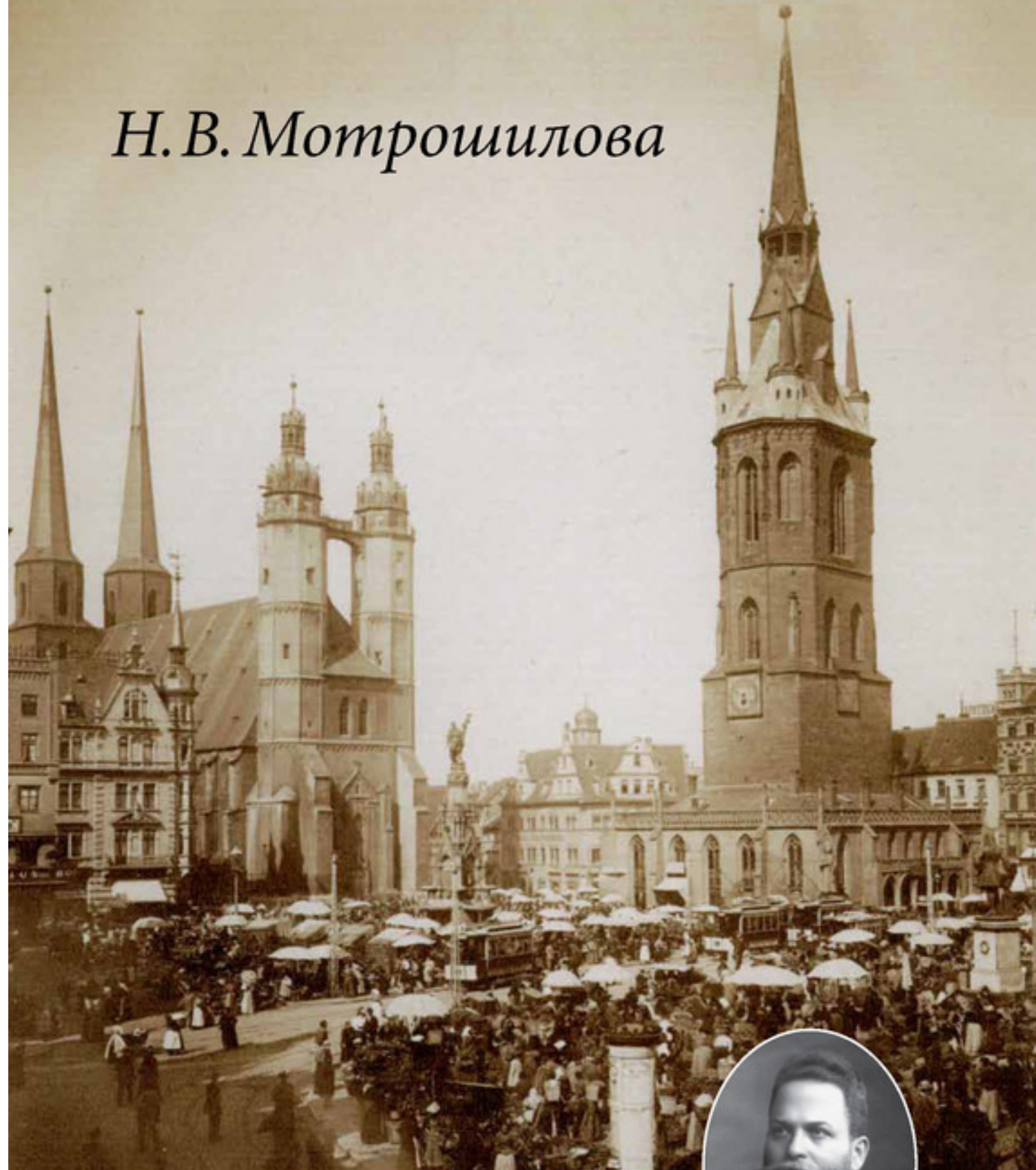

Н. В. Мотрошилова

Ранняя философия
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Галле, 1887–1901

Неля Мотрошилова

**Ранняя философия Эдмунда
Гуссерля (Галле, 1887–1901)**

«Прогресс-Традиция»

2017

УДК 1(4/9)
ББК 87.3

Мотрошилова Н. В.

Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901) /
Н. В. Мотрошилова — «Прогресс-Традиция», 2017

ISBN 978-5-89826-509-9

Исследование ранней философии Эдмунда Гуссерля направлено на ликвидацию сплошного «белого пятна» в освоении наследия этого мыслителя в России. Оно включает изучение социально-исторической ситуации в Германии последних десятилетий XIX века, т. е. конкретной среды, в которой Э. Гуссерль шел нелегким путем от математики к философии. Прослеживаются главные линии его духовного, философского развития и его деятельности в университете Галле-Виттенберг, а также взаимодействия в научном и философском сообществе. В центре книги – до сих пор единственное в феноменологической литературе целостное текстологическое исследование “Философии арифметики”, первой значительной книги Э. Гуссерля (на русский язык она не переводилась). Особое внимание уделено первым “прорывам” будущих феноменологических идей Гуссерля. Впервые в отечественной литературе вводятся в научный оборот гуссерлевские манускрипты, подготовленные для так и не опубликованного II тома “Философии арифметики” и напечатанные в “Гуссерлиане” только во второй половине XX века. Взятая и рассмотренная в своей целостности, проблематика книги позволяет связать начальные этапы развития идей Гуссерля с пока не полностью ясными, но уже проступившими очертаниями его будущей феноменологии, с ее потенциальными возможностями, реализованными Гуссерлем и его последователями и приведшими к превращению феноменологии в одно из самых мощных философских течений XX века. Сложный материал книги превращен автором в прозрачное, понятное и увлекательное повествование, что, несомненно, расширит круг ее читателей.

УДК 1(4/9)

ББК 87.3

ISBN 978-5-89826-509-9

© Мотрошилова Н. В., 2017

© Прогресс-Традиция, 2017

Содержание

О чем эта книга и кому она адресована	8
Предисловие	10
Введение	13
Источники	17
Часть I. Гуссерль в Галле	20
Глава 1. Город и университет: страницы истории и конец XIX века	20
§ 1. Традиции духа и культуры в городе Галле	26
§ 2. Университет Галле–Виттенберг	27
Глава 2. Научно-педагогическая деятельность Э. Гуссерля в Галле	33
Пролог: вначале был Франц Brentano	33
§ 1. Нострификация, габилизация Гуссерля в Галле	37
§ 2. Преподавательская деятельность Гуссерля в Галле.	40
Трудный путь к признанию	
§ 3. Хождения по мукам...	44
§ 4. Оценки деятельности Гуссерля в Галле	48
§ 5. Главный итог пребывания в Галле: феноменология – «неожиданный и незванный гость» (Гуссерль)	50
Часть II. Философы старшего поколения в Университете Галле–Виттенберг	53
Глава 1. Рудольф Гайм	54
Глава 2. Гуссерль и неокантианцы Университета Галле. Бенно Эрдманн	59
Вклад Бенно Эрдманна в историю кантоведения	63
Глава 3. Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления	66
Споры вокруг «позитивизма» и идеи Файхингера	69
Часть III. Идеи и авторы, в наибольшей степени повлиявшие на раннего Гуссерля	77
Глава 1. Франц Brentano и ранний Э. Гуссерль. Постановка проблемы, трудности в её решении	78
§ 1. Идея «эмпирической психологии» у Brentano и ее отражение в Философии арифметики	80
§ 2. Проблема «психических феноменов» и тема интенциональности у Brentano: находки и трудности	81
Глава 2. Карл Штумпф и Эдмунд Гуссерль	89
§ 1. К. Штумпф о пространственных представлениях	90
§ 2. Подход Штумпфа к кантовской теории субъективных форм чувственности	92
§ 3. Исследование представлений как акта сознания	94
§ 4. «Самостоятельные» и «несамостоятельные» представления	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Неля Мотрошилова

Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901)

© Н. В. Мотрошилова, 2017

© А. Л. Горшков, 2017

© Прогресс-Традиция, 2017

О чем эта книга и кому она адресована

Эта книга – о том, как:

- молодой математик Эдмунд Гуссерль, защитивший математическую диссертацию у выдающегося ученого К. Вейерштрасса, под влиянием лекций Ф. Brentano заинтересовался философией;
- он в 1887 году отправился в Университет Галле для защиты габилюационной диссертации (у брентановского ученика профессора К. Штумпфа) и защитил её;
- он в течение 13 лет жил в Галле и преподавал в Университете Галле-Виттенберг, прокладывая свой путь от математики к философии;
- философские, научные идеи и течения второй половины XIX века запечатались в деятельности самых известных ученых того времени, его университетских коллег (Р. Гайм; Б. Эрдманн, Г. Файхингер, К. Штумпф, Г. Кантор и многие другие), оказав то или иное влияние на творческое становление раннего Гуссерля;
- Гуссерль писал свою первую большую книгу «Философия арифметики», в 1891 году опубликовав её I том, где откликнулся на многие труднейшие философско-математические, логические и психологические проблемы своего времени;
- в «Философии арифметики» отразились и достижения, и слабости тогдашних наиболее важных для раннего Гуссерля дисциплин (математика, философия математики, логика, психология), их размежевания и попытки нового синтеза;
- «Философия арифметики», вместе с тем, уже стала предчувствием-провозвестием ряда поворотов к феноменологической философии и к её идеям;
- в процессе подготовки «Философии арифметики», опубликования её I тома Гуссерль создал многочисленные ценные манускрипты для так и не опубликованного II тома сочинения, которые в наиболее полном виде увидели свет в «Гуссерлиане» лишь к концу XX века;
- в последнее десятилетие XIX столетия Гуссерль проделал огромную работу по освоению также и современной ему литературы по (философской) логике, результатом которой стали «Логические исследования», признанные одним из важнейших сочинений начала XX века;
- в истории феноменологии творчество раннего Гуссерля вплоть до завершающих десятилетий XX века оставалось, а в философии России до сих пор остается, terra incognita.

Эта книга адресована тем, кто:

- интересуется становлением личностных устремлений философов-новаторов и стремится осмыслить их связь с историческими тенденциями эпохи, специфическими особенностями исторических ситуаций, с идейными конstellляциями тех дисциплин, в рамках которых протекает их работа;
- стремится расширить свои знания в той области, в которой речь идёт о синтезе математических и философских подходов к проблемам числа, числовых понятий и соответствующих процессов в сознании;
- занимается исследованием феноменологии, но до сих пор имеет, мягко говоря, слабое представление о ранних годах творчества Гуссерля, совпавших с его пребыванием в Галле;
- заинтересован в преодолении неграмотности относительно I тома «Философии арифметики» и подготовленных Гуссерлем материалов ко II тому этого труда, появившихся

только ко второй половине XX века и, как правило, ещё не освоенных многими специалистами-феноменологами;

- хочет получить ориентацию относительно лучшей западной литературы, посвященной ранней философии Гуссерля;
- интересуется зарождением новых философских направлений и их трудным вхождением в научный и философский мир;
- не являясь философом, хочет составить более полное представление об истории, процессах размежевания и синтеза различных дисциплин, в особенности философии, психологии и логики;
- следит за материалами, освещающими сложный спор Гуссерля и Фреге, в толковании которого накопились трудности, противоречия, предвззудки;
- интересуется приключением новых идей, их прорывом в духовный мир и последующей трансформацией.

Благодарности

Выражаю свою признательность научным фондам:

- Немецкому фонду им. А. фон Гумбольдта, лауреатом которого имею честь быть;
- DFG – Немецкому исследовательскому обществу – за их поддержку, позволившую в 2000 годах начать и завершить в Германии, в городе Галле (Halle), исследование ранней феноменологии Гуссерля, родившейся именно в этом городе.

• Благодарю Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) за предоставление сначала исследовательского, а теперь и издательского гранта по этой серии моих историко-философских, а именно историко-феноменологических разработок.

• Так получается, что – вместе с книгой об «Идеях I» 2003 года, а также вместе с осуществленными в XXI веке разработками, посвященными позднему Гуссерлю (о его «Кризисе европейских наук...», о темах «жизненного мира») – данная первая и запланированная вторая книги о раннем Гуссерле должны как бы замкнуть мои многолетние исследования, посвященные истории феноменологического движения, одного из самых серьезных и перспективных в современном мире.

• Благодарю Издательство «Прогресс-традиция» и лично главу его Б. В. Орешина, зам. директора Е. Д. Горжевскую за оперативную, высокопрофессиональную работу по изданию моей книги.

• За многолетнюю техническую помощь по подготовке рукописей – в том числе этого произведения к печати – благодарю И. А. Лаврентьеву.

• За компьютерный набор также и этого произведения благодарю Т. В. Прохорову, а за его коррекцию – сотрудницу сектора Е. С. Марчукову.

• И последнее по порядку, но не по значению. Книгу 2003 года я посвятила светлой памяти моего мужа Ю. А. Замошкина. Это произведение (в двух книгах) тоже неотделимо от нашего с ним жизненного союза, от всех корней и событий, роль которых, в частности, в моей феноменологической работе, всегда была поистине центральной.

И снова – за постоянную, прочную и добрую жизненную поддержку, особенно важную на склоне моих лет, от всего сердца благодарю моего сына Андрея Юревича, его жену Ирину Цапенко и внука Максима Юревича.

Предисловие

Работа, предлагаемая вниманию читателей, создана после того, как был пройден долгий путь исследования феноменологии, который по существу длится всю мою творческую жизнь. Еще в 1956 году, в студенческие годы, я стала заниматься «Логическими исследованиями» Эдмунда Гуссерля и написала дипломную работу, посвященную 2 тому этого выдающегося сочинения (тогда ещё не переведенному на русский язык). Моим научным руководителем был профессор МГУ Валентин Фердинандович Асмус, один из лучших историков философии советского времени. Как теперь понимаю, сам выбор темы, для этого времени более чем необычный, оказался для меня счастливым: я нашла для своих исследований то философское направление, которым с увлечением занимаюсь до сегодняшнего дня. И которое, что много важнее, набирало теоретические потенции, содержательность, обретало все большее число последователей и исследователей как в XX, так и в XXI веке. Первая книга, мною опубликованная, называлась «Принципы и противоречия феноменологической философии» (Москва, 1967). Конечно, в дальнейшем работа велась мною не только над исследованием феноменологии: были написаны и опубликованы книги и многочисленные статьи, посвященные философии XVII века, учениям Канта, Гегеля, Ницше, Хайдеггера. Также исследовался процесс развития русской философии конца XIX – начала XX века, особенно в контексте ее взаимодействия с философией Запада. Эти исследования помогали, когда снова довелось возвращаться к феноменологии Гуссерля, что стало для меня своего рода творческой потребностью.¹

В 2003 году была опубликована моя большая книга «“Идеи I” Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию», в которой подробно исследовалось выдающееся произведение основателя феноменологии «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913 г.). Он сам трактовал его как введение в феноменологическую философию, какой она сложилась уже после «Логических исследований». В книге 2003 года был подведен итог многолетней работы над феноменологией, хотя ни в чем буквально не воспроизводились прежние публикации. Эта книга была написана на новом витке развития, в период, когда внешние условия уже не влияли на свободу творчества в России, когда мне предоставилась возможность еще основательнее поработать над феноменологической литературой в архивах Гуссерля (прежде всего в Кёльне). Правда, и раньше повезло заполучить беспрецедентные для России возможности доступа к сочинениям Гуссерля (Husserliana), к серии «Phaenomenologica» – благодаря поистине счастливой для меня ранней встрече с легендарным директором архива Гуссерле в Лувене Людвигом Ван Бреда, который распорядился о присылке мне в Москву этих изданий (распоряжение, увы, перестало действовать сразу после его смерти...). Другое обстоятельство, позволившее постоянно держать руку на пульсе феноменологической работы во всем мире – личные знакомства и контакты с выдающимися феноменологическими авторами XX века. Кроме Л. Ван Бреда это были: Ст. Штрассер, Д. Фёллесдал, Х. Дрейфус, Д. Смит и Р. Макинтайр, Г. Кюнг, П. Янссен, В. фон Херрманн, Х. Отт, Т. Рокмор, А.-Т. Тыменецкая и другие. Особого упоминания заслуживает Архив Гуссерля в Кельне, где я неоднократно работала во время пребывания в этом городе. Сотрудникам архива – важнейшему специалисту в области феноменологии Д. Ломару и Х. Пейкеру – особая благодарность. (Ссылки на исследования вышеперечисленных авторов читатель найдет в книге об «Идеях I» и в данной работе).

¹ Перечень моих работ, посвященных феноменологии, читатель найдет в общем библиографическом разделе в конце книги.

В процессе моей многолетней работы в философии помимо «Идей I» в центре внимания постоянно находились «Логические исследования» и другие произведения Гуссерля. Был проделан и представлен читателям подробный и, надеюсь, достоверный текстологический анализ второго тома этого замечательного гуссерлевского труда, осуществленный ещё до того, как само произведение было переведено на русский язык. (Часть моих публикаций на эту тему переведена на английский язык. См. *Analecta Husserliana*, v. XXVII). Ретроспективное обращение к «Логическим исследованиям» есть и в упомянутой книге, посвященной «Идеям I».

Для книги 2003 года был написан краткий раздел о становлении идей Э. Гуссерля, о его вхождении в философию, в частности, о его пребывании в Галле. Между тем тема эта все больше овладевала мною, все время гнездилась в сознании. Окончательным толчком к её освоению в виде исследовательского проекта стало участие в посвященной Хр. Вольфу конференции, которая состоялась в Галле. Первое пребывание в Галле произвело на меня сильное впечатление. Можно было почувствовать атмосферу этого замечательного, кстати, неплохо сохранившегося университетского города, что для меня лично всегда было очень важно. (Так, когда я заканчивала свою книгу «Путь Гегеля к “Науке логики”», то посещения Штутгарта, Йены, Бамберга или Гельдейберга – по приглашению *Negelvereinigung* – были дополнительными источниками вдохновения.) Очень захотелось именно здесь, в Галле, поработать над темой «Гуссерль в Галле», про которую было известно: она чрезвычайно важна, а исследована мало. Поделилась своими идеями и планами с Ю. Штольценбергом, тогда профессором философии в Галле. И встретила его понимание. Когда работала именно в Галле, то постоянно опиралась на поддержку проф. Ю. Штольценберга, рассказывала о своих идеях, получала ценные советы и ориентации. Пользуясь случаем, выражаю ему благодарность за помощь и за саму возможность побывать в Галле, поработать здесь. (Слово «здесь» употреблено потому, что пишу эти строки именно в Галле, за письменным столом в квартире, которая на три месяца стала мне «домом», моим «zu Hause» (как говорят немцы.) Из окна вдалеке вижу шпили города Галле. Здесь меня окружали и многочисленные книги, статьи, фотографии, которые помогли погрузиться в атмосферу эпохи конца XIX века. Хотелось именно на земле Галле, бывая в её прославленном Университете, передать хотя бы отчасти приметы места и времени – конца XIX века. К эпохе конца XIX века, признаться, испытываю особую привязанность, что видно в других моих работах, например, посвященных Ф. Ницше и Вл. Соловьеву – авторам, о которых Э. Гуссерль тогда или не писал или ничего не знал, но которые, как и он, в то же время параллельно работали над выработкой новых философских парадигм, оказавшихся столь новаторскими и влиятельными, что во многом предвосхитили и определили развитие философской мысли уже в XX веке.

По инициативе Ю. Штольценберга была подана заявка в DFG (Немецкое исследовательское общество), которое в 2005–2006 гг. сделало возможным мое трехмесячное пребывание в Галле. Выражаю благодарность DFG, без поддержки которого, пожалуй, не было бы этой книги или, во всяком случае, она писалась бы не в Галле, т. е. не там, где именно и рождалась ранняя гуссерлевская философия. Вторую возможность поработать в Галле предоставил мне в 2007 году фонд имени Александра фон Гумбольдта, лауреатом премии которого имею честь быть и благодарности которому за неизменную поддержку снова хотела бы выразить. А читатель, надеюсь, увидит и поймет, сколь многое в предлагаемой теперь работе определялось благотворным, иницилирующим влиянием места и времени, т. е. той «топографической точки», где все происходило (Галле, университет Галле), и аурой той исторической эпохи в развитии немецкой мысли, в частности, связанной с Университетом Галле-Вюртемберг. А реконструировать последнюю лучше всего было, конечно же, в самом этом городе.

Самая горячая признательность – тем людям, которые в Галле оказали мне неоценимую помощь, дав ориентацию в литературе, отвечая на мои конкретные вопросы, давая

вполне конструктивные советы. Моя особая благодарность – проф. Регине Мейер, чья личная помощь и чьи работы (что легко заметит читатель по соответствующим ссылкам) тщательно использованы в Приложении к данной книге, в серии «Case studies» (оно является исследованием конкретных исторических дел, обстоятельств, относящихся к деятельности научного сообщества Галле конца XIX века). С соавтором Р. Мейер, г-ном Гюнтером Шенком, встретиться не удалось, но моя благодарность за широко использованные здесь обстоятельные исторические исследования этих двух авторов («Der Spirituskreis», «Beförderer der Logik»), разумеется, относится и к нему.

Я также выражаю благодарность господам Катарине Фай (K. Vey) и Кристине Кантхак (Kanthak), которые в Галле оказывали мне разнообразную техническую помощь, и г-ну О. Рудольфу, к которому я обращалась за различными советами, относящимися к компьютерным наброскам работы.

Введение

«Гуссерль в Галле» – эта увлекательная тема, уже ставшая предметом отдельных, пусть не слишком многочисленных, но, как правило, тщательных исследований немецких философов и историков (на них буду постоянно опираться в предлагаемой работе), еще ждет *целостного систематического* изучения и прочтения. Ее значимость вполне ясна и в целом (но только в целом) уже очерчена в специальной литературе.

Именно в Галле будущий выдающийся философ XX века, математик по образованию Эдмунд Гуссерль, искавший свой путь в науке, окончательно определил для себя, что посвятит свою жизнь философии. Такое жизненно важное решение созрело не сразу. Защитив в Венском университете в 1883 году, в двадцатичетырехлетнем возрасте, выполненную под руководством и влиянием видного математика Карла Вейерштрасса первую – математическую – диссертацию на тему «Очерки по теории исчисления вероятностей» (*Beiträge zur Theorie der Variationsrechnung*) и став «доктором философии» (что просто означало первую – докторскую, а в нашем понимании кандидатскую – ученую степень), Гуссерль, уже под влиянием видного австрийского философа и психолога Франца Brentano, стал двигаться от математики к философии. Промежуточной станцией на этом пути была, что естественно, философия математики, правда, понятая и взятая молодым ученым в весьма широком значении (это, как будет показано в дальнейшем, соответствовало духу времени и особенно духу математики, развивавшейся в Германии).

Внимание начинающего исследователя привлекли центральные для математики, в частности и в особенности для арифметики, проблемы осмысления понятия числа и, в более широком смысле, осуществления «исчислений» (*Kalkül, Rechnung*). Теме числа и была посвящена вторая, габилюционная диссертация Э. Гуссерля (*Über den Begriff der Zahl*), которая к 1887 году уже была готова и защищать которую он отправился в Университет Галле – по совету того же Brentano и с его письмом-рекомендацией, адресованным бывшему его ученику, а тогда профессору-ординариусу этого университета Карлу Штумпфу.

После сдачи необходимых экзаменов и защиты диссертации Гуссерль стал приват-доцентом в Университете Галле – Виттенберг. Как складывалась его педагогическая деятельность в Галле, через какие жизненные и профессиональные трудности пришлось пройти за тринадцать лет жизни в этом городе – особый вопрос, который будет подробно освещен в данной книге (с опорой на превосходные конкретные исследования современных немецких историков, пока совершенно неизвестные в России).

С первых шагов своей педагогической деятельности Гуссерль читал лекции и вел своего рода практические занятия (*“Philosophische Übungen”*), посвященные *самым широким философским проблемам* (введение в философию, в теорию познания; история философии нового времени; философия Канта; основные проблемы этики; проблемы логики; свобода воли и доказательства бытия Бога и т. д.). Независимо от того, был ли это только собственный выбор вчерашнего математика или его – скорее – обусловили внешние обстоятельства, ясно одно: Гуссерль в Галле прочно вступил в профессиональный мир философии; и он должен был там освоиться, найти в нем свое место. Чтобы понять, что это означало в тогдашних условиях, в дальнейшем нам нужно будет подробно выяснить, какие конкретные типы философствования сосуществовали и боролись на философской сцене конца XIX века вообще, на почве немецкой философии, в частности, и в философском сообществе Галле, в особенности, к каким из них Гуссерль стоял ближе, а с какими боролся и полемизировал.

Главное же, необходимо вполне *конкретно и тщательно* разобраться в том, какие возможности и перспективы *новаторского* философского исследования открыл для себя Гуссерль, сначала осязая, а потом все увереннее двигаясь по дороге *не полностью нового* для

тогдашних философии, логики, психологии междисциплинарного синтеза и исследования, но все же оригинального и в основе своей именно философского (а не психологического), в конце концов приведшего к блестящему результату – эпохальному двухтомному труду «Логические исследования». И хотя в развитии самого Гуссерля это не был конечный пункт, пусть преобразования своего сложного и глубокого учения он осуществлял всю жизнь, – именно в Галле им было сделано, в первых очертаниях, выдающееся философское открытие XX века. Им стала, как известно, *философская феноменология нового типа*, уже тогда, к началу века, так или иначе объединившая оригинальную теорию и тончайшую по своим процедурам, неизвестную прошлому философскую же методологию.

Считаю, что до сих пор не даны убедительные и развернутые ответы на целую группу чрезвычайно важных и интересных вопросов. И вот они: какие внешние влияния, события и процессы в научной и философской жизни, дискуссии в ближайшем и дальнем сообществе ученых, наконец, какие личностные переживания должны были сплестись в единый и прочный узел, чтобы состоялось упомянутое философское открытие Гуссерля? Какие философские идеи, которые, так сказать, носились в воздухе тогдашней философии и науки, были подхвачены, переработаны Гуссерлем и тем самым способствовали его новаторскому прорыву («Durchbruch», прорыв – это слово самого философа, отнесенное к «Логическим исследованиям»)? И какие тенденции, установки философии, науки, культуры должен был преодолеть молодой ученый, чтобы проложить дорогу вызревавшему в его уме новым идеям? Какие личностные качества он должен был развить в себе, чтобы справиться со многими житейскими, профессиональными и другими трудностями, обусловленными скудным заработком, проблемами и заботами растущей семьи, неупроченным положением в университетской иерархии? Какие друзья и коллеги в наибольшей степени сглаживали «горечь» (слова самого Гуссерля) трудностей, медленного процесса признания его таланта? Признания не со стороны наиболее значительных умов университетского круга Галле, ибо они достаточно быстро распознали в Гуссерле настоящего ученого и стремились упрочить его положение. А со стороны принимавших практические решения чиновников сферы образования. На эти и другие вопросы в литературе вообще-то существуют ответы, но в этой книге хотелось исследовать тему и более конкретно, и в более целостной, систематической форме. И, пожалуй, главное, что подтолкнуло к углублению в избранную тему: существует настоятельная необходимость преодолеть досадный разрыв между *чисто историческим*, фактологическим подходом к философским явлениям и процессам (при этом никак нельзя отрицать значительные заслуги историков, особенно тех, которые добыли множество архивных документов по интересующей нас здесь теме – они здесь широко использованы) и подходом *внутрифилософским*.

Это, в частности, означает, что надо *привести в связь исторические факты*, обстоятельства весьма различного характера и научный, *философский труд* самого Гуссерля, что пока далеко не всегда удавалось исследователям. Здесь к теме «Гуссерль в Галле» применена специальная методология исследования философии в социально-философском, духовно-нравственном, внутринаучном контекстах, которая была разработана и использована в целом ряде моих историко-философских исследований 60–90-х годов XX века, как и в публикациях последнего времени. Она будет подробнее охарактеризована и применена, в частности, в первых частях книги, при анализе общественно-исторического контекста и ситуации в Галле в конце XIX века.

В своих историко-философских работах я всегда придавала и придаю особое значение *личностному миру философа*, процессу формирования этого мира под влиянием и обще-исторических трансформаций, и всего того, что происходит в его стране, особенно в ближайшем к нему сообществе. Ценности, установки личности и сообщества, их необходимая переоценка, историческое чутье философа и его способность предвидеть, предчувствовать

динамику истории – вот те важнейшие проблемы, которые исследованы в данной книге применительно к историческому отрезку, совпавшему с деятельностью Гуссерля в Галле. И считаю это тем более важным, что именно там и тогда удивительным образом интерферировали процессы поистине коренных, судьбоносных преобразований в обществе, науке, философии и в личностном движении самого Гуссерля.

Приехавший в Галле, по понятиям того времени, молодым человеком (ему было 27 лет), Гуссерль встал перед многими вызовами как объективного, так и субъективно-личностного свойства. Он хотел и должен был стать ученым. А из всех данных и документов ясно, что сие означало именно для него: он всегда ставил перед собой новаторские и невероятно трудные исследовательские задачи; он не знал покоя, пока не добивался заметного успеха – что, впрочем, снова становилось для него всего лишь вызовом: добиться в философии еще большей ясности, основательности, глубины.

В историко-философской работе меня всегда привлекала также тема молодости, ранних этапов творчества философа. Представляется, что историки философии в погоне за изображением уже достигнутых тем или иным выдающимся мыслителем блестящих результатов нередко упускают из виду удивительный по своей таинственности и значимости *процесс становления философского ума и философских идей*, который, кстати, может особенно интересовать и даже интриговать молодых людей, намечающих для себя перспективу вхождения в мир культуры, науки, философии.

Итак, тесное, органическое *переплетение* процесса грандиозных исторических трансформаций, выпавших на эпоху *fin de siècle*, конца XIX и начала XX века и нашедших многочисленные выражения в науке, культуре вообще, философии, в частности, и протекавшего в Галле (процесса, во многом связанного именно с местными культурными, научными условиями, событиями, с жизнью университета Галле) напряженного поиска Гуссерлем оригинального, нового пути в философии, завершившегося «Логическими исследованиями», – таковой была стержневая линия первой части исследования, результаты которого предложены здесь благосклонному, надеюсь, вниманию читателей.

В последующих частях книги осуществлена конкретная исследовательская работа, цель которой – детально охарактеризовать то *поле* научных тем, принципов, подходов, решений, на котором Гуссерль оказался именно в Галле, причем в круге непосредственных творческих влияний, исходивших от близких ему направлений и идей, и которое, вместе с тем, было *репрезентативным* для науки и философии его времени. Следует добавить, что методология такого исследования тоже разработана в весьма малой степени. По большей части используются непосредственные ссылки в работах исследуемого философа (в данном случае Гуссерля) на работы других ученых, в том числе наиболее близких по духу и идеям. Этот простейший прием по-своему продуктивен, и не воспользоваться им было бы неверно. Однако здесь есть существенная теоретико-методологическая трудность. Ведь *реальные* влияния, *действительная* зависимость того или иного ученого от *контекста и поля идей* своих предшественников и современников, – в особенности от выработки новых парадигм в других *узлах* исследований, из-за своей актуальной новизны до поры до времени остающихся неизвестными, – всегда *шире, глубже, основательнее*, чем можно ухватить через прямые цитаты, ссылки и упоминания.

Идейно-творческая атмосфера, которая складывается в тот или иной период, в том или ином научном сообществе – это вообще весьма тонкая, однако совсем не некая призрачная *материя* для исследователя. Охарактеризовать ее, разобраться в сплетении ее нитей, не ограничиваясь тем, что *субъективно* ухватили и зафиксировали сами участники процесса, а проникая в то, что сплелось, работало объективно и складывалось в некоторую целостность, – вот одна из задач, которая ставилась в этой книге применительно к теме «Гуссерль в Галле». Особенно важно было сосредоточиться на вопросе о том, где возникали и как интер-

ферировали в тот во многих отношениях переломный период волны новаторства, *усилия по поиску новых парадигм*, предпринимаемые и при непосредственных взаимовлияниях, и параллельно – причем осуществляемых на почве не одной, а многих научных дисциплин, теоретических полей. (Тема «Г. Кантор – Э. Гуссерль», до сих пор очень мало и поверхностно исследованная, кажется мне в этом отношении особенно показательной и красноречивой.)

И еще одно уточнение: когда речь идет об *интерференции* духовных волн, это вовсе не означает, что воздействующие друг на друга влияния принимаются позитивно, без возражений. В становлении и деятельности выдающихся творческих личностей, к каким, несомненно, уже со времени своей молодости принадлежал Э. Гуссерль, по существу всегда имеет место *диалог* – пусть по форме он подчас (хотя и не всегда) бывает вежливой и почти-тельной ссылкой на сделанное предшественниками, учителями, коллегами, но по сути и содержанию это, как правило, *острый, серьезный, содержательный спор* вокруг проблем, обладающих живой актуальностью, а одновременно непреходящей значимостью для науки и культуры. И эту сторону дела мы рассмотрим конкретно и тщательно, анализируя творческий мир молодого Гуссерля.

В последующих частях книги будут подробно проанализированы сочинения раннего Гуссерля. В центре анализа стоит «Философия арифметики» – своеобразное *резюме* более ранних разработок Гуссерля. По отношению к нему исследовательская претензия автора этих строк состоит в том, чтобы по-новому взглянуть на научные достижения раннего Гуссерля, повысить в глазах исследователей и читателей *самостоятельную теоретическую ценность* этого как будто бы весьма специального по теме, но – с моей точки зрения – значительного *философского* произведения, притом своеобразно *синтезирующего* именно в рамках философии (в данном случае философии математики) подходы различных дисциплин, прежде всего математики, психологии и логики. А они *в то время*, чего никак нельзя забывать, еще были *принципиально философскими по своему характеру*.

«Логические исследования» в предлагаемой книге не будут анализироваться специально, а предстанут как перспектива; ее, с одной стороны, следует иметь в виду, с другой стороны, не превращать в некую цель, движение к которой как бы телеологически предопределено. Ведь Гуссерль на протяжении долгого времени, понятное дело, не знал и не мог знать, во что именно выльются его настойчивые, напряженные и порой даже мучительные поиски. То обстоятельство, что «Логические исследования» не будут в данной книге предметом самостоятельного и обстоятельного анализа, объясняется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, это выдающееся произведение (и поистине необозримую литературу о нем) невозможно и нецелесообразно анализировать в книге, посвященной другим сюжетам. Во-вторых, в моих прежних исследованиях по феноменологии был дан обстоятельный, в том числе текстологический анализ «Логических исследований» (особенно II тома).

Предлагаемая работа, таким образом, нацелена на то, чтобы заполнить пробелы в философском исследовании становления и развития мысли раннего Гуссерля. Хорошо известно, сколь огромен сегодня массив работ по феноменологии и как обширна их география: исследователи всех континентов внесли свой вклад в наращивание феноменологических или посвященных феноменологии публикаций. Но это, к сожалению, лишь в небольшой мере относится к интересующей нас теме – к развитию идей и личности Гуссерля, которое осуществлялось именно в Галле.

Источники

Работы, специально посвященные интересующей нас тематике, долгое время можно было пересчитать на пальцах одной руки. Из таких исследований, специально посвященных теме «Гуссерль в Галле» (и постоянно используемых мною), хочу особо выделить (здесь – для обобщенного предварительного обзора) ряд работ.

Это вышедшая в 1994 году, к 300-летию юбилею Университета Галле, небольшая, но очень ценная книга «Гуссерль в Галле» (Husserl in Halle. Hans-Martin Gerlach, Hans Rainer Sepp, Hrsg. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien, 1994). Я ссылаюсь на нее в своей книге 2003 года, посвященной «Идеям I». И в данной книге упомянутая публикация служит одним из источников, на которые я постоянно опиралась, обязательно обращая внимание на коррективы, предлагаемые в более поздних, особенно архивных исследованиях.

Уже упоминались в «Предисловии» имена историков из Галле Гюнтера Шенка и Регины Майер, их исследования, посвященные не только (и не столько) Гуссерлю, но и другим авторам. Их особая ценность – опора на источники из Архива Университета Галле, которые в книгах Г. Шенка и Р. Майер воспроизводятся полностью или цитируются. В случае Гуссерля (после ознакомления с их исследованиями) возникло предположение, что вряд ли удастся обнаружить в архивах что-то новое. Это предположение подтвердилось после моей работы в том же архиве, что констатирую с оттенком грусти, ибо самой обнаружить в архиве что-то, что до сих пор не было известно, разумеется, было бы соблазнительно. Увы, такового материала не оказалось (да ведь и официальные документы, касающиеся Гуссерля, весьма немногочисленны). Подтверждая точность воспроизведения касающихся Гуссерля исторических фактов – в основном, в работе «Beförderer der Logik», буду цитировать в соответствующих случаях это сочинение. Сказанное относится и к другой работе названных авторов – «Spirituskreis...», которая освещает весьма конкретные эпизоды жизни университетского круга Галле и помогает живо почувствовать духовную атмосферу, понять характер размежевания в университетской и, шире, интеллектуальной среде Германии конца XIX века (хотя названная книга охватывает более обширный исторический период). Материал о Spirituskreis читатель найдет в разделе «Приложения».

Далее скажу об исследованиях, которые оставляют в стороне специальный вопрос «Гуссерль в Галле», но так или иначе посвящены проблематике становления феноменологии и обращены к ранним работам, написанным в Галле, – а к ним, не будем этого забывать, принадлежат и знаменитые «Логические исследования». Но если данному произведению Гуссерля, как известно, посвящен очень большой массив литературы, то это целые десятилетия не относились к осмыслению довольно длительного *пути*, приведшего к первому крупному, уже феноменологическому труду Гуссерля.

Вернер Иллеман, еще в 1932 году опубликовавший одну из первых важных для нашей темы книгу «Дофеноменологическая философия Гуссерля» и отмечавший уже достаточно прочное положение разросшегося феноменологического направления в философском мире его времени, сетовал, однако, на то, что при заметном количестве работ о феноменологии почти отсутствуют исследования, посвященные раннему Гуссерлю и что не выполняется существенная задача исследования *возникновения* феноменологии.² С известными оговорками и уточнениями можно сказать это и применительно к длительному периоду истории вплоть до последних десятилетий XX века.

Бросался в глаза контраст между лавинообразным возрастанием – с середины XX века – литературы о Гуссерле, о феноменологии в целом и отсутствием должного внимания к

² См.: Werner Illemaan. Husserls vorphänomenologische Forschung. Leipzig 1932.

становлению феноменологии в философском развитии ее основателя, совпавшему с его пребыванием в Галле. В. Иллеман в начале 30-х годов писал, что первые работы Гуссерля «О понятии числа» (1887) и «Философия арифметики» (1891) остаются неизвестными. И действительно, долгое время о произведениях раннего Гуссерля знали лишь совсем немногие философы. Правда, за более чем столетнюю историю феноменологического движения накопились книги и статьи, пусть тоже немногие, где о первом этапе философского развития Гуссерля так или иначе идет речь.

Если иметь в виду книги, специально посвященные работам Гуссерля до «Логических исследований», то надо указать на работу молодого (в момент её публикации) философа Х. Пойкера «От психологии к феноменологии. Путь Гуссерля к феноменологии “Логических исследований”» (*Henning Peucker: Von der Psychologie zur Phänomenologie. Husserls Weg in die Phänomenologie der «Logischen Untersuchungen»*. Hamburg, 2002). Часть этой работы посвящена именно первым произведениям Гуссерля. Книга Пойкера систематична, основательна, глубока. Она также представляет собой своеобразное обобщение исследовательской деятельности феноменологов над наследием раннего Гуссерля.³

Книга Х. Пойкера оправданно начинается с упоминания о том споре, который давно уже ведется в феноменологической литературе – о преемственности (*Kontinuität*) в длительном, более чем полувековом процессе развития мысли Гуссерля, начиная от первых работ до произведений самых последних лет жизни. Многие ученики Гуссерля, а одновременно и исследователи его философии (Э. Финк, О. Беккер, Л. Ландгребе) отстаивали ту идею, которую горячо поддерживает и Пойкер и которую так выразил Л. Ландгребе: «Творчество Гуссерля развивалось в полной преемственности, так что его в конце концов сложившаяся форма (не вполне зримая в опубликованных сочинениях) должна быть рассмотрена как последовательное развитие того основного мотива, который проявляет свое действие уже в самых ранних сочинениях».⁴

Я тоже придерживаюсь мнения о существовании преемственности в развитии гуссерлевской философии. И в данной книге буду постоянно прочерчивать линии, ведущие от самых ранних, дофеноменологических сочинений Гуссерля к его более поздним, уже собственно феноменологическим разработкам – как и напоминать о ретроспективных оценках основателем феноменологии своих более ранних произведений и идей (с уточнением, что здесь много непредвиденных сложностей). При этом идею о преемственности исследовательских ориентаций Гуссерля считаю совершенно необходимым дополнить, уточнить, имея в виду справедливость суждений тех феноменологических авторов, которые обращают внимание и на определенные разрывы, перерывы преемственности (*Diskontinuität*) в развитии Гуссерля, на существование разнородных, даже относительно самостоятельных периодов, этапов, форм его развития. Это тем более относится к периоду, который, пусть и с некоторой долей телеологии, именуют «дофеноменологическим» и который, однако, завершается формированием первого варианта феноменологии. Недаром же его сравнивают с докритическим периодом в философском движении Канта. Ибо прорыв и переход были такими резкими, значительными, крутыми, что впору было в духе гегелевской диалектики подумать о перерыве постепенности, о скачке, о возникновении философии совершенно нового теоретического качества. И когда феноменология уже оформилась, отдельные ее этапы – при существовании общей преемственности – все же означали возникновение новых

³ Впоследствии я буду не раз обращаться к этому ценному исследованию, ссылаться на него, а одновременно выскажу свои принципиальные возражения против некоторых идей, отстаиваемых в названной книге и воплотившихся в её заголовке – «От психологии к феноменологии», ибо полагаю, что было бы досадным упрощением маркировать раннюю концепцию Гуссерля лишь термином «психология».

⁴ *Ludwig Landgrebe: Phänomenologie und Metaphysik*. Hamburg 1949. S. 57.

понятий, структур, типов феноменологической мысли. Достаточно напомнить о периоде перехода от «Логических исследований» к «Идеям...».

Немаловажно и то, как сам Гуссерль переживал и оценивал эти крутые повороты в своем идейном развитии, а отчасти и в своей судьбе философа-исследователя. Наиболее ценные результаты и прорывы обретались благодаря чрезвычайному напряжению всех творческих сил, такой их концентрации, что верно говорить об *актах настоящей драмы духа*, которые разворачивались в глубинах души и мысли (хотя находили и некоторые внешние проявления и иногда фиксировались Гуссерлем в письмах к родным, друзьям и коллегам). Методологически и теоретически говоря, предпочитаю здесь иметь в виду и анализировать как теоретическую, так и личностную *антиномию преемственности и неожиданных прорывов к новому* – антиномию глубоко творческую, переживаемую в высшей степени напряженно и драматично.

В следующих главах будет представлена (кратко, но и детально) история прибытия и пребывания Гуссерля в Галле, растянувшаяся на достаточно длительный – тринадцатилетний – период.

Но сначала – о городе Галле и его университете, причем в том единстве *места и времени* жизни философа Гуссерля и его собственной судьбы, которое предстоит реконструировать.

Часть I. Гуссерль в Галле

Глава 1. Город и университет: страницы истории и конец XIX века

Жизненный путь привёл двадцативосьмилетнего Гуссерля в Галле, что после габиляции уже было связано с намерением поселиться в этом городе и начать работать в Университете Галле–Виттенберг. В Галле Гуссерль задержался надолго: здесь прошли его молодые, а потом и более зрелые годы. Но обо всем этом – позже.

Теперь же предлагаю читателям совершить воображаемое путешествие: попробуем вообразить (разумеется, используя сегодня имеющиеся в нашем распоряжении довольно обширные и добротные материалы), в каком состоянии к 1887 году был этот некогда прославленный город, в XVIII столетии оправданно считавшийся одним из центров немецкого Просвещения. Каким увидел его Гуссерль, как город менялся в конце XIX века, как обжился в нем молодой ученый, чей жизненный путь начинался в тогдашней Австро-Венгрии, но в годы студенчества пролегал не только через австрийские, но и немецкие университетские города?

Это поможет понять *реальную историческую среду жизни* раннего Гуссерля и исторические же корни, на которых выросла феноменология. Замечу: обычно в историко-философских работах, посвященных крупным или великим философам (а таким мыслителем-новатором в итоге всей своей деятельности стал для XX века Эдмунд Гуссерль), о среде жизни если и говорят, то на ходу, второпях, не придавая этому как бы постороннему для философии фону сколько-нибудь существенного значения. В случае данного исследования дело обстоит иначе. И в других моих книгах и статьях, посвященных философам Запада и России разных эпох и направлений, социально-исторические корни их жизнедеятельности рассматриваются не как внешние и нейтральные, но как влияющие на целый ряд направлений философской работы – конечно, не прямо, а опосредованно, больше всего через формирование особых типов личности, мотиваций, ценностей и т. д. (методология такого исследования и способы её применения обосновываются в ряде моих работ).

Далее будет применен особый прием повествования на тему «Гуссерль в городе Галле»: предложу вообразить маршруты молодого ученого, а через них – исторические вехи развития города (особо – места жизнедеятельности Гуссерля), чтобы через этот материал представить, какие ориентации, ценности могли сложиться во внутреннем мире формирующегося философа как личности, сложиться внутренне и спонтанно, но все же и под влиянием города Галле, его среды, истории, духовной атмосферы и т. д.

Можно ли сегодня представить себе, как выглядел в 1887–1901 годах город Галле – чтобы с наибольшей точностью вообразить улицы, по которым каждый день проходил Гуссерль, дома, которыми он любовался, Университет, в который он направлялся и в котором он работал? Как все это выглядело в то время? Вполне возможно. И дело не только в том, что обычно от истории городов остаются гравюры, рисунки, а с определенного времени и фотографии, в XIX веке, правда, ещё довольно редкие. В случае Галле 80–90-х годов XIX века было дополнительное счастливое обстоятельство: в то время в Галле жил талантливый фотограф Фриц Мёллер (Möller, 1860–1923), тогда прославившийся своими прекрасными работами. Он-то и запечатлел город и его жителей в многочисленных фотографиях, в том числе (по технике тогдашнего времени) на стеклянных негативах. Часть их долгое время пребывала в неизвестности; а в 50-х годах XX века в одном из предназначенных к сносу домов их

обнаружили – в удивительной сохранности, несмотря на войну и все турбулентности эпохи. В 1999 году была опубликована замечательная книга «Галле на рубеже веков. Фотографии Фрица Мёллера». Важно, что речь в книге идет о рубеже XIX и XX веков, предоставлены визуальные свидетельства, относящиеся как раз ко времени пребывания Гуссерля в Галле.

Качество (черно-белых, конечно) фотографий – даже в сравнении с изощренной фотографической техникой наших дней – просто-таки поражает. Неслучайно Ф. Мёллер получил золотую медаль в Париже за свою изумительную серию так называемых «мимических фотографий», которые представляли собой не строгие парадные фотопортреты (таковые он тоже делал), а веселые изображения гримасничающих или застигнутых врасплох людей; среди них и прекрасная серия автопортретов, показывающих, что фотограф не был лишен артистического дара.

Благодаря снимкам Мёллера мы располагаем материалом, позволяющим с большой достоверностью проиллюстрировать рассказы об обычных путях Гуссерля – скажем, из дома в Университет, а также «увидеть» то, что на этом своем пути действительно мог видеть тогда новый житель этого города. Причем увидеть не только парадную красоту зданий, и сохранявшихся веками, и совсем еще новых, построенных *в эпоху промышленно-экономического бума, которая ведь пришла именно на это время*. Мёллер фотографировал, в чем можно убедиться, город в его повседневной неприкрашенной жизни. Но ведь Галле именно тогда стал красивым, оживленным, динамично развивающимся городом. Впрочем, Мёллер запечатлел не только город: он сфотографировал – среди других университетских педагогов – и самого Гуссерля! Это было сделано в серии изготовленных в 1894 году для Университета Галле – Виттенберга (к 200-летию его юбилею) портретов преподавателей университета. На большом плакате под названием «Философский факультет» среди 34 фотопортретов есть и портрет Эдмунда Гуссерля – в центре предпоследнего нижнего ряда. Портрет этот вряд ли узнаваемый: здесь запечатлен молодой Гуссерль – с окладистой бородой, хорошо ухоженной; это привлекательный тридцатипятилетний человек; лицо удлиненное, выразительные глаза; высокий лоб; приятный строгий костюм. (На этом же фотографическом плакате есть и портреты ряда ученых, ставших *героями* моей книги.)

Но прежде чем мы *попадем* в историческую ситуацию конца XIX века, имеет смысл совершить короткий экскурс в предысторию города и его Университета, с которой (можно не сомневаться) так или иначе познакомился и Эдмунд Гуссерль. Отправившись в Галле и поселившись в нем, Гуссерль наверняка знал, что это город с очень давними корнями. Как пишут в исторических книгах, город прошел многовековой путь от укрепленного замка времен Каролингов к соляному городу на рубеже Средневековья, а затем к промышленному, университетскому центру нового времени.⁵ Первые сохранившиеся упоминания в хрониках относятся к 806 году. То место, на котором впоследствии вырос город, называлось «Halla» – название, собственно, относилось к упомянутому замку, который в последующие два с половиной века пришел в полный упадок. Во времена короля Отто III (XI век) было разработано «торговое право», которое предоставляло права и привилегии торговым, рыночным поселениям. Соответственно ему, как предполагают историки, торговое поселение – «de merkato Halla», впервые возникшее на месте будущего города Галле, как бы заявило о своем существовании. С XII века начинается постепенное выстраивание в этой местности поначалу небольшого, а в последующие столетия растущего поселения.

С чего начиналось их строительство в средневековой Германии? Конечно же, с церковных и административных зданий, как правило, воздвигаемых в самом сердце города, на

⁵ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. Halle im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Halle, 2006. S. 15 (далее при цитировании: Ibidem, с указанием страниц).

Площади рынка (Marktplatz), что повелось ещё с греческих полисов – это была старейшая традиция Европы, традиция создания агоры. Так было и в Галле.

В исторических документах упоминается, что с XIV по XVIII век возводились, достраивались, перестраивались те строения, которые как-то удержали свой общий облик еще и в то время, о котором у нас идет речь. Поэтому Гуссерль, проходя через Площадь рынка (Marktplatz), обязательно видел на восточной стороне площади близко друг от друга построенные или просто примыкающие друг к другу здания ратуши, «Капеллы в честь Святого креста» и так называемое «Waagegebäude», которое было своеобразной городской палатой мер и весов: тут ведали всем, что касалось веса, размера, объемов товаров, которые долгое время продавались совсем рядом, на самой рыночной площади или вблизи её. (Отметим: вообще-то такие социально-исторические предпосылки, залегающие в глубинах ещё более ранней истории, способствовали постепенному выделению «счётно-измерительной» деятельности – и её *объективной* увязанности с последующей математической и философской проблемой числа.) В доме мер и весов, кстати, помещались и университетские аудитории, о чем ещё будет идти речь. Этому старинному ансамблю, возникшему к 60-м годам XV века, во время Второй мировой войны был нанесен сильный урон, так что сегодня мы можем увидеть его только на предвоенных фотографиях. А Гуссерль видел его, конечно, после вековых достроек и перестроек, но в достаточно хорошей сохранности. Столь же сохранными были к концу XIX века ещё более старинные постройки на Площади рынка.

Сказанное относилось прежде всего к так называемой Красной башне (Der Rote Turm), которая и по сию пору служит своего рода символом и опознавательным знаком города Галле. (Правда, в тот момент, когда пишутся эти строки, т. е. в конце 2007 года, она завернута в пластик, потому что находится в процессе реставрации.) Гуссерль видел её, как показывают (черно-белые) фотографии Ф. Мёллера, в довольно хорошем состоянии. В некотором отдалении слева от Красной башни расположилось внушительное здание Marktkirche, т. е. церкви на площади рынка.

История Красной башни примечательна и интересна. Её строили в XV – начале XVI века (1418–1506), сначала в знак траура по жертвам голода; потом она, действительно, стала главным символом города Галле. В практическом отношении её применение на протяжении истории оставалось неясным: здание толковали то как колокольню, то как сторожевую башню, то как башню с главными городскими часами (Geschichte der Stadt Halle, Bd. 1, S. 236).

Какими бы ни были споры о предназначении этого грандиозного, впечатляющего сооружения, в основном пункте есть согласие: «Можно уверенно говорить, – пишет современный исследователь Долгнер (D. Dolgner), – что Красная башня – с её высотой, далеко превосходящей все вокруг, с её хорошо дифференцированным, отвечающим высоким эстетическим претензиям, впечатляющим обликом и благодаря тому, что со всех примыкавших улиц её можно было видеть и по ней ориентироваться, – была всем чем угодно, но только не скромной колокольней» (Ibidem. S. 236). Вот её и воспринимали также и как символ власти, единства городской общины, всегда претендовавшей на автономию. Динамически воспаряющую вертикальность башни трактовали как обращенность к Богу. «... Так башня стала вместе и сакральным зданием, и знаком городского, гражданского представительства» (Ibidem. S. 237). Подобным образом, видимо, и понимали её двойную функцию те, кто создавал и осуществлял грандиозный для Средневековья проект. Согласно документам, хранящимся в городском архиве Галле, сразу после окончания строительства башни возвестили о том, что это сделано «во славу всемогущего Бога, непорочной девы Марии, всех небесных обитателей, как и во имя украшения высокославного города Галле, для всей его общины и даже всего региона» (Ibidem. S. 237).

Конечно, Площадь рынка в конце XIX века не выглядела такой, какой она была при строительстве её главных, ещё и сегодня так или иначе сохранных достопримечательностей. Но не было никаких сомнений в давнем историческом происхождении, красоте, архитектурной значительности, сакральном и гражданском смысле сооружений этой площади. Основное, пожалуй, состояло в том, что коренной житель Галле, или приезжий, выходя на эту «святую» площадь, одновременно был свидетелем неприглаженной, пестрой, бурной повседневной жизни города. В этом нетрудно убедиться, взглянув на упомянутые снимки Ф. Мёллера.

Вступая на Площадь рынка, Гуссерль, как и всякий другой житель Галле этого времени, не мог не погружаться в атмосферу бойкой торговли – причем очень простой, повседневной. Товары (а они были самые разные – от продовольствия, утвари до крупных предметов, инструментов и т. д.) выкладывались на лотках и помостах. Люди из окрестных деревень, городские ремесленники, торговцы, мелкие и крупные, продавали плоды своего труда – они прямо, лицо в лицо общались с покупателями, своими согражданами.

Но эта же площадь к вечеру преображалась. Торговцы увозили или уносили непроданные товары. Граждане гуляли по главной площади и примыкавшим улицам, встречались, общались друг с другом, заходили в уютные Кнейре – немецкие пивные. Кто побогаче, встречались в ресторанах, ресторанчиках, клубах, в театрах, на концертах, в частных домах.

Раз уж мы в нашем воображаемом путешествии, “вместе с Гуссерлем”, по городу Галле 80–90-х годов XIX века задержались на центральной Площади рынка, вспомним ещё об одном важном обстоятельстве. В соответствии с тысячелетними традициями европейских полисов и она была для жителей Галле своего рода агорой, где концентрировалась гражданская жизнь и где незримо хранились передаваемые из поколения в поколение ценности свободы, гражданственности, прав человека, которые завоевывались, утрачивались и снова отвоевывались в многовековой борьбе. Здания на восточной стороне Площади рынка, о которых мы уже упоминали – Ратуша, Капелла Святого креста, Waagegebäude, которые так или иначе восходили еще к Средневековью (XIV век) – как раз и символизировали собой ценности свободы, гражданственности, управления и самоуправления города Галле, значение которых неизмеримо возросло и наполнилось новым содержанием именно в описываемую эпоху. Историки подробно и доказательно реконструировали строительно-архитектурную историю Ратуши, Капеллы и примыкающих зданий, доказав, сколь тесно с этой историей были связаны самые различные направления вековой хозяйственной, торговой, ремесленной, но также и политической, гражданской деятельности города Галле.⁶

Эта история во многих отношениях важна и показательна. Она демонстрирует, что ещё с XIII века в городской Совет, заседавший в Ратуше, наряду с двумя бургомистрами входили граждане, которые производили нужные городу продукты: как продукты питания, так и все необходимое для повседневной жизни. Поэтому на Площади рынка предоставлялись места для торговли жизненно необходимыми тогда товарами: на северной стороне торговали предметами из меди, в то время широко применявшимися в обиходе; там же продавали зерно и овес. В западном крыле площади находился небольшой рыбный рынок. Конечно, мелкие торговцы (*insitores*) – в отличие от крупных (*mercatores*) – не были собственниками тех «торговых точек», которые находились на площади. Сначала владельцем считался архиепископ, глава города, которому торговцы за использование площадей должны были платить ренту. Он мог сдавать их – при условии выплаты ренты – монастырям, церквям, рыцарям. «Но начиная со второй половины XIII века в возрастающей степени уже семьи бюргеров получали в свое распоряжение собираемые с торговцев выплаты» (*Ibidem*. S. 234).

⁶ Dieter Dolgner. Rathaus und Markt–Orte städtischer Öffentlichkeit / Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. Halle 2006. S. 227–238.

В XIX веке – вместе с ускоренными процессами индустриализации, урбанизации – менялась социальная структура города; возникали новые социальные группы, они предъявляли свои гражданские права. Впрочем, эти преобразования осуществлялись и раньше, почему относительно однородный по своим процессам исторический период с конца XVIII века до Первой мировой войны называли «долгим столетием».⁷ Подобные преобразования, кстати, осуществлялись почти в пятидесяти немецких городах, причем по их объему и динамике город Галле стоял в середине списка. И вот в этих-то сложных процессах в городе начинала разворачиваться гражданская жизнь. То, что немцы называли «Bürgertum», гражданственность, гражданская жизнь (от слова «Bürger», которое означало: гражданин, житель города), всегда имело место в немецких компактных поселениях. Но теперь, когда население стремительно увеличивалось, само оно требовало, чтобы город был более благоустроенным, зеленым, красивым. Между тем традиции повседневного городского быта были скорее скверными. В конце XVIII века Галле был совсем маленьким городком с 15000 жителей. Современники свидетельствовали, сколь он запущен. «Дома почти все глинобитные, внутри и снаружи они выглядят очень плохо; совсем немногие из них или из кирпича, или из скальной породы, заимствованной на развалинах замка Гибихенштайн. Улицы кривые, с ухабами, вымощены самой плохой брусчаткой... Ко всему тому улицы очень узкие, грязные, особенно после дождливой погоды. Все это – наряду с отоплением углем и всяческими отбросами, которые жители позволяют себе безнаказанно выбрасывать на улицу, да еще и выбрасывается содержимое ночных горшков – подчас создает невыносимое зловоние».⁸ Если относящееся к концу XVIII века описание достоверно (в чем вряд ли приходится сомневаться), то отсюда можно заключить, какой прогресс городской жизни произошел всего за одно столетие. Сказанное, впрочем, относится не только к Галле, а ко многим европейским, в частности, немецким городам. XIX век знаменовал настоящий переворот в городском благоустройстве, затронувший повседневную жизнь достаточно широких (конечно, не всех) слоев городского населения. Но это не могло произойти само собой. Изменение было результатом очень существенных сдвигов в сознании и деятельности многих граждан немецких городов. Должны были слиться воедино несколько процессов деятельности и сознания.

Нужно было, чтобы в сознании и поведении высших слоев общества – королевского двора, дворян, церковных чинов – начали пробивать себе дорогу *ценности гражданской ответственности, солидарности, сострадания к бедным, обездоленным гражданам*. Такие примеры имелись, и только краткость повествования не позволяет нам остановиться на них подробно.

И всё же город трудно было назвать «цивилизованным», если воспользоваться современной терминологией. Но он постепенно и неуклонно цивилизовался. В 20-е годы XIX века бургомистр Меллин даже создал *Verschönerungskommission*, т. е. комиссию по украшению города. Правда, в целях «украшения» и расширения, улиц увы, подчас сносили старинные крепостные ворота и башни... Появилось немало новых скверов с просторными аллеями (*Promenade*), красивыми деревьями и высаживаемыми цветами. Это давало, кстати, новые возможности общения и высоко оценивалось жителями.⁹ И вот в 1892 году возникла и реализовалась идея соединения так называемых Старого и Нового Променада в одну линию улиц, как бы окольцовывающих старый город и позволявших, как того решительно требовал в своем письме один из жителей, «нашим согражданам совершать чудеснейшие, удобнейшие круговые прогулки через город».¹⁰

⁷ Ute Trevert, Heinz-Gerhard Haupt(Hg). Der Mensch des 19. Jahrhunderts. Frankfurt a/M., 1999. S. 9.

⁸ Die Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. S. 406.

⁹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 29.

¹⁰ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 30.

Несомненно, такие прогулки совершал и Гуссерль со своей семьей. Было ли это во время прогулок или по дороге в Университет, но Гуссерль должен был проходить через лучшие улицы Галле, примыкавшие к Площади рынка или находившиеся недалеко от нее. Это были, например, Большая Ульрихштрассе, Малая Ульрихштрассе, Вайзенхаусринг, Барфусштрассе, Бергштрассе, улица «Кляйнер Берлин» – «Маленький Берлин» (и многие другие), на которых именно в годы пребывания Гуссерля в Галле были построены красивейшие, подчас ещё и сегодня сохранившиеся дома.

Таковы, например, очаровательные дома на Große Ulrichstraße (сейчас дом 33/34), где ныне помещается Dresdner Bank (уже Jugendstil, построен в 1897/98 годах); на ней же – угловой дом (сейчас № 52, построен в 1890 году) или дом на Waisenhausring (построен в 1893 году); дом на улице Kleiner Berlin (1880/90 годы постройки); Bergstraße 1 (построен в 1890/91 годах). Заметьте: дома эти воздвигались как бы на глазах Гуссерля и его семьи. (И вспомните простой факт: красивые новые дома на улицах наших городов и на пути обычных движений по ним – влияют на нашу повседневную жизнь.) Угловые, сравнительно невысокие дома вообще красиво и уютно обыгрывают свое положение на стыке трех улиц: они подобны маленьким кораблям на реках городских улиц; угловые контуры их позволяли пристроить интересные башни, эркеры, обрамить их колоннами и орнаментами. Такие архитектурные приемы, кстати, подсказывали очень старые дома: на углу Kleine Ulrichstraße находится прелестный дом в стиле Fachwerk, построенный в 1591 году, как бы связующий две лучами сходящиеся улицы. Словом, всего и не перечислишь...

...Придирчивый читатель может спросить: а какое отношение все это имело к формированию личности и идей Гуссерля? Ответу: в том числе и достаточно прямое. Что каждый из мыслящих абстрактно философов может проверить на самом себе. От того, живем ли мы, работаем, отдыхаем в цивилизованных, человеческих условиях – или, напротив, в окружающей нас «мерзости запустения», наши умонастроения, ценности, наконец, жизненные планы существенно зависят, причем подчас довольно прямо и непосредственно. Пожалуй, не менее, если не более такие факторы влияют (опосредованно, через комплекс причин и факторов) на духовные ценности, на положение учреждений и людей духа, работающих в науке, культуре, сферах образования, на их статус и оценку, признание со стороны сограждан. Что касается описываемых объективных социально-исторических тенденций, то решающее значение имеет следующее: *процессы цивилизации, динамичного развития городов, особенно университетских городов в XIX веке (и не только в Германии) заключали в себе и имели своим следствием мощный запрос на научные знания, на усовершенствование сфер образования.*

Надо вспомнить нечто из собственного опыта каждого из нас: ведь всякий город, всякое поселение на что-то настраивает своих жителей. Конечно, их ориентации и умонастроения всегда индивидуальны. Но ведь не случайно говорят о специфическом менталитете, психологии берлинцев или парижан, петербуржцев или москвичей. Не берусь судить о том, что типично сегодня для жителей Галле, Hallenser (одно слово на русском образовывать нецелесообразно, ибо это будет сливаться с уже занятыми словами «галлы», «галльский», которые история связала совсем с другими народами и событиями). А над тем, к чему морально, психологически, эстетически, творчески подталкивал своих граждан город Галле в последние десятилетия XIX и самом начале XX века, можно и нужно поразмыслить.

И вот о чем следует сказать перво-наперво: это был *трудоустроенный город*. Жизненное благополучие всегда давалось здесь упорным трудом – исторически на соляных копиях, а к интересующему нас времени на разнообразных относительно небольших предприятиях. Это не был «модный» город из тех, которые облюбовывала феодальная знать, а потом избирал крупный капитал. Здесь гнезилось среднее и мелкое по размерам производство; многие жители были ремесленниками или обслуживали других своих земляков. Возник также особый слой

предпринимателей, озабоченных не только и даже не столько получением прибыли, сколько нуждами производства, благополучием работников и общими нуждами города.

§ 1. Традиции духа и культуры в городе Галле

Университетский люд, несомненно, тоже принадлежал к трудовым слоям. И благодаря завидным традициям Германии (впрочем, таковые в тот век ещё сохранялись и в России) труд профессоров, преподавателей был, что мы ещё покажем, весьма престижным и хорошо оплачивался. Чтобы отвечать высоким критериям, предъявляемым к университетской профессуре, надо было трудиться смолоду и всю жизнь: ведь в университетские профессора вообще, в профессию Университета Галле, в частности, «призывали» (*berufen*, то есть приглашали с намерением принять в свои ряды) людей с именами, достаточно известными в Германии, а также и за её пределами. И даже наиболее, казалось, веселые, бесшабашные молодые люди из университетского народа – студенты – тоже должны были ежедневно трудиться. А в случаях, когда они приходили в Университет из самых простых семей, это означало необходимость особо упорным трудом, прилежанием пролагать себе путь, преодолевая нужду, иногда элементарный голод. Но они продолжали учиться. Во имя чего? Ответ опять-таки можно было найти именно в истории Галле. Ибо это был *город с традиционно высокими ценностями не только труда как такового, но и интеллектуального, духовного труда, труда в сфере науки, культуры, образования*. Почтение к такому труду, понимание его внутренней привлекательности и престижности было, таким образом, издавна присуще менталитету и психологии обитателей Галле. Конечно, люди, принадлежащие к разным слоям, понимали и выражали эти ценности и установки по-разному. Но в том, что они были общераспространенными, сомневаться не приходится. Сказанное, разумеется, не означает, что путь в науку каждого, кто в неё устремлялся, был простым и безоблачным. Однако важно, что сама эта устремленность к интеллектуальным, духовным жизненным занятиям, труд в этих областях в Галле традиционно оценивали высоко, то есть правильно и дальновидно.

Надо особо сказать о том, что в Галле престижной считалась и такая деятельность, которая осуществлялась в рамках религии, теологии, внутрицерковной активности. Но важно, что в конце XIX века это не был клерикальный город с претензиями на власть церковной верхушки (времена, когда в Галле располагалась резиденция епископов, были далеко позади). Гуссерля, перешедшего в протестантство, видимо, вполне устраивало то, что это был «умеренно протестантский» город. Он некогда одним из первых пережил реформацию – из-за близости к Виттенбергу, где начиналась деятельность Мартина Лютера. (Во времена Христиана Вольфа, как известно, боролись различные течения в протестантстве.) Это одна сторона дела. Другая сторона: человеку науки, не желавшему, подобно Гуссерлю, участвовать во внутрицерковных, религиозно-теологических размежеваниях, было вполне сподручно жить в городе, где протестантство исповедовалось спокойно и добровольно. А внутри университета традиционное почтение к теологам никак не мешало ученым трудиться в сугубо светских областях знания и науки.

Поскольку Гуссерль происходил из еврейской семьи, его касалась та часть духовно-нравственной атмосферы города, которая была связана с отношением горожан к евреям, к еврейской общине. И тут дело обстояло относительно благополучно. Канули в далекое прошлое времена, когда рано зародившаяся в городе, старейшая в Германии еврейская община (конец XII века) была изгнана из Галле магдебургским епископом. В истории подобные изгнания не раз повторялись.¹¹ Но к концу XIX века и в этом вопросе в Германии вообще, в Галле в частности, выработались цивилизованные подходы. Евреи – ремесленники, торговцы, пред-

¹¹ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 1. S. 201 и f.f.

приниматели, профессора, студенты – вполне нормально, без особых опасений, жили и работали в Галле. Пройдет несколько десятилетий, и Германия, увы, прервет эти здоровые традиции цивилизованного бытия и заболеет варварской болезнью государственного антисемитизма, приведшего, как известно, к холокосту, одному из самых страшных преступлений XX века. И хотя приобретший общеевропейскую известность Эдмунд Гуссерль и члены его семьи сохраняют жизнь, но направленные против евреев преследования затронут и их. А вот в конце XIX века ничто, казалось, не предвещало такого печального итога...

Имея в виду особенности менталитета и психологии, в конце XIX века характерных не только для жителей города Галле, очень важно именно в исследуемом нами контексте отметить, что в те десятилетия над размеренным бытием предшествующих веков *возобладал динамичный дух перемен, преобразований, новаторства, состязательности*. Он овладел трудовой жизнью людей в самых различных областях. Одни стремились строить – причем сравнительно с прежними временами быстро, красиво, заботясь о комфорте и удобствах не в традиционном, а в новом понимании. Другие создавали новые производства – и как раз на основе тогдашних продвинутых знаний (машиностроение, химическое производство).

Третьи стремились к новому в архитектурном деле, в искусстве, литературе. Четвертые хотели управлять городом, его хозяйством, его гражданской жизнью по-новому, с опорой на быстро возникающие и расширяющиеся знания об экономике, политике, гражданском обществе. А вот пятые (к ним принадлежал и Гуссерль) наперегонки создавали новые концепции, теории в науке.

Полагаю, не будет ни преувеличением, ни социологизацией утверждать, что эти тенденции в общей духовно-нравственной атмосфере города *вполне отвечали духу свободы, новаторства, творческого беспокойства, устремленности к теоретической глубине и разрешению самых трудных вопросов науки*, который с молодости овладел Эдмундом Гуссерлем и который до самой смерти оставался господствующей чертой его личности. Представляется оправданным описанные особенности духовно-психологической атмосферы Галле отнести и к другим городам Германии (да и остальных частей Европы) того же времени. И это будет совершенно верно: *таков в известном смысле был общий дух времени*. К Галле все сказанное относится в той мере, в какой этот город в своем бытии и развитии действительно воплощал дух эпохи и, в частности, весьма интересного её периода – двух последних десятилетий XIX века, *fin de siècle*, а также рубежа XIX и XX веков.

§ 2. Университет Галле–Виттенберг

Вполне понятно, что дух времени ближе всего, конкретнее, повседневнее, влияет на отдельных ученых через институты, в которых они трудятся. В Германии (с самых давних времен) это были университеты.

В ранней своей истории Университет Галле располагал зданием на Площади рынка, о котором мы уже говорили – *Waagegebäude* рядом с Ратушей. В нем вплоть до 1832 года размещалось всё, что относилось к Университету: библиотека, аудитории, зал, помещения университетского ректората и сената. Это здание было частично разрушено во время Второй мировой войны, а в 1947 году снесено. Значит, мы не можем видеть строение, которое более двухсот лет было символом и воплощением истории Университета Галле. А вот Гуссерль видел его, чуть ли не ежедневно проходя по рыночной площади. Направлялся же он к разросшемуся именно в XIX веке университетскому комплексу, находившемуся на Университетской площади, совсем недалеко от Площади рынка.

Во второй половине XIX века Университет Галле–Виттенберг не имел единой и однозначной пространственной локализации. Конечно, он ассоциировался с так называемым «*Löwengebäude*», или зданием со львами, главным административным центром универси-

тета. Но здания университетских институтов и клиник были разбросаны по всему городу – правда, они располагались на улицах, расположенных не так далеко от центра. Некоторые из них были построены ещё в первой половине XIX века, другие возникли как раз во время экономического, культурного подъема второй половины, особенно последних десятилетий XIX столетия. Тогда были построены: Институт ботаники (1842–1844 гг., в последующие годы он достраивался); Институт химии (1862–1863 гг., в 1891–1893 гг.; институт стремительно достраивался, что отражало растущую потребность общества в химических знаниях); Институт физики (1887–1890); Археологический музей (1889–1891); Институт физиологии; Институт анатомии. Были также возведены различные клиники: психиатрическая и невропатологическая, гинекологическая, так называемая «Медицинская клиника» и другие принадлежащие Университету клиники и лечебные учреждения. В эти же годы построено здание Библиотеки университета (1878–1880).

Итак, вывод: Университет Галле – как обширный, охватывающий многие институты совокупный учебно-исследовательский комплекс, – складывался именно в 80–90-х годах, то есть *на глазах Гуссерля*. Вновь выстраиваемые здания были большими, добротными, с индивидуальным архитектурным лицом. В архитектурном отношении существовала ориентация и на классицистские, или ренессансные традиции – разумеется, в том преломлении, которые они получили во второй половине XIX века, и на новые тогда мировые архитектурные веяния. «Архитектор Людвиг фон Тидеманн впервые в Германии заимствовал для проекта Университетской библиотеки в Галле конструктивные системы великих образцов Парижа и Лондона. Созданные Мартином Гропиусом наброски для здания Университетской библиотеки в Грейфсвальде послужили ему в качестве отправного пункта в подготовленном им в 1876 году проекте, который основывался на французской системе, сберегающей пространство и расходы на строительство».¹² Новаторским был функциональный проект интерьерера Библиотеки. Фон Тидеманн одним из первых отказался от показной и дорогостоящей роскоши университетских зданий во имя целесообразной конструкции, которая, однако, не должна была упускать из виду художественно-эстетические цели. Итак, университетские здания Галле тоже стали полигоном для прорыва новых идей в архитектуре. «Вместе со вскоре после этого построенными, по проекту Мартина Гропиуса и Хейно Шмидена, зданиями Библиотек в Грейфсвальде (1880–1882) и Киле (1881–1883), Галле пролагает пути для нового, открытого для рациональной аргументации направления...» (Ibidem. S. 154). Кстати, на пользу бурному развитию строительства Университета пошло и то, что в Галле у него не было конкуренции со стороны помпезных административно-управленческих зданий. «Правительство земли находилось в Магдебурге, правительство округа – в Мерзебурге, Верховный суд округа – в Наумбурге».¹³ В Галле вследствие этого не требовалось возводить официальные здания, и университетское строительство приобрело особое, чуть ли не главное значение для города (Ibidem).

В быстром строительстве и последующих достройках университетского комплекса таились, однако, серьёзные проблемы и затруднения. Ведь никто не мог предвидеть всего этого бума заранее и рационально спланировать происходящие процессы. Вскоре появились новые потребности – электрификация, газификация старых зданий. И опять достройки, перестройки, преобразования... Поэтому можно представить, какие поводы для критики такой неизбежно эклектический результат мог дать и сегодня дает строгому, взыскательному профессиональному взгляду архитекторов и знатоков, ценителей архитектурного дела. Да и университету как целому приходилось преодолевать территориальную разобщенность его различных институтов, и без того подверженных дифференциации научного знания, возрас-

¹² Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. С. 153–154.

¹³ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 155.

тающей (здесь и пространственной) отчужденности друг от друга его различных областей. Университетские власти, однако, стремились удержать комплекс зданий хоть в каких-то границах. «Три главных пространства сложились в ходе времени: группа зданий на Университетской площади, размещение клиник и институтов на территории “Neue Residenz”, помещения которой частично были в распоряжении Университета уже с 1735 года, и участки на нынешней Магдебургской улице, где находились медицинские учебные учреждения».¹⁴

Серьезные неудобства состояли в том, что в последние десятилетия XIX века университетскому люду приходилось работать в условиях постоянныхстроек, ремонтов, переездов. Но профессора, студенты, обслуживающий персонал, скорее всего, понимали: их университет разрастается, обустривается; и раз государство вкладывает столь значительные средства, значит, общество понимает возрастающую ценность знания и образования.

Ещё в первой половине XIX века предпринимались попытки увязать в единое целое и комплекс главных университетских зданий, и прилегающие улицы, которые предполагалось (ориентируясь на Лейпциг) превратить в озелененные «променады», примыкающие к «Alte Promenade», к старым пешеходно-прогулочным магистралям (ныне – Universitätsring, Университетское кольцо). Проект не удался. Но, как правильно отмечают историки, в этой части города «университетские здания всё-таки задавали свой масштаб».¹⁵

К этому комплексу зданий как раз и направлялся Гуссерль, пока он жил и работал в Галле. Расскажем попутно и о том, в какие дни и даже часы он, как правило, ходил по этим улицам, и так в течение тринадцати лет – на работу, т. е. на лекции и другие занятия. Так, в летнем семестре 1888 года по средам и пятницам (с 16 до 15 часов) он читал курс «Основные проблемы психологии»; в зимнем семестре 1888/89 годов ходил в Университет по вторникам, четвергам и пятницам (с 15 до 16 часов) читать обзорный курс «Энциклопедия философии»; в летнем семестре 1889 года по понедельникам, вторникам, четвергам, пятницам (с 16 до 17 часов) читал курс логики, а по пятницам (с 18 до 19 часов) вел семинар «Философские упражнения»; в зимнем семестре 1889/90 годов по понедельникам, вторникам, четвергам (с 12 до 13 часов) Гуссерлем был читан курс этики.¹⁶ И так год за годом, тринадцать лет подряд, почти каждый будний день приват-доцент Гуссерль ходил работать со студентами.

А сейчас продолжим рассказ об Университете Галле–Виттенберг в «гуссерлевское время». Известно, что в Университет Галле–Виттенберг в 80-х годах XIX века не было, собственно, одной и единой дороги. Все зависело от того, куда именно, в здание какого факультета – соответственно в какую лабораторию, клинику, библиотеку – направлялся преподаватель или студент. На одной из гравюр 1882 года комплекс университетских зданий представлял как своего рода городок в городе, как маленькое «царство» науки и образования. (Автором гравюры был упомянутый архитектор Людвиг фон Тидеманн, который, как отмечалось, в то время как раз и проектировал новый комплекс, сообразуясь с лучшими образцами подобных сооружений в Париже и Лондоне.) В сопоставлении с тем, что при основании Университета Галле в 1694 году по существу не было университетских зданий и помещений, прогресс был огромным. Но особенно объемными и в историческом масштабе (масштабе веков) стремительными процессы постройки зданий университетских институтов, клиник, библиотек стали именно в XIX веке, уже в его первые десятилетия. В целом же тот темп роста университетских домов и помещений, который имел место между 1860 и 1910 годами, был беспрецедентным, что, конечно, прежде всего связано с тогдашними растущими потребностями страны в квалифицированных естествоиспытателях, научно-технических специалистах, врачах, но также и в экономистах, юристах. А она была пробуждена

¹⁴ Ebenda.

¹⁵ Geschichte der Stadt Halle. Bd. 2. S. 155.

¹⁶ Husserl–Chronik, Bd. 1. S. 22, 23, 24 и ff.

ускоренным экономическим, а шире – социальным развитием, в частности, индустриализацией Германии после 1871 года.

Правда, с университетскими постройками в Галле спокойно сосуществовали окружающие дома и целые улицы: это не был (и не мог быть) обособленный кампус. Само решение строить университетские здания посреди города таило в себе и серьезные преимущества, и немалые недостатки. Преимущества были очевидны: университетские здания помещались в городе, жившем своей жизнью; студенты и педагоги не были оторваны от этой жизни и постоянно в неё погружались, что мы видели, проследив путь Гуссерля из дома на работу. Но были, конечно, и немалые недостатки. Ведь надо было добираться до университета, что тогда, фактически при отсутствии городского транспорта, составляло проблему для тех, кто не жил поблизости или пребывал (как некоторые профессора) в почтенном возрасте. До появления первых трамваев существовал лишь конный транспорт. Да и трамваи, появившись в самом конце XIX века, были скорее редкостью, нежели явлением сколько-нибудь обычным. Впрочем, практичные немцы видели свои преимущества в необходимости двигаться, гулять по улицам города (немецкое слово «laufen», буквально «бегать», означало в данном случае достаточно динамичную пешую прогулку).

Существенным недостатком беспорядочного, обусловленного многими обстоятельствами случайного способа достраивания университетских зданий была их децентрализация.¹⁷ В плане градостроительном возникала, конечно, проблема архитектурного разнообразия, хотя архитекторы Галле, как правило, стремились деликатно возводить новые университетские постройки, сообразуясь с особенностями прежде построенных домов и улиц.

Вообще говоря, динамическое развитие города как раз в то время, когда по нему (тринадцать лет подряд!) ходил Гуссерль, обусловило относительно единый архитектурный стиль целого ряда улиц, застроенных новыми домами именно в то время. (Я лично люблю этот стиль, и потому считаю определенным везением, что мне во время двух пребываний в Галле довелось жить на подобной улице – Reichardtstraße, где располагается гостевой дом университетского Института этнографии. У философского факультета и института, к слову, своего гостевого дома тогда не было и не предвиделось.) Дома, построенные в конце XIX – начале XX века, привлекают тем, что это совсем не помпезные здания предшествующих веков, а именно (до сих пор удобные, человечные) жилища простых людей среднего класса, без ненужных украшений, но с декором, стилевыми особенностями, придающими каждому зданию индивидуальное лицо и в то же время соединяющими дома в одну улицу со своим порядком, настроением.

Всегда испытывая дефицит свободной городской земли, немцы очень часто пристраивали дома стена к стене, почему целые кварталы и улицы образуют как бы единый комплекс, в котором отдельные дома, однако, имеют свое лицо, свой стиль. Некоторые же улицы, возникшие в XIX – начале XX века и сохранившиеся до сего времени (война, к счастью, в некоторой мере пощадила Галле), застроены красивыми, тоже не помпезными виллами или вполне достойными доходными домами, которые строились для быстро растущего населения. Гуссерль жил в одном из таких домов, а в гости к великому математику Г. Кантору ходил в одну из таких вилл, построенных именно для её хозяина. Улицы и в центре города, и в некотором отдалении от него в то время были, в основном, новыми, красивыми и уютными; немногие сохранившиеся дома прежних веков были подобны самым драгоценным камням в достойном архитектурном ожерелье. Полагаю, читатели согласятся со мною, присмотревшись к фотографиям некоторых таких домов и целых улиц, которые строились в конце 80-х и в 90-х годах XX века.

¹⁷ Geschichte der Stadt Halle, II, 155.

Это был, как мне представляется, удобный для повседневной жизни, более простой, более демократичный, чем прежде и, однако, эстетически привлекательный, в отдельных образцах элегантный, далекий от унифицированности архитектурный, градостроительный стиль, тесно связанный со стилем самой тогдашней жизни. Кстати, построенные во второй половине XIX века университетские здания, имевшие, как и все официальные учреждения, свои архитектурные, стилевые особенности, не выпадали из единого облика города. В результате всех построек и достроек в зданиях университетского комплекса совместился и так называемый *Zopfstil*, в котором, например, была построена «старая библиотека» (1778–1779), т. е. классицистский строгий стиль, подражающий античным образцам, а также особый, так называемый *Segment – und Rundbogenstil*, «инспирированный берлинской школой» и характерный для зданий, построенных по проекту упомянутого Людвига фон Тидеманна.¹⁸ На строгий взгляд профессионального архитектора здесь, возможно, царила самым сопряжением разных эпох обусловленная эклектика. Вспомним, однако, что к концу XIX века всё это(пока) должно было выглядеть достаточно однородным и в определенной мере совместимым. Главное, что постепенно возобладали «стилевые варианты целевого строительства»¹⁹ – зданий для жизни, труда, учебы растущей массы обычных людей и что вокруг города было достаточно строительных материалов для реализации таких проектов. Ценным было то, что Л. фон Тидеманну город поручил возведение в тех же районах не одних только университетских зданий. «Рядом с библиотечными, институтскими зданиями, зданиями клиник он представил план строительства тогдашнего Райхсбанка на Кёнигштрассе (1880). В целом же созданное им богатство вариантов воплотилось в многочисленных зданиях школ, казарм, больниц и т. д., зданий органов управления и жилых домов».²⁰ Так именно в 80–90-х годах при новом строительстве возникал относительно единый, целостный облик центральных частей города Галле.

Местами строения XIX века неплохо сохранились и сегодня, потому что Вторая мировая война, как упоминалось, пощадила город Галле: разрушения в нем, в сравнении с другими немецкими городами, не были особенно значительными. Правда, социалистическое хозяйствование (а Галле до объединения Германии был частью ГДР) нанесло прекрасному городу немалый урон. В сущности, каждый второй и третий дом из трех еще недавно требовал обновления. Происходило это медленно. Но уже и сегодня видно, что XIX век представлен в городе особенно хорошо и цельно (почему в нем любят снимать исторические кинофильмы, действие которых происходит в конце XIX столетия).

Но вернемся, следуя за Гуссерлем, в университетские кварталы. Итак, путь вел через центральные улицы города в университетские здания. Это могло вызвать у молодого ученого мысли о значении Университета Галле–Виртемберг как для города, так и для всей Германии. Некоторые историки подчеркивают, что «во второй половине XIX века Университет потерял свое господствующее место в жизни города».²¹ Когда говорят о некогда «господствующем месте» и его «утрате», то имеют в виду, конечно, громкую общегерманскую и общеевропейскую славу его во времена Христиана Вольфа, когда Галле стал, по существу, главным центром немецкого Просвещения и когда важнее Университета в городе, возможно, ничего не было. Но ведь каждый образованный человек знает также и неприглядную историю: Христиан Вольф, в первой половине XVIII века, возможно, самый знаменитый в мире немецкий философ, из-за влияния пиетистов был изгнан из Галле под тем вздорным предлогом, что его учение представляло-де опасность для прусского государства и его армии. Вместе с изгна-

¹⁸ Geschichte der Stadt Halle. Bd. II. S. 157.

¹⁹ Ebenda.

²⁰ Ebenda. S. 158.

²¹ Halle, alte Musenstadt... Streifzüge durch die Geschichte einer Universität. Halle, 1994, 14.

нием Вольфа утратила былое влияние его школа, важнейшая в науке и философии немецкого Просвещения. А когда Христиан Вольф триумфально возвратился в Галле, оказалось, что время было потеряно и что вместе с падением влияния и престижа немецкого Просвещения померкла слава Университета. Вольф, после изгнания на некоторое время поселившийся в Марбурге, принес славу и этому городу – опять-таки славу общеевропейскую, потому что к нему, прекрасному педагогу, ехали учиться из разных стран Европы. Как известно, с группой студентов приехал в Марбург и учился у Вольфа впоследствии ставший великим русский ученый Михаил Ломоносов.

Если и когда Гуссерль по улице проходил мимо дома Вольфа, то душа его, скорее всего, не трепетала, как наверняка случилось бы, если бы он был знатоком и поклонником просветительской мысли. Но ведь Гуссерль, не подробно знавший историю философии, вообще был равнодушен, тогда и позже, к учениям философов типа Вольфа, пусть и устремлявшихся на путь просветительского рационализма, но весьма далеких от того идеала «строгой научности», который уже на рубеже XIX и XX столетий захватил и философию. (Кстати, дом, в котором некогда жил знаменитый просветитель, – сегодня реставрированный, дом-музей Вольфа и один из культурных центров нынешнего Галле, – во время жизни Гуссерля в этом городе имел, судя по фотографии, неприглядный вид.)

И все же суждение о том, что Университет Галле–Виттенберг вместе с индустриализацией вовсе утратил-де своё принципиальное значение для города, нужно, как я думаю, брать *cum grano salis*, как говорят, «со щепоткой соли», то есть с поправками. ... Упоминание о «соли» в данном случае имеет больший, чем обычно, почти прямой смысл. Ведь город, как говорилось, исторически сложился, долгое время существовал и рос благодаря такому важному в те столетия полезному ископаемому, как соль. Соляные копи вокруг города долгое время были основой повседневного труда, благосостояния города.

Основание в XVII веке университета было некоторое время пусть очень важным, но всего лишь дополнением к экономическим составляющим. Впрочем, и университетская жизнь вносила свой вклад в экономическое благосостояние города: немалое число горожан кормилось благодаря тому, что они сдавали студентам жилье, кормили, лечили, обшивали их... Даже последнее было, как оказывалось, прибыльным делом – особенно по мере возникновения студенческих корпораций, союзов, предполагавших, что студентам будут шить, а они будут носить достаточно модные костюмы, головные уборы, другие аксессуары. Все эти обычаи, к слову, сохранились и в конце XIX века.

Итак, было бы преувеличением говорить об упадке университета на рубеже XIX и XX веков. Пусть университет Галле–Виттенберг не был тогда в числе *самых главных и самых прославленных* университетов Германии и Европы, он всё-таки имел неплохое реноме – потому именно, что его уже закончили, в нем преподавали и учились те, чьи имена тогда уже значились и ещё будут значиться на страницах духовной, культурной истории страны. Это касалось (хотя в разной мере) различных научных областей. Сейчас мы не будем говорить об этом подробнее, приводя факты и имена, потому что обстоятельный разговор о научном (особенно философском) сообществе Университета Галле, о месте, роли Гуссерля, коммуникации с коллегами разных специальностей – в том числе такими, как упомянутый великий математик Георг Кантор – у нас впереди.

Приступаю к специальному анализу своей темы – как сказано, волнующей, интригующей, очень мало разработанной.

Глава 2. Научно-педагогическая деятельность Э. Гуссерля в Галле

Пролог: вначале был Франц Brentano

У каждого события в человеческой жизни, тем более события значительного, всегда есть первоисток, а конкретнее, обстоятельства и другие люди, которые этому событию особенно активно способствовали. Приезд Э. Гуссерля в Галле, его габилизация и последующее преподавание в Университете имеет своим главным событийным первоистокom более раннюю его встречу с уже известным тогда австрийским философом и психологом Францем Brentano (Brentano).²² Эти обстоятельства в общем и целом освещены в литературе; существуют также и исследования, в которых рассмотрены теоретические проблемы, касающиеся влияния брентановской концепции на становление феноменологии Гуссерля, а также различий между обоими учениями.

В переписке Гуссерля и Brentano, в воспоминаниях Гуссерля имеются прямые свидетельства того, что встреча с Brentano стала поистине поворотным пунктом и в выборе Гуссерлем творческого, а значит, и жизненного пути – в данном случае в выборе между математикой и философией, в обретении специфической проблематики, угла зрения, важных для последующего реформирования логики и для попыток соединить новую логическую теорию знания с теориями познания и сознания. В моих более ранних работах по феноменологии эти темы также отчасти разрабатывались.

Напомню сначала о тех особых обстоятельствах жизни и творчества Гуссерля, которые восходили к влиянию Brentano и – под этим влиянием – вообще привели молодого ученого в Галле. «Как известно, Brentano дал молодому Гуссерлю совет: по поводу габилизации обратиться к тогдашнему ординарному профессору философии Университета в Галле, Карлу Штумпфу (Carl Stumpf). Штумпф – близкий друг Brentano – с 1884 по 1889 годы был ординарным профессором объединенного Университета Галле-Виттенберг (Friedrichs-Universität). Штумпф познакомился со своим будущим учителем Brentano в 1866 году на открытом обсуждении габилизационной работы Brentano в Вюрцбургском университете. Отточенная острота аргументов, с которой Brentano защищал свои тезисы, продемонстрировала Штумпфу, тогдашнему юному студенту, такое превосходство Brentano над его оппонентами, что Штумпф сразу же решил посещать брентановские лекции».²³

В судьбе молодого Штумпфа, который сначала хотел специализироваться в юриспруденции, Brentano принадлежала особая роль: он переориентировал способного молодого человека на занятия психологией, тесно связанной с естествознанием. «В особенности образовало нас то, что Brentano считал: философии не нужны иные методы, кроме тех, которые используются в естественных науках; и на этом он основывал свою уверенность в возрождении философии. Это было новое, несравненно более глубокое и серьезное понимание

²² Хочу предупредить читателей о том, как в этой книге будет располагаться материал, отнесенный к той или иной стадии жизни и творческого развития Гуссерля, а также к тем или иным мыслителям, ученым, влияние которых он испытывал, работы и идеи которых учитывал. Сначала будет дана – в кратком рассмотрении – целостная картина того или иного этапа, тех или иных личностных, жизненных, теоретических отношений, с ним связанных. Затем эта суммарная картина будет как бы разукрупняться, её звенья попадут под микроскоп более конкретного анализа в связи с отдельными эпизодами теоретического, идейного развития, с теми или иными книгами, текстами Гуссерля. Так и предлагаемая преамбула-пролог на тему «Brentano–Гуссерль» будет иметь разные продолжения, так что первая общая картина будет неоднократно и под разными углами зрения конкретизироваться.

²³ *Hans-Martin Gerlach. Es ist Seligkeit 13 Jahre lang Privatdozent und Tit. Prof zu sein / Husserl in Halle. Fr. a/M. S. 17.*

философии» – писал Штумпф.²⁴ Brentano посоветовал Штумпфу отправиться в Геттинген к известному тогда философу, психологу естественнонаучной ориентации Г. Лотце, у которого Штумпф позже защитил свою первую диссертацию. А теперь Brentano отправлял к своему прежнему ученику, К. Штумпфу, который уже стал ординариусом в Галле, молодого человека, в коем Brentano распознал – как потом выяснилось, безошибочно, – талант, причем именно талант одновременно философский, философско-математический, психологический, логический. Несмотря на молодость, Гуссерль уже успел побродить по научным тропам в поисках своего пути: он знакомился с астрономией (Лейпциг, 1876–1878), потом основательно изучал математику (Берлин, 1878–1881) у видного математика Карла Вейерштрасса (Carl Weierstraß) – и только из-за болезни последнего не стал его постоянным ассистентом, хотя и защитил под его руководством первую (математическую) диссертацию по теории исчисления вероятностей.

Довольно рано, еще в период учебы, Гуссерля привлекла к себе философия. Встреча с Brentano, его блестящие лекции положили конец колебаниям молодого ученого в выборе между математикой и философией.²⁵ Но хотя жизненный выбор в пользу философского пути Гуссерль, по его собственному признанию, сделал под влиянием Brentano, трудный путь в философию и тем более к самостоятельной работе в ней был еще впереди. Для нас очень важно, что на этой развилке дорог открылся путь в Галле – и опять-таки благодаря Brentano. Летом 1886 года Гуссерль отправился на отдых вместе с семьей Brentano (в местечко Ст. Гильген на Wolfgangsee). Можно смело предполагать, что учитель (Meister²⁶) и ученик подробно обсуждали философские и жизненные вопросы, в том числе те, которые касались дальнейшего научного развития Гуссерля. Не приходится гадать, к чему привели эти беседы. Аргументы, личностное обаяние Brentano были поистине неотразимыми – и математик Гуссерль выбрал философию. Существенно, что *с самого начала это была философия в сплаве с психологией, ориентированная на науку и принципы научности*. А первые самостоятельные шаги были сделаны Гуссерлем, что вполне понятно, на почве специализированной философии математики. Как потом выяснилось, выбор именно философии был для Гуссерля совершенно правильным и весьма перспективным. Возможно, Гуссерль с его теоретическими, аналитическими способностями (которые высоко оценивал его упомянутый учитель в математике, видный ученый К. Вейерштрасс) преуспел бы и в математических науках. Но точно известно: вступив, и не без колебаний, на философскую дорогу, Гуссерль стал одним из самых значительных философских первооткрывателей XX века.

Еще на лекциях Brentano, как потом вспоминал Гуссерль, произошло нечто весьма значительное для судьбы молодого человека. Правда, вначале Гуссерль пошел на эти лекции скорее из любопытства: он хотел услышать профессора философии, о котором говорила “вся Вена”. Слушал его скорее с недоверием – как математик может слушать философа. Но Brentano, блестящий лектор, положил конец колебаниям. «Скоро я сдался, – писал позднее Гуссерль, – скоро я был полностью пленен уникальной ясностью и диалектической остротой его рассуждений, так сказать, каталептической силой его анализа проблем и его теорий. Сначала из лекций Brentano я почерпнул убеждение, которое дало мне мужество избрать философию профессией своей жизни, а именно, что и философия является полем серьезной работы, что и она может, а значит, и должна быть рассмотрена (трактována) в духе строгой науки».²⁷ Отметим, что выбор в пользу философии Гуссерль оценивает как акт «мужества»!

²⁴ Carl Stumpf. Erinnerungen an Franz Brentano, in: Oskar Kraus. Franz Brentano: Zur Kenntnis seines Lebens und seiner Lehre. München 1919. S. 88.

²⁵ См.: E. Husserl. Erinnerungen an Franz Brentano, in: Oskar Kraus. Franz Brentano / Hua XXV. S. 304 ff.

²⁶ Мастером (Meister) Франца Brentano называл Гуссерль; впоследствии, в Геттингене, его самого будут так именовать его молодые последователи.

²⁷ Hua XXV. S. 305.

18 октября 1886 года Ф. Brentano пишет письмо К. Штумпфу, рекомендуя молодого человека – математика, но «ревностного слушателя философии» – для философской габилитации в Галле. В этой части моей работы я положу начало своему исследованию философских аспектов темы «Бrentано – молодой Гуссерль», но сейчас лишь предварю его краткими замечаниями, ибо в общем ракурсе предпринимаемого здесь анализа, его тематики и драматургии в этом месте работы может быть выполнен относительно небольшой пролог. (Далее в книге будут неоднократные специальные обращения к этой теме.) Ибо, во-первых, сравнительный анализ учений Brentano и Гуссерля как таковых предполагает ознакомление с обоими учениями. А во-вторых, не хотелось бы с самого начала упустить возможность преодолеть одно распространенное в литературе искажение: в ней упомянутый сравнительный анализ нередко осуществляется без учета вполне самостоятельного характера философии Гуссерля и той критической позиции, которую будущий основатель феноменологии весьма почтительно по отношению к Brentano, но твердо зафиксировал в следующих словах: «Вначале его восторженный ученик, я никогда не переставал чтить его как учителя, но мне не дано было остаться приверженцем его школы».²⁸ Эту оценку нам придется вспомнить и впоследствии, когда мы будем и конкретно, и в целом оценивать работы молодого Гуссерля. Поэтому здесь предложу вернуться в ту точку жизненного пути Гуссерля, когда он еще был «восторженным учеником» Brentano и когда различия, размежевания (впрочем, неизбежные и довольно скоро проявившиеся) еще не встали в повестку дня, – и задаться вопросом: что именно в философии и личности Brentano могло не только привлечь внимание молодого математика, но даже вызвать в его душе «восторг, воодушевление» (*Begeisterung*)?

Для (как сказано, лишь краткого) начального ответа на этот вопрос надо, с одной стороны, дать общую характеристику учения Brentano, как оно сложилось к середине 80-х годов XIX века, а с другой стороны, очертить – на основе известных, хотя и очень скудных сведений – первые идеи, творческие замыслы, устремления молодого Гуссерля (ему ко времени встречи с Brentano в 1883 году было 24 года) в их теоретических пересечениях с теми идеями и направлениями философии Brentano, которые ко времени становления Гуссерля как философа уже сложились.

С 1866 по 1872 год Brentano – приват-доцент в Университете Вюрцбурга. Уже тогда начинается воздействие Brentano на его многочисленных учеников, чьи имена вписаны в историю философии и психологии. Ибо «Brentano был харизматическим педагогом».²⁹ В Вюрцбурге у него учились Карл Штумпф, Антон Марти, теолог Герман Шелл. Когда Brentano (с 1874 года) преподавал в Венском университете, то его учениками были Алексис Мейнонг, Христиан фон Эренфельс, Франц Хиллебрандт, Эдмунд Гуссерль, Казимир Твардовский, Томас Масарик, будущий президент Чешской республики, и Зигмунд Фрейд. Всё это имена, хорошо известные в истории науки и культуры XIX–XX веков.

Незадолго до начала профессуры Brentano в Вене, а именно в мае 1874 года, вышел из печати I том его книги «Психология с эмпирической точки зрения» (*Psychologie vom empirischen Standpunkt*). И именно эта эмпирическая точка зрения на психологию, по-видимому, выступала на первый план в тех лекциях Brentano, которые Гуссерль – вспомним, еще не выбравший философию в качестве главного дела своей жизни – слушал в Вене. Именно и главным образом на эту работу и на лекции, им прослушанные, он ссылаясь в своих ранних произведениях «Философия арифметики» и «Логические исследования» (далее сокращенно ФА и ЛИ), когда речь заходила о Brentano. Поэтому нам так важны принципиальные идеи, замыслы, методологические разработки, запечатленные в этом бrentановском сочинении, которое, впрочем, так и осталось одним из классических произведений XIX века, весьма

²⁸ Hua XXV. S. 313.

²⁹ Gerhard Benetka. Denkstile der Psychologie. Das 19. Jahrhundert. Wien, 2002. S. 192.

влиятельным, часто цитируемым и используемым, вряд ли превзойденным самим Brentano на его дальнейшем, тоже достаточно плодотворном жизненном пути. Нельзя также забывать о факте, ранее отмеченном: Гуссерль, хотя и вдохновленный действительно харизматической *личностью* Brentano, испытавший его глубокое влияние, скорее всего, уже с самого начала занял умеренно-критическую позицию по отношению к *концепции и идеям* своего учителя. Мы и будем здесь исследовать эти концепции и идеи, постоянно задаваясь вопросом: как к ним относился Гуссерль, еще будучи студентом, а потом, уже отправившись – с защищенной первой диссертацией, с благословения и с рекомендацией Brentano – для габилитации в Галле?

Вот главный замысел «Психологии...», выраженный уже в Предисловии: «Мы должны здесь обрести в нашем рассмотрении то, чего математика, физика, химия и физиология, какая раньше, какая позже, уже достигли – создать то ядро всеобщепризнанных истин, к которым впоследствии, благодаря взаимодействию многих усилий, со всех сторон будут прирастать новые кристаллы. На месте *психологий* надо пытаться поставить [одну] *психологию*».³⁰ При этом Brentano рассматривал научное обоснование и структурирование психологии как предпосылку для коренного обновления, реформирования философии. Судя по отзывам Гуссерля, этот замысел Brentano был первым, что понравилось вчерашнему математику. Возможно, он боялся найти в философских, психологических сочинениях, лекциях расплывчатость понятий и методов. И его весьма обрадовало то, что Brentano призывал обрести в психологии и философии *кристаллы истин, точных и общезначимых*. Этот призыв и эти интенции Brentano не только нашли отклик в душе Гуссерля, что подтверждается в его известных воспоминаниях об учителе, но и оказали решающее влияние на жизненно важный поворот молодого ученого от математики к философии, где он тоже, и всю жизнь, будет искать «точность», «строгость» и «общезначимость».

Второе, что запало в душу Гуссерля и что, однако, проявило свое действие позже – в период создания ЛИ, было брентановское *понятие феномена*, вернее, зафиксированное в названной книге различие *физических и психических феноменов*. Правда, Гуссерль станет более широко актуализировать это брентановское понятие позже; при этом он иначе, чем учитель, истолкует и использует сей основополагающий и перспективный для будущей феноменологии термин. В ФА это различие тоже используется – хотя лишь в контексте проблемы «отношений» (Relationen) и довольно бегло, – о чем речь конкретно пойдет в разделе, посвященном данной работе Гуссерля. Больше чем это понятийное различие, его в ФА интересует брентановское разделение «собственных» и «несобственных» (или символических) представлений, в связи с которыми Гуссерль с благодарностью вспомнит именно прослушанные им университетские лекции Brentano (см. ФА, S. 193). А вообще-то присутствие психологии и философии Brentano в ранней работе Гуссерля – и мы это увидим при подробном анализе ФА – относительно небольшое и не идет ни в какое сравнение с вниманием, уделяемым учениям психологов Гельмгольца, Гербарта и даже Штумпфа. Думаю, это не случайно. Позиции Brentano и Гуссерля начали расходиться раньше, чем об этом решился открыто сказать почтительный, благодарный, но самостоятельно мыслящий ученик.

К вопросу о том, был или не был Гуссерль в дофеноменологический период всего лишь последователем Brentano – я тоже не раз обращаюсь в дальнейшем. И буду решительно оспаривать тезис, согласно которому Гуссерль в самых ранних работах, например, в «Философии арифметики», предлагает исключительно «психологическую интерпретацию», которая в свою очередь объясняется-де, тем, что он идет по следам Brentano, целиком или преимущественно опирается на его наследие (H. Peuker, 2002. S. 11, 24).

³⁰ Franz Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Leipzig 1874. S. VI.

Еще одна категория, а именно «интенциональность» – старое, еще средневековое понятие, актуализированное у Brentano – тоже сослужит свою службу Гуссерлю, начиная с «Логических исследований». Она станет стимулом к формированию и преобразованию, уже в контексте возникшей феноменологии, учения об интенциональности, проблемная широта и теоретическая глубина которого не идет ни в какое сравнение с исходными Brentano-скими разработками. В интересующий нас период понятие «интенциональности» в работах Гуссерля, насколько мне известно, уже привлечет внимание Гуссерля – но глубоко он разрабатывает его в ЛИ. Но тогда он не пойдет по пути Brentano, а предложит собственное истолкование этого понятия, которое станет центральным уже в первоначальной версии феноменологии, но особенно в развитом феноменологическом учении.

Сейчас достаточно, думаю, сказано для краткого исторического пролога – «вначале был Франц Brentano»... Что этому «прологу», однако, суждено было довольно скоро, уже в ранний период творчества и мучительных поисков Гуссерлем собственного пути, стать преддверием своего рода «теоретической драмы» – нам предстоит исследовать и доказать в дальнейшем.

§ 1. Нострификация, габилизация Гуссерля в Галле

Гуссерль привез в Галле и предъявил для габилизации работу «О понятии числа», которая осенью 1887 года была опубликована (но в книготорговлю она почему-то не попала).

Но прежде чем могла состояться габилизация, Гуссерлю следовало пройти «нострификацию», т. е. сдать в Университете Галле экзамены. Тогда деканом философского факультета был Иоганн Эдуард Эрдманн (1805–1892). Его имя было, несомненно, известно Гуссерлю, ибо И. Эрдманн, в частности, издал вышедшее в 1840 году новое собрание сочинений Лейбница. Оно быстро стало весьма популярным для всех, кто работал в философии или к ней приобщался. Этим изданием Гуссерль пользовался, когда писал ФА. С 1839 года И. Э. Эрдманн – профессор Университета в Галле, в 1887 году – восьмидесятидвухлетний человек (но тогда хорошо и четко выполнявший свою работу). В письме к своему факультетскому коллеге К. Штумпфу декан так обосновывал эту необходимость: «Г-н доктор Гуссерль, который хочет габилизироваться по философии, должен, – поскольку доктором он стал в Австрии, – пройти нострификацию, т. е. сдать полный экзамен *rigorosum*, который только aus Courtoi (по соображениям вежливости, деликатности – Н. М.) будет назван по-другому. Главный предмет – философия».³¹ Штумпф же, по просьбе своего учителя Brentano ходатайствовавший за Гуссерля, выдвинул предложение, чтобы Гуссерль все-таки не подвергался строгим экзаменам в полном объеме (*rigorosum*), ибо считал: требованиям подобных экзаменов в значительной мере удовлетворяет сама представленная диссертация. Обосновывая свое предложение, Штумпф в ответе на письмо Эрдманна подчеркивает, что «Гуссерль в своей работе предпринимает попытку выявить психологические корни понятия числа. Одновременно он характеризует существенные моменты содержания гуссерлевской работы» (*Ibidem*. S. 176). «Я считаю результаты в основе своей правильными и доказанными. В этой добросовестности [автора] работы я усматриваю гарантию для успешного продолжения его исследований», – резюмирует Штумпф. У него есть критические замечания, касающиеся формы габилизационного сочинения Гуссерля. Однако ответ на главный вопрос Штумпфу ясен: сначала нострификация, а потом габилизация; но нострификация не должна быть тождественна экзаменам *rigorosum*. Это предложение теперь полностью поддерживает и И. Эрд-

³¹ *Habilitationsakte von E. Husserl*, ИАН, Rep. 21 III, Nr. 139. Здесь и далее цитирую документы по книге, изданной ранее упоминавшимися историками из Галле Г. Шенком и Р. Майер, которые наиболее точно, подробно и основательно изучили материалы из Архива Университета Галле (см. *Beförder der Logik*. B. 2.1. S. 174.) Вместе с тем я держу в руках копии архивных документов, так что могу подтвердить подлинность публикации.

манн. 20 июня он сообщает о нем и коллегам по факультету, которые также выражают свое согласие (Beförderer der Logik, S. 176–177). (То обстоятельство, что *психолог* К. Штумпф не просто подчеркивает, но даже делает главными, если не единственными *психологические* составляющие будущей работы Гуссерля, не должно нас удивлять. Ведь иначе было бы неясно, почему *психолог* К. Штумпф хлопочет за молодого человека, которого хочет сделать, выражаясь современным языком, своим диссертантом.)

И с содержательной, а не только с формальной стороны аргументация Штумпфа была вполне понятна почтенному декану и профессору Иоганну Эдуарду Эрдманну (1805–1892 гг.). «Он считался последним гегельянцем и был своего рода посредником между различными направлениями, которые сформировались после смерти Гегеля».³² Действительно, известность И. Э. Эрдманну – кроме уже упомянутого издания сочинений Лейбница – принесла влиятельная книга «Немецкая философия после смерти Гегеля» («Die deutsche Philosophie seit Hegels Tode»). Но дело было не только в этом. Одной из специализаций И. Эрдманна (не путать с Бенно Эрдманном, о котором речь впереди) была как раз психология, рассмотренная с широкой философской точки зрения в его работах «Очерк психологии» (Grundrisse der Psychologie, 1840) и «Психологических письмах» (Psychologische Briefe, 1851). Его интересовали также проблемы логики, которые, конечно, интерпретировались в духе немецкого идеализма. Интерес к разработке этой проблематики, который И. Эрдманн обнаружил еще в относительно молодом возрасте, не угас и на закате его жизни – ко времени, когда Гуссерль приехал в Галле.³³ Поэтому можно заранее и смело предполагать, что поиски молодого ученого в направлении *психологического и логического обоснования математических понятий* почтенный философ старшего поколения, от которого теперь в известной степени зависела габилизация Гуссерля, будет только приветствовать.³⁴ Так что благосклонность Эрдманна была, в сущности, гарантирована. Итак, предложения факультета сформулированы.

Гуссерль с готовностью идет навстречу предложениям коллег пройти нострификацию. Пожелание кратко сформулировать содержание габилизационной работы в нескольких тезисах Гуссерль, как передает Штумпф, тоже находит «вполне естественным». «Согласно Эрдманну, Гуссерль с “большой готовностью” отозвался на то, чтобы 28-ого июня, во вторник, им были сданы экзамены и несколькими днями позднее состоялся диспут по его напечатанным тезисам и чтобы потом он прочел пробную лекцию – и уже тогда, получив лицензию, смог бы отправиться на каникулы».³⁵

Как видим, философский факультет все-таки должен был предъявить Гуссерлю некоторые формальные требования из-за того, что докторская степень была получена в другой стране (хотя и связанной с Германией тесными научными узами). Однако эти требования были логичными, вполне здравыми и вряд ли строгими. Этому способствовали авторитет хлопотавшего за Гуссерля Карла Штумпфа и благосклонность самого декана И. Эрдманна.

Сдача экзаменов не была для Гуссерля особенно трудным, но, несомненно, была ответственным делом. Надо было заявить о себе перед лицом университетских коллег. И еще одно следует принять во внимание: его экзаменовали ученые, хорошо известные в Германии и за ее пределами, – по математике экзаменатором был сам Георг Кантор, математик мирового класса, впоследствии создатель теории множеств; по физике экзамен принимал Герман

³² Der Spirituskreis (1890–1958). Bd. 1: 1890–1945, von Günter Mühlhpfordt und Günter Schenk in Verbindung mit Regina Meyer und Heiz Schuare. Hallescher Verlag 2001. S. 153. (Далее при цитировании: Der Spirituskreis, с указанием страниц.)

³³ В будущей книге Гуссерля «Философия арифметики» есть ссылки на сочинения И. Эрдманна, о чем речь пойдет при подробном текстологическом анализе этого написанного именно в Галле сочинения Гуссерля.

³⁴ Там же.

³⁵ Der Spirituskreis... S. 177.

Кноблаух, тоже известный в своей области ученый; экзамен по философии был сдан тому же Карлу Штумпфу.

На экзаменаторов Гуссерль произвел весьма благоприятное впечатление. Особенно важен краткий отзыв Георга Кантора: «Согласно Кантору, Гуссерль в течение получасового обсуждения обнаружил здравую способность суждения (*“ein gutes Urteil”*) и доказал, что изучение им математики было основательным и довольно широким». Итак, Кантор отметил молодого коллегу – с этого дня, видимо, началось их общение, а потом и дружба (о чем пойдет речь в специальном разделе). Физик Кноблаух – в отношении своего предмета – дал подобную же оценку. Штумпф также засвидетельствовал: знания экзаменуемого – основательные (*tüchtige Kenntnisse*).³⁶

1 июля 1887 года состоялось обсуждение (*Disputation*) по тезисам, которые были – по предложению факультета – в напечатанном виде представлены Гуссерлем и отражали основное содержание габилюационной работы. Оппонентами на защите были: д-р Герман Винер (*Hermann Wiener*, 1857–1939, который незадолго до этого, в 1885 году сам проходил габилюацию в Галле, впоследствии – в 1894–1927 годах – он был профессором математики в Дармштадте); студент-математик Герман Шварц (*Hermann Schwarz*, 1864–1951); дополнительный, по нашему, неофициальный оппонент был д-р Эрдманн (по предположению Г.-М. Герлаха, это был *Hugo Erdmann*, который на философском факультете университета Галле с 1884 по 1901 год преподавал химию).

Согласно протоколу от 28 июля 1887 года, Гуссерль – в результате обсуждения – был объявлен доктором наук университета Галле (*zum Dr. Halensis proclamiert worden*).³⁷ Одновременно была также фактически подтверждена (что в данном особом случае немаловажно) и ранее полученная первая ученая степень. В Германии присуждение второй научной степени (в результате габилюации) в принципе позволяло претендовать на должность профессора. Но это только в принципе... Труднейший путь к положению профессора (и соответствующей оплате) на целые десятилетия растянулся для талантливого ученого-новатора Гуссерля, впоследствии вошедшего в когорту самых выдающихся, быть может, великих философов XX века.

6 июля 1887 года Гуссерль прочитал в университете Галле, как и было обусловлено, пробную лекцию на тему «Следует ли основывать психологию на достоверных наблюдениях или на эксперименте (в психофизическом смысле)». И это тоже подтверждено соответствующим протоколом. Итак, есть все основания заключить, что первые шаги вчерашнего математика в сторону философии, во всяком случае в смысле формального утверждения в ней, оказались нетрудными и вполне успешными. Коллеги встретили молодого ученого дружелюбно. Перспективы могли казаться обнадеживающими.

Всего через месяц после пробной лекции Гуссерль уже был в Вене. Туда он приехал прежде всего для того, чтобы жениться на Мальвине Штайншнайдер (1860–1950), с которой был помолвлен с 1878 года. Осенью 1887 года молодые супруги переселились в Галле. Началась семейная жизнь – очень трудная из-за материального положения семьи, но по-своему счастливая; Мальвина Гуссерль стала своему мужу опорой, помощницей, другом. Семья росла: в Галле 2 июня 1892 года родилась старшая дочь Элизабет (в семье ее ласково называли «Элли»); 22 декабря 1893 года родился сын Эрхард (впоследствии он стал юристом, профессором права), а 10 сентября 1895 года – сын Вольфганг (в 1916 году ему суждено было погибнуть в битве под Верденом).

Перейдем к начавшейся вскоре преподавательской деятельности молодого доцента.

³⁶ *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. Halle. 2002. S. 177.

³⁷ *Ebenda*. S. 177.

§ 2. Преподавательская деятельность Гуссерля в Галле. Трудный путь к признанию

Приезд в Галле, габилизация были для Гуссерля лишь формальными шагами на пути к преподаванию в Университете. Достаточно прочесть «Перечень фактически проведенных занятий в 1887–1901 гг. (Verzeichniss der tatsächlich gehaltenen Veranstaltungen in den Jahren 1887 bis 1901)»,³⁸ чтобы убедиться: Гуссерль читал лекции и вел своего рода «практические занятия» (*Philosophische Übungen*) по коренным и самым общим проблемам философии. Чаще всего – по нижеследующим темам (упоминаю лишь фактически прочитанные лекции):

- *Элементы философии* – летний семестр 1888 г.; *Введение в философию* (Einleitung in die Philosophie) – летний семестр 1892 г., летний семестр 1893 г., летний семестр 1894 г., зимний семестр 1895–96 гг., зимний семестр 1896–97 гг., зимний семестр 1897 г.

- *Введение в теорию познания и метафизику* (Einleitung in die Erkenntnistheorie und Metaphysik) – зимний семестр 1887–88 гг.; введение в теорию познания – зимний семестр 1898–99 гг. *История философии: история философии нового времени* (Geschichte der neueren Philosophie) – летний семестр 1899 г., летний семестр 1900 г., зимний семестр 1901 г.

- *Избранные проблемы философии и математики* (Ausgewählte Fragen aus der Philosophie und Mathematik) – зимний семестр 1889–90 гг., зимний семестр 1890–91 гг.

- *Основные проблемы этики* (Grundprobleme der Ethik) – летний семестр 1891 г., летний семестр 1893 года, Ethik – летний семестр 1895 г.

- *Этика и философия права* (Ethik und Rechtsphilosophie) – зимний семестр 1889–90 гг., летний семестр 1894 г., летний семестр 1897 г.

- *О свободе воли* (Über die Freiheit des Willens) – зимний семестр 1892–93 гг., зимний семестр 1893–94 гг., зимний семестр 1894–95 гг., зимний семестр 1895–96 гг., летний семестр 1897 г., летний семестр 1898 г., летний семестр 1899 г., зимний семестр 1900 г., летний семестр 1901 г.

- *Логика* (Logik) – летний семестр 1889 г., летний семестр 1890 г.; О новых исследованиях по проблемам дедуктивной логики (Über die neuen Forschungen zur deduktiven Logik) – летний семестр 1895 г.

- *Философия Канта. Философские упражнения в связи с «Критикой чистого разума»* (Kants Philosophie; Philosophische Übungen im Anschluß an Kants «Kritik der reinen Vernunft») – зимний семестр 1900–01 гг.

- *Психология* – зимний семестр 1891–92 гг.

- *Доказательства бытия Бога* (Die Beweise für das Dasein Gottes) – зимний семестр 1892–93 гг.

- *Теизм и современная наука* (Der Theismus und die moderne Wissenschaft) – зимний семестр 1893–94 гг.

Вопрос о том, насколько тематика лекций определялась выбором самого Гуссерля, вовсе не прост. Конечно, совсем уж против своей воли он вряд ли согласился бы вести все эти занятия. Однако надо иметь в виду, что существовали принятые в немецких университетах того времени правила и инструкции, согласно которым на философских факультетах следовало вести занятия прежде всего по коренным проблемам философии, что соответствовало тогдашним принципам обучения этой (и всякой другой) специальности. Так или иначе,

³⁸ Beförderer der Logik. Georg Cantor. Heinrich Behmann. Edmund Husserl. Hrg. Günter Schenk und Regina Meyer. Halle 2002. S. 210–214. Издатели книги Г. Шенк и Р. Мейер взяли этот перечень из хранящихся в Архиве университета Галле документов. Sieh: Acta d. Königl. Vereinigten Friedrich-Universität Halle-Wittenberg. Die nach dem Lections-Cataloge angekündigten aufgrund wirklich zu Stande gekommenen Vorlesungen vom Sommersemester 1887 bis Sommersemester 1896. (ИАН, Rep. 4, № 1330).

Гуссерлю пришлось снова и снова вникать во все подобные проблемы, что для него – математика, чье предшествующее философское и историко-философское образование не было систематическим, – оказалось весьма полезным, но и нелегким делом. Чтобы новаторски и самостоятельно двигаться вперед в философии, Гуссерлю следовало подвести под свои занятия нормальную профессиональную базу. Гуссерль читал также и лекции по специальным проблемам философии математики и логики. Иными словами, темы и проблемы первых будущих работ Гуссерля по философии математики и логики также присутствовали в его преподавательской деятельности в университете Галле, в котором – не забудем этого – трудились известные в этих областях коллеги.

Обращают на себя внимание следующие конкретные обстоятельства, связанные с тематикой лекций и важные для нашего последующего анализа, притом по-своему неожиданные, подчас парадоксальные.

1. Усиленно занимающийся в начале интересующего нас периода проблемами математики, Гуссерль все же редко (лишь два раза) выносит эту тематику в свои лекции. Это можно объяснить тем, что у студентов-философов она, скорее всего, не пользовалась спросом. А ведь неоплачиваемый государством приват-доцент Гуссерль непосредственно зависел от того, записывались ли на его лекции, читаемые главным образом «частным», самым «приватным» образом (как сказано в перечне, *privatum* или *privatissime*), заинтересованные студенты и слушатели.

Что же касается студентов-математиков, которых вполне могли заинтересовать философские вопросы, в немецкой математике всегда привлекавшие внимание, то как раз во время пребывания Гуссерля в Галле количество математиков среди общего числа студентов существенно сократилось. Так, если в 70-х – начале 80-х гг. XIX века студенты-математики составляли от 50 до 90 человек (из общего числа примерно от 800 до 1500 студентов), то в период 1887–1900 гг. их число колебалось в среднем между цифрами 30–13 человек – при среднем общем числе студентов 1500–1600 человек.³⁹ Это обстоятельство, конечно, не было случайным, а отражало тенденции профессионального выбора в Германии конца XIX века (а возможно, не только в ней). Как бы то ни было, Гуссерлю в его преподавании приходилось считаться с объективными фактами. Но были и привходящие обстоятельства, связанные с размежеваниями в профессорской среде университета – между представителями точных, естественных наук и тех дисциплин, которые в Германии именовались «науками о духе». (Об этом будет подробнее рассказано в дальнейшем. И тогда станет ясно, почему под удар вдруг попала предложенная начинающим преподавателем профильная для него в то время проблема числа.)

Но дело, думаю, не только в тех или иных привходящих обстоятельствах. Ибо Гуссерль чем дальше, тем больше погружается в философию как таковую – и поиск им новых парадигм происходит не только, даже не столько на философско-математической, сколько на общефилософской почве, правда, тесно связанной с реформой логики (последняя же в конце XIX века была как никогда тесно объединена с математикой).

2. Вместе с тем занятия со студентами по логике тоже были весьма немногочисленными. И это тем более удивительно (а потому требует специального объяснения), что в 90-х годах Гуссерль, как известно, усиленно занимается (о чем подробнее – позже) тщательным и широким по охвату изучением новейшей немецкой литературы по логике, а к концу века включается в настоящую *реформу логики* – уже с позиций собственной феноменологии в ее первом варианте.

3. Аналогичным образом обстоит дело с проблемами психологии, которая в те годы читалась именно на философском факультете. Гуссерль два раза объявляет лекции по пси-

³⁹ См.: *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. S. 45–46.

хологии, но читает их только однажды (зимний семестр 1891–92 гг.). Относительно объявленных на зимний семестр 1894–95 гг. лекций по психологии Гуссерль делает пометку: «От курса “Психология” я отказался еще до начала семестра».⁴⁰ Между тем в это время, как и вообще в Галле, он достаточно глубоко и основательно вникает в проблематику психологии, а *несколькими годами позже* (это NB) – в споры вокруг психологизма, что находит свое резюмирующее завершение в I томе «Логических исследований».

4. Интересен еще один специальный момент: к концу своего пребывания в Галле Гуссерль все больше занимается философией Канта – и соответственно, включает эту тематику в свои учебные курсы. Правда, объявленные на зимний семестр 1899–1900 гг. курсы “Кант и послекантовская философия” (*Kant und die nachkantische Philosophie*) и «Философские упражнения в связи с “Прологоменами” Канта» (*Philosophische Übungen im Auschluss an Kants Prolegomena*) почему-то не состоялись. Однако уже то, что Гуссерль объявил эти темы, весьма знаменательно. Еще раз подтверждается общая закономерность, на которую указывали исследователи феноменологии (которую, в частности, и я раскрывала в ряде своих работ): с самого начала новаторской деятельности Гуссерля в философии и на всех её этапах любой значительный шаг вперед основателя феноменологии был неизменно связан с все более глубоким и самостоятельным переосмыслением философии Канта.

5. Представляется весьма важным также и то обстоятельство, что наряду с общепhilosophскими, метафизическими, теоретико-познавательными, логическими темами Гуссерль в Галле уделяет внимание также проблемам этики, философии права, в частности, проблематике свободы воли – посвященные им лекции регулярно читались в 90-х годах. Тематика свободы воли была весьма распространенной и даже излюбленной в практике преподавания на философских факультетах немецких (кстати, также и российских) университетов конца XIX века. Вместе с тем из самых различных материалов с очевидностью следует: молодой Гуссерль интересовался этическими проблемами этого рода внутренне, искренне и глубоко; с таким интересом была связана и его озабоченность религиозно-теологической проблематикой,⁴¹ хоть и редко, но все-таки включаемой им в специальные лекционные курсы. (Несомненно, она также присутствовала в циклах лекций, посвященных метафизике.)

А теперь – подробнее о том, как Гуссерль совмещал преподавательскую деятельность и исследование, какие работы он написал и опубликовал в Галле. Нижеследующий материал, (кстати, нигде и никогда не фигурировавший на русском языке) и в основном взятый из материалов неопубликованных рукописей Гуссерля (хранятся в архиве Лувена), предполагаю, может заинтересовать скорее специалистов-гуссерлеведов, вникающих в тонкие детали, нежели широких читателей.

* * *

В 1891 году – от начала года и до апреля-мая – Гуссерль был занят исследовательской работой над завершением текста «Философии арифметики». В начале года появилась авторская аннотация к этой книге (*Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1891, S. 360–361).

В феврале в письме к К. Штумпфу Гуссерль сообщает: около 200 страниц ФА готовы к печати, а следующие 150–200 страниц он намеревается закончить через 9 недель.⁴²

⁴⁰ *Beförderer der Logik*. Bd. 2.1. S. 212.

⁴¹ См. по этому вопросу: Eberhard Avé-Lallemant, *Edmund Husserl zu Metaphysik und Religion* / Husserl in Halle. S. 85–108.

⁴² K. Schuhmann, op. cit. S. 29.

В марте и апреле выходят из печати две небольшие математические и одновременно логические работы Гуссерля,⁴³ а вторая – это рецензия на книгу Э. Шрёдера, «Лекции по алгебре логики».⁴⁴

А в апреле 1891 Гуссерль пишет Предисловие к ФА. Наконец, *в апреле-мае 1891 года I том ФА выходит из печати – и именно в Галле*. Работа содержит посвящение: «Моему учителю Францу Brentano с глубоко искренней благодарностью».

После публикации ФА обычная жизнь продолжается – лекции, семинары, хлопоты перед министерством о стипендии и т. д. В исследовательском плане – попытки собрать из соответствующих рукописей и заметок (а их постепенно накапливается немало) заявленный в Предисловии к I тому и в авторской аннотации II том ФА.

Вместе с тем некоторые авторы, с которыми Гуссерль делился своими воспоминаниями, утверждают: после выхода в свет ФА её автор пережил четырех-пятилетний период депрессии:⁴⁵ и это же был «инкубационный период» по отношению к «Логическим исследованиям».

Впоследствии мы вернемся к этому периоду. Сейчас же нас интересует «инкубационный период» ФА и теоретический контекст, в каком появилось это произведение.

Важно ещё одно сделанное Гуссерлем *post factum* разъяснение: «К началу 90-х годов, когда я пытался выбраться из невыносимых трудных для меня теоретико-познавательных вопросов о смысле и значимости (*Geltungsart*) математического познания, об отношении логического исчисления (*Logikkalkül*) к остальной аналитической математике и, с другой стороны, к логике, – тогда Больцано, Лотце и Юм оказали мне большую помощь».⁴⁶

И другое основанное на воспоминаниях Гуссерля пояснение, касающееся именно освоения в тот период работ Лотце: «Решающий импульс “платонизма” (“он исходил от Лотце”) достиг и Гуссерля. Гуссерль делает теорию познания Лотце предметом самостоятельного изучения. Тогдашнюю рукописную запись с критикой Лотце (=Ms KI₅₉) Гуссерль намеревался поместить в *Прологоменах* в качестве Приложения». Правда, как отмечается на той же странице в *Husserl-Chronik* (S. 26), «платонизм» Гуссерль сначала как бы брал на пробу, говоря, что требуются многие годы для выработки решения по релевантному кругу вопросов. Но вернемся от воспоминаний к конкретному ходу исторических событий.

В начале 1890 года Гуссерль снова читает лекции по избранным проблемам теории математики – и снова в центре внимания оказываются исследования Римана-Гельмгольца, т. е. проблемы неевклидовой геометрии. В летний семестр читаются лекции по логике.

Что касается исследовательской работы и чтения сочинений других авторов, то это проблемы числа, конституции алгоритмов и проработка книг, статей по истории и теории математики (Konrad Zindler, Hermann Hankel, Walter Brix, d’Alembert), и снова же работы Лейбница. На протяжении целого года делаются выписки: из истории математики – о древних греках; из современной (тогда) математики – по проблемам расширения области чисел и т. п.

Возникает серия важных (опубликованных только в XII томе «Гуссерлианы») рукописей-заметок по проблемам философии математики вообще, философии арифметики, в частности.

В 1888–1889 годах, уже занявшись написанием текста ФА, Гуссерль продолжает, естественно, читать лекции и вести занятия в Университете. В летнем семестре 1888 года по понедельникам и пятницам с 16 до 17 часов он читает лекции на тему «Основные проблемы

⁴³ “Der Folgerungskalkül und die Inhaltslogik (*Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1891. S. 168–189).

⁴⁴ Напечатана в *Göttingische gelehrte Anzeige*, 1891. S. 243–278.

⁴⁵ *Boyce Gibson*, op. cit. S. 66; *Husserl-Chronik*. S. 29.

⁴⁶ Рукопись F III–116 в. – цитир. по: K. Schuhmann, *Husserl-Chronik*. S. 26.

психологии» и ведет семинар «Философские упражнения».⁴⁷ В то же время, как видно из манускрипта «Об узости (Enge) сознания», он снова обращается к темам и идеям Brentano. В зимнем семестре 1888/89 годов им читается (по вторникам и пятницам, с 15 до 16 часов) курс «Энциклопедия философии».

В 1889 году Гуссерль занимается проблемой «представлений множественности» (Vielheitsvorstellung) и отрабатывает соответствующую тему для будущей ФА. В январе 1889 года делаются записи, заметки, касающиеся чисел, конституции алгоритмов и исчисления операций. В летнем семестре Гуссерль читает лекции по логике (по понедельникам, вторникам, четвергам с 18 до 19 часов), а в зимнем семестре объявляет лекции по этике; читается курс по избранным проблемам философии математики. Карлу Штумпфу Гуссерль сообщает: «По курсу “Философия математики” у меня 8 слушателей... По их желанию я читаю главным образом о проблемах пространства и даю подробную критику теорий Римана-Гельмгольца. По этике я не захотел читать лекции для двух слушателей и отказался от курса» (Ebenda, S. 24).

В зимнем семестре 1889 года Гуссерль снова читает курс лекций «Избранные проблемы философии математики», посвящая их спорным вопросам, касающимся фундаментальных проблем геометрии. В ноябре-декабре им сделаны заметки по отдельным математическим проблемам (переход от дискретного двойного ряда к континууму; о замкнутом континууме, например, о круге – Kugel и др. – Манускрипты под индексами KI_{27/144,146} и KI_{28/81}).

В некоторых феноменологических работах есть такие формулировки: «“Логические исследования” потребовали у Гуссерля 10 лет для своего написания» (В. Гибсон 1).⁴⁸

Это не следует понимать буквально: Гуссерль не писал в начале 90-х годов ЛИ, но идеи, ведущие к этому произведению, уже стали зарождаться.

Что касается историко-философского контекста, то важны следующие указания К. Шумана, основанные на рукописях Гуссерля, о начале 90-х годов: im Ausgang, в истоке тех исследований, которые к началу 90-х годов были по преимуществу теоретико-познавательными, Гуссерль *интенсивно занимался* Локком, Беркли, но прежде всего, вновь и вновь Юмом, с другой стороны, и Лейбницем; он хотел обратиться к философии Канта, но в основном, однако, читал, презентировал критику в адрес Канта.⁴⁹ (В одной из гуссерлевских рукописей – AI_{4/54} – есть извлечения из работ критиков Канта.) Одно интересное воспоминание Гуссерля: «В молодые годы я часто с широко открытыми глазами читал Лейбница в издании Эрдманна (имеется в виду И. Эрдманн, как отмечалось раньше, в годы пребывания Гуссерля в Галле его коллега по Университету. – Н. М.); и Лейбниц, несомненно, оказал на меня сильное влияние, пусть мои установки тогда были иными. Я был также восприимчив и к некоторым важным рассуждениям Лотце, как и Ламберта и Больцано, и способен к решающим для меня поворотам».⁵⁰

§ 3. Хождения по мукам...

Работа, как мы видим, велась повседневная и огромная, и она обнимала как преподавание, так и исследование. Что же касается институционального статуса и формального признания, то здесь начались “хождения по мукам” молодого талантливого ученого. Не только

⁴⁷ Здесь и далее см.: K. Schuhmann, Husserl-Chronik. Den Haag, 1977. S. 23 ff.

⁴⁸ Boyce Gibson. From Husserl to Heidegger: Excerpts from a 1928 Freiburg Diary / The Journal of the British Society for Phenomenology, 1971(II/I). S. 64.

⁴⁹ K. Schuhmann, op. cit. S. 26.

⁵⁰ Ebenda.

в Галле он останется без государственной должности и оплаты (как приват-доцент он должен был добывать средства к существованию частными занятиями, редко получая оплату от государства), но и позже, в Гёттингене, Гуссерль не сразу получит почетную должность “ординариуса”, т. е. “полного”, хорошо оплачиваемого профессора, которой он – по единодушному мнению многих авторитетных специалистов – был вполне достоин уже и в 90-х годах.

Эпопея прошений и ходатайств длится все время преподавания в Галле. В 1891 году Гуссерль подает прошение о присуждении ему министерской стипендии приват-доцента. Прошение поддержано Университетом, но Министерство отклоняет его.⁵¹ Только 1 апреля 1893 года Гуссерль получает такую стипендию (1200 талеров), но всего лишь на год; ее приходится до 1898 года продлевать, каждый год подавая соответствующие прошения. На помощь постоянно приходят коллеги, в том числе с других факультетов. Так, юристы, у которых не нашлось столь же достойного кандидата, в 1893 году предоставляют свою “квоту” Гуссерлю, мотивируя решение тем, что коллега-философ “ревностно и успешно” ведет преподавание философии и на их факультете. «В своем письме от 9.02.1895 года на имя ректора фон Лисцта тогдашний декан (юридического факультета. – Н. М.) Штаммлер, ходатайствуя об оплате для Гуссерля, добавляет что он “опубликовал в “*Philosophischen Monatsheften*, Bd. 30 (1894) получившую высокое признание коллег работу “Философские исследования по элементарной логике” и что, в частности, на нашем факультете он читал получившие одобрение лекции на тему “Этика и философия права”».⁵²

Когда в университете Галле в очередной раз освобождалось место профессора, коллеги неизменно выдвигали кандидатуру Гуссерля, хлопотали за него. Но безуспешно. Сначала, в августе 1892 года, куратору в Министерстве от философского факультета подавалось прошение о предоставлении Гуссерлю места экстраординарного профессора. В обосновании говорилось о его сочинениях (к этому времени уже вышла «Философия арифметики») и многосторонней преподавательской деятельности, о заслугах в деле разработки философско-математических и логических проблем. Министерство в своих ответах ссылалось на отсутствие соответствующего места. В 1894 году из Министерства милостиво сообщили, что Гуссерль с 1 августа может носить звание («предикат») профессора; никаких материальных последствий этот «предикат» не имел... В прошении (без даты), подписанном Р. Гаймом, А. Рилем, Г. Файхингером, авторитетными коллегами, профессорами-ординариусами, содержалась просьба о назначении Гуссерля экстраординарным профессором или «по меньшей мере» о выделении ему персональной оплаты. Судя по всему, это прошение уже относилось к концу 90-х годов, потому что в ходатайстве имелась ссылка на завершение Гуссерлем 1 тома «Логических исследований» (указывалось также, что только из книготорговых соображений первая книга будет опубликована после завершения 2 тома). «Как сказано в этом письме, автор сочинения обсуждает в нем важнейшие и труднейшие вопросы теоретической философии, выступая против односторонне психологической трактовки логических проблем и с особой остротой указывая на возможность и необходимость чистой логики, независимой от психологии». В прошении также содержится очень высокая оценка коллегами педагогической деятельности Гуссерля: сказано, что он является педагогом, чьи лекции отличаются «чрезвычайной добросовестностью и ясностью, а также содержательностью» и что их сопровождает постоянный успех у слушателей. Вот почему, пишут коллеги, они видят свой долг в том, чтобы помочь Гуссерлю: столь ценные научные усилия не должны сковываться, парализоваться материальными заботами – а ведь для приват-доцента здесь, в

⁵¹ Документально подтвержденные сведения обо всех этих перипетиях взяты мною из книги: “*Beförder der Logik*. Georg Cantor. Henrich Behmann. Edmund Husserl”. Hrg. von Günter Schenk und Regina Mayer. Halle, 2002. S. 179 u.f.

⁵² Ebenda.

самом деле, вопрос самого существования (Existenzfrage). Обращается внимание и на то, что «Гуссерлю уже предлагали место ординариуса другие факультеты».⁵³ На основании прошения декан философского факультета К. фон Фрич (Fritsch) пишет письмо куратору Министерства с настоятельной просьбой найти для Гуссерля государственное место экстраординарного профессора.

Многолетние просьбы, прошения, ходатайства только к 1901 году дают свой результат: берлинское Министерство «учреждает для Гуссерля государственное место экстраординарного профессора» – но не в Галле, а в Гёттингене, на тамошнем философском факультете. Правда, в новом Университете, куда Гуссерль переезжает в 1901 году – уже став автором быстро набравших известность «Логических исследований», – его враждебно встречает университетское сообщество.

Кроме уже названных коллег о научной судьбе Гуссерля беспокоились и пытались ее исправить другие профессора университета Галле. Так, выдающийся немецкий математик Георг Кантор предпринимал усилия, чтобы обеспечить Гуссерлю место ординариуса в Университете Фрейбурга в Брейсгау. Гуссерль станет профессором этого Университета, но в 1916 году, уже после пятнадцатилетнего пребывания в Гёттингене. «Под сильным впечатлением от “Логических исследований” Ф. Альтхофф (1908–1939) (профессор гражданского права, который потом был также и министерским чиновником и занимался в Пруссии реформой высшего образования. – *Н. М.*) настойчиво ходатайствовал перед Министерством культуры Пруссии о профессуре для Гуссерля».⁵⁴

Итак, можно сделать общий вывод (убедительно подтверждаемый многочисленными документами): авторитетные коллеги, а также управляющие структуры Университета Галле (в лице деканов, ректоров) приложили максимум усилий к тому, чтобы обеспечить приват-доценту Гуссерлю государством оплачиваемые должности экстраординарного и ординарного профессора. Это было продиктовано не только элементарной заботой о человеке, который на свои средства и скудные прибавки от государства должен был содержать растущую семью. Главное все-таки состояло в том, что одаренность, работоспособность, новаторство Гуссерля как исследователя, педагога были достаточно явными, и их честно и справедливо признали, высоко оценили коллеги, в основном, более старшие по возрасту и тогда более известные в науке и философии. Они предъявили Министерству довольно аргументов и доказательств в пользу своих ходатайств и прошений: это были ссылки на опубликованные работы Гуссерля (о них у нас впоследствии пойдет речь), а в конце века – и на подготавливаемые «Логические исследования», которые уже в начале XX века станут своего рода сенсацией в мире философии, а затем (согласно более поздним оценкам выдающихся мыслителей, например, Рассела, Дильтея или Хайдеггера) прочно войдут в перечни наиболее значимых философских произведений XX столетия.

Для Гуссерля признание коллег, пришедшее раньше официально признанного прочного статуса, было существенной жизненной поддержкой. О чем он ясно скажет позже. «Меня поддерживало доверие служивших образцами, высокопочитаемых старших коллег...».⁵⁵

Однако то, что хорошо чувствовали, понимали и четко выражали университетские коллеги уже в Галле, было неведомо и чуждо министерским чиновникам, принимавшим жизненно важные (в данном случае для Гуссерля и его семьи) решения.

В 1905 году философский факультет Галле снова вернется к вопросу об «ординарном» профессорстве для Гуссерля, который с 1901 года уже работал в Гёттингене. А. Риль

⁵³ Ebenda. S. 180.

⁵⁴ Ebenda. S. 182.

⁵⁵ Цит. по: *H. M. Gerlach. Der Philosoph Edmund Husserl in Halle (1887–1901) // 300 Jahre in Halle. Halle, 1992. S. 481.*

(раньше, напомним, неоднократно ходатайствовавший за Гуссерля) переехал в Берлин. На его место искали замену, и сразу вспомнили о Гуссерле. Гуссерль вряд ли стал бы возвращаться в Галле; в конце концов на месте Рилиа в Галле стал трудиться достаточно известный тогда философ Юлиус Эббинхаус (1850–1909). Важно, однако, что факультет в своих рекомендациях снова высоко оценил исследовательские и педагогические заслуги Гуссерля, назвав его чрезвычайно основательным, оригинальным философом и ученым, мыслителем в высшей степени острого ума, педагогом, лектором, добившимся большого успеха.⁵⁶ Все это было верно, а в 1905 году и достаточно очевидно. Тем не менее в Гёттингене Гуссерля тоже ждало испытание, правда, прямо противоположного свойства: здесь ему противодействовали коллеги (надо сказать, не столь известные и значительные, как его сторонники в Галле); Министерство же, напротив, было (наконец) на стороне Гуссерля. «Невзирая на волю факультета» в 1906 году оно создало для Гуссерля «персональное» место ординарного профессора по философии. Но это уже особая история, о которой я ранее писала; к исторически-временным этапам, центральным для данной работы, она прямо не относится.

Одно надо подчеркнуть в заключение этого повествования в I части книги: чиновничий мир разных времен и народов, на протяжении последних веков управляющий наукой, в большом долгу перед учёными – и, как это ни парадоксально, особенно перед выдающимися учеными с громкими именами, чей путь к официальному признанию куда как часто оказывался и оказывается чрезвычайно трудным даже в тех случаях, когда их объективно, своевременно, справедливо признает и высоко оценивает само научное сообщество. Тема «Гуссерль в Галле» убедительно подтверждает это общее суждение. История молодого Гуссерля может быть показательным уроком для чиновников от науки. Если в конце XIX века, когда праздновали 200-летие Университета в Галле и коллеги снова и снова безуспешно хлопотали перед Министерством о получении официальной, государством оплачиваемой профессорской должности для приват-доцента Гуссерля, то через 100 лет, в 1994 году, когда торжественно отмечали 300-летие *Alma Mater Halensis*, Министр науки и образования земли Саксония-Ангальт написал: «Еврейско-немецкий философ Эдмунд Гуссерль, который в качестве приват-доцента преподавал в *Alma Mater*, в Университете Галле, [затем] вплоть до 30-х годов 20 века оказывал международное воздействие благодаря развитию своей школы. Он далеко предвосхитил свое время, его влияние, осуществляемое со стороны наук о духе, переступало через [государственные] границы, распространяясь на различные континенты».⁵⁷ Итак, можно сказать, что справедливость все-таки восторжествовала. (Есть, правда, один грустный момент, связанный уже с началом XXI века. Во время пребывания в Университете Галле я с удивлением, если не сказать резче, обнаруживала: имя Гуссерля и тот факт, что он провел в этом университете 13 лет, вряд ли что-то говорят даже нынешним университетским профессорам других специальностей. А ведь это почти то же, как если бы философы не знали имен и заслуг выдающихся физиков.)

В 1901 году Гуссерль, скорее всего, покидал Галле с двойственным чувством. Годы, проведенные в городе и его Университете, оказались (прежде всего в материальном отношении и в отношении официальной карьеры) в высшей степени трудными. Но признание коллег, дружба со значительными, интереснейшими людьми – это согревало, давало силы и стимулы для дальнейшего творческого труда. Главное же, поскольку в этом городе с относительно скромной тогда (в сравнении с другими немецкими городами) философской славой он сделал, как сказано, выдающееся открытие, пролагающее новые, неизведанные пути в развитии философии и в научном движении его самого – постольку по большому объективному историческому счету и с точки зрения жизненного предназначения ученого, философа

⁵⁶ Siehe: *Beförderer der Logik*, 2.1. S. 182.

⁵⁷ *Husserl in Halle*. S. 6.

баланс был весьма и весьма положительным. А в свете дальнейшей перспективы феноменологической философии и просто грандиозным. Но об этом сам Гуссерль пока еще не знал...

§ 4. Оценки деятельности Гуссерля в Галле

Говоря об эпохе и, конкретнее, о том времени, когда Гуссерль (с растущей семьей) поселился и работал в Галле, мы отметили динамичный характер развития Германии этого времени, повышение статуса науки и образования и другие факторы, которые, взятые в целом и объективно, могли способствовать и *действительно способствовали* (о чем подробнее – дальше) плодотворной работе молодого ученого. Но в том-то и дело, что объективные предпосылки всегда непрямо, неоднозначно преломляются через умонастроения, личностный строй, мироощущение личности. К тому же даже и несомненно высокие результаты труда ученого достигаются через трудности, сомнения, даже страдания личности. И ещё они объединяются с теми перипетиями судьбы исследователей, особенно молодых, которые обуславливаются житейскими фактами и трудностями. Ровно это случилось в судьбе раннего Гуссерля в годы его пребывания в Галле. Что отразилось в некоторых его собственных – достаточно мрачных – оценках этого периода жизни и творчества.

Гуссерль, казалось бы, должен был, живя и работая в Галле, испытывать подъем – и не столько потому, что сознательно приспособлялся к динамическому ритму окружающей социальной жизни, сколько в силу погруженности в науку, в творческий поиск, относящиеся к коренным чертам научного познания. Но из-за стечения разных обстоятельств он испытывал не только творческий подъем, но и вынужден был преодолевать немалые трудности на своем пути, что порой повергало молодого ученого и мыслителя в духовные состояния, граничившие с депрессией.

Сам Гуссерль (по свидетельству Д. Кэрнса, одного из биографов основателя феноменологии) так говорил о своей молодости, и именно о годах, проведенных в Галле: «И мне в юности было трудно; я страдал от долгих приступов депрессии, вплоть до полной утраты всякого доверия к самому себе; я пытался также советоваться с невропатологом. По большей части дело было в моих философских затруднениях, относительно которых я лишь много позднее узнал, что *это были затруднения тогдашней философии*, неясность и лишь кажущуюся научность которой я поначалу должен был относить к самому себе. *Меня поддерживало доверие служивших образцом и достойных уважения людей, старших коллег* (я тогда уже был приват-доцентом)... В философской работе я решил не выдвигать каких бы то ни было великих целей и считать себя счастливым уже тогда, когда я мог там или здесь создать для себя хотя бы маленькую полоску твердой почвы в болотах бессодержательной неясности. И так я жил, двигаясь от одного отчаяния к другому, от одного нового подъема к другому. И наконец за эти трудные 14 лет моего приват-доцентства в Галле все же забрезжило начало – “Логические исследования”, которые дали мне остановку и надежду. Этой работой я сам себя вылечил”.⁵⁸ Приведенная целостная гуссерлевская самооценка времени в Галле (Hallenser Jahre) дана, впрочем, много позже этого времени, в 1930 году. Совсем не верить Гуссерлю, его воспоминаниям нет оснований. Но и то надо принять в расчет, что в конце жизни любого человека у него нередко образуется некоторая аберрация по отношению к собственным молодым годам. Они то излишне романтизируются («как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя», поется в одной популярной российской песне), либо сугубо драматизируются.

⁵⁸ Из рукописей Гуссерля (RI Cairns, 21.III.30). Цит. по: Husserl–Chronik. Denk – und Lebensweg Edmund Husserls. Den Haag, 1977. S. 22. (курсив мой. – Н. М.).

Что Гуссерль в Галле порой страдал от тяжелых состояний, граничащих с депрессией, скорее всего подтверждается фактами. Действительно, у него долго не было уверенности в том, что избрав, в конце концов, философский путь, он вышел именно на *свою* дорогу. Некоторое время она, в самом деле, казалась ему чужой, пугающей – чем-то вроде болота, в котором тебе грозит гибель, если не найдешь устойчивой, твердой полосы земли. Справедливо и то наблюдение, что начинающему философу (не только философу, конечно) непросто разобраться, какие его затруднения (*Versagen*) проистекают из собственных трудностей роста, а какие связаны с тупиками современной ему науки и философии. Однако есть ещё одно принципиально важное обстоятельство, лучше объясняющее внутреннее состояние молодого ученого, чем его собственные воспоминания. Если бы он, как сам то определяет, не задавался «великими целями», а избирал совсем скромные задачи и удовлетворялся рутинной работой в избранной философской области (какой удовлетворяются многие люди), то его, скорее всего, не преследовали бы такие мучения, терзания духа. Ибо все дело состояло, по моему мнению, именно в том, что *он* – видимо, не вполне признаваясь в этом самому себе – *уже в Галле ставил перед собой как раз «великие задачи»*. И Гуссерль стал хоть немного излечиваться после того, как создание «Логических исследований» придало ему искомую уверенность: в философии сделано нечто значительное.

Личностные качества Гуссерля, о которых идет речь, объясняют многие моменты, стороны его жизни в Галле: постоянный упорный труд, поиски нового, и столь же постоянное беспокойство, даже приступы неуверенности и отчаяния, а потом новые подъемы духа. Однако у тех, кто знает рисунок всей жизни и поведения Гуссерля, есть основания скорректировать его самооценки и сделанные постфактум описания жизни в Галле.

Во-первых, эти оценки раннего труда, сделанные в разное время, могут не просто различаться, но противоречить друг другу. (И это будет подробнее раскрыто в нашей книге.)

Во-вторых, Гуссерля на протяжении всей жизни и мучил, и вдохновлял *дух высочайшей требовательности к себе и непрестанного поиска нового*, почему закончив ту или иную значительную работу, подводя черту под тем или иным периодом жизни, он был склонен если не совсем перечеркивать, то серьезно обесценивать недавно сделанное. Лишь через много лет приходили более спокойные и более взвешенные оценки. Так было, в сущности, всегда. После выхода в свет «Философии арифметики» Гуссерль снова переживает депрессию, которая, по его рассказам, длилась три или четыре года (*Husserl–Chronik*, I, S. 29). Затем следует инкубационный период, и в результате – вроде бы «целительные», по его собственной оценке, «Логические исследования». Однако очень быстро начинается если не отход от идей и позиций, выраженных в этом – на деле – выдающемся произведении XX века, то во всяком случае новый поиск, новый «инкубационный период»... Закончен он был выходом в свет I тома «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1913 год), которые повергли в недоумение его уже многочисленных тогда учеников и последователей неожиданностью обновленной концепции. А на пути к этому – тоже выдающемуся – произведению снова периоды упадка духа... Впоследствии, в 20-х–30-х годах, новые сомнения, но и отчаянные усилия и поиски, заканчивающиеся – опять-таки выдающейся – работой «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология».

В-третьих, обычная повседневная жизнь ещё и потому не совпадает с последующими о ней воспоминаниями, что она богаче, многограннее, многокрасочнее любых воспоминаний. Ведь Гуссерль приехал в Галле относительно молодым человеком. Он привез в город жену Мальвину, урожденную Штайншнайдер, и она стала ему прекрасной женой, преданным другом, матерью его детей, которые, как уже говорилось, один за другим рождались в Галле. А значит, не только труд, но и молодость, любовь, семья, дети должны были тоже наполнять жизнь Гуссерля, который, по отзывам знавших его людей, высоко ставил семейные ценности.

Наконец, в-четвертых, в Галле сложился круг друзей, чьи имена нередко – на первом месте стоит имя старшего коллеги и друга Георга Кантора – вписаны в историю немецкой науки и культуры, что называется, золотыми буквами.

Значит, есть все основания в чем-то довериться Гуссерлю, впоследствии набросавшему драматическую картину жизни в Галле, но и взять это описание, что называется, *cum grano salis*. Убедена, что в этой жизни Гуссерля и его молодой семьи было место всему: и радостям, удовольствиям молодости, любви, семейной жизни, и содержательной, яркой дружбе и общению с выдающимися людьми, и порывам творчества, тоже приносящим счастье и удовлетворение. Но было, разумеется, место и тому, о чем искренне и исповедально писал сам Гуссерль – отчаянию, неуверенности в себе, сомнениям, неудовлетворенности сделанным. На умонастроения очень серьезно влияло и необеспеченное материальное положение растущей семьи. Ведь несмотря на несомненные для коллег заслуги приват-доцента Гуссерля и их ходатайства перед министерством о профессорстве для него, он все тринадцать лет так и оставался в своей скромной и в принципе неоплачиваемой должности, лишь изредка получая государственную помощь несопоставимую с профессорским окладом. Чтобы жить, по-мужски содержать семью и творчески, плодотворно работать, ученому требовалось немалое мужество. Вот почему так важно свидетельство Мальвины Гуссерль о том, что все годы в Галле Гуссерль, проходя мимо одного из зданий *Frankeschen Stiftung* (*Waisenhaus*), не упускал возможность снова и снова прочитывать выбитое на его фронте библейское изречение «Кто отвержен Богу, обретает новую силу», – эти слова он сделал «своим жизненным девизом».⁵⁹

§ 5. Главный итог пребывания в Галле: феноменология – «неожиданный и незванный гость» (Гуссерль)

Эти слова: феноменология – «неожиданный и незванный гость» («*ein unerwarteter und nicht verlangter Gast*») были произнесены Гуссерлем 12 июля 1922 года, когда он читал в Лондоне доклад и ретроспективно обратился к истории своего продвижения к феноменологической философии. А ведь приход этого гостя (собственно, и в русском, и в немецком варианте слова «феноменология», гостыи) состоялся именно в Галле, к концу XIX века и совпал с оформлением «Логических исследований», второй том которых имел ясный в этом отношении подзаголовок «Исследования *по феноменологии* и теории познания» (*Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis*).

Кстати, делая в 1994 году в Галле доклад на тему «*Edmund Husserl zu Metaphysik und Religion*» (Э. Гуссерль о метафизике и религии), известный немецкий исследователь феноменологии Эберхард Аве-Лаллеман (Мюнхен) вполне уместно напомнил: «В скобках я хотел бы обратить внимание на только что открытый впечатляющий факт: уже полтора столетия назад как раз здесь, в Галле, впервые был употреблен термин “феноменология”, а именно в 1736 году это сделал Фридрих Кристоф Отингер (*Oetinger*), впоследствии известный швабский ученый, метафизик и теолог».⁶⁰

Вопрос о том, откуда пришел именно к Гуссерлю сам термин «феноменология», остается открытым. Вряд ли, конечно, он был заимствован им у Отингера. И ведь после Гегеля философу, начинавшему свое развитие в XIX веке, не приходилось искать термин «феноменология» в произведениях прежних столетий. Но суть вопроса, я думаю, не в этом. Скорее надо понять, почему Гуссерль, чья внешняя отстраненность, если не враждебность по

⁵⁹ Husserl–Chronik. Bd. I. S. 22.

⁶⁰ Об истории и развитии понятия «феноменология» см. прекрасную книгу: *Niels W. Bokhove. Phänomenologie – Ursprung und Entwicklung des Terminus im 18. Jahrhundert*, Utrecht 1991. S. 138 ff.

отношению к философии Гегеля – исторический факт, в нужное ему время все же воспользовался тем же термином для обозначения учения, существенно отличного и во всяком случае резко отличающегося им самим от гегелевской феноменологии. В контексте нашего исследования, тем более на предварительном его этапе не могу освещать эту тему подробно. Она будет вплетена в самое конкретное текстологическое исследование ранних произведений Гуссерля. Что нас станет особенно интересовать, так это движение Гуссерля к *собственной феноменологии*, которое происходило именно в Галле. Из оценок Гуссерля ясно, что оно было драматичным и даже для него самого непредсказуемым. Иначе откуда же явился бы этот образ: новая, именно гуссерлевская феноменология пришла вдруг, подобно гостю (гостье), которого (которую) не ждали, не приглашали – и раньше как бы совсем не знали. Пусть новая феноменология сначала пришла неожиданно и без приглашения. Но ведь потом она стала «своей» и «главной» в круге идей, концепций, методов, разрабатываемых Гуссерлем всю последующую жизнь; более того, она разрослась в широчайшее философское движение, одно из самых важных и влиятельных в XX и XXI веках.

Драматическую ситуацию первых явлений феноменологии Гуссерля в данной книге хотелось бы реконструировать в максимальной близости к историческому оригиналу и к конкретной духовной сцене Галле, на которой история идей, причудливо и неожиданно переплетаясь с историей творческой жизни Гуссерля, эту драму и разыграла.

Но ведь феноменология в более или менее определенном виде «явилась», что называется, под занавес тринадцатилетнего пребывания Гуссерля в Галле. И поэтому её место – ближе к эпилогу книги. А *предвестия и предпосылки* будут заботливо очерчиваться по ходу всего предпринимаемого здесь анализа, в тех пунктах творческого движения Гуссерля, где они, хотя бы смутно и предварительно, но уже просвечивают...

* * *

После того как были суммарно и предварительно представлены главные обстоятельства, факты, оценки, относящиеся к тринадцатилетнему периоду жизнедеятельности молодого Гуссерля в Галле, в моей книге наступает черед исследования большого комплекса исторических *предпосылок идейного, духовного, историко-научного* характера, на которые и объективно, и субъективно, сознательно с самых первых своих шагов в философии опирался будущий создатель новой феноменологии. Поскольку, как уже было отмечено (и будет последовательно доказываться на протяжении всего нашего исследования), Гуссерль осуществлял специфическое синтезирование знаний из нескольких дисциплин (математики, философии, логики, психологии), эти исторические предпосылки соответственно относились к обширным комплексам наук. Вот почему для освоения, в рамках нашего анализа, этих комплексов (и отчасти еще раньше осуществленных междисциплинарных синтезов идей, а главное, прямое или косвенное отношение к ним уже и в ранних самостоятельных работах Гуссерля), потребовалось охватить огромный материал по истории соответствующих наук. И все же главная особенность нашей работы: это будет материал, всегда так или иначе связанный с *историей философии*. Дело не столько в личном интересе автора. Ведь вчерашний математик Эдмунд Гуссерль, как отмечалось, в конце концов выбрал своим жизненным делом философию. Но здесь по крайней мере в двух отношениях в комплексах синтеза фигурировала не чистая философия и ее история. Во-первых, для Гуссерля она изначально выступала преимущественно как философия *математики*. Во-вторых, возникает вопрос: каковы были разделы других дисциплин, к которым имел отношение исследовательский труд раннего Гуссерля (логика, психология) – а именно и вполне конкретно – какие понятия, проблемы, дискуссии непосредственно повлияли на первые философские опыты Гуссерля?

Хочу предупредить читателей, что ответы на этот и множество других вопросов, касающихся теоретического, в том числе философского и конкретно-научного контекстов развития раннего гуссерлианства, будут даваться в разных местах данной книги, в разных формах и на разнообразных уровнях анализа. Затем самые близкие, непосредственно сплетенные с гуссерлевскими текстами аспекты будут максимально конкретно, текстологически разбираться в ходе исследования ранних произведений философа (как правило, не переведенных на русский язык и в самой малой степени, скорее стремившейся к нулю, чем к единице, попавших в орбиту обстоятельных отечественных исследований...). Другие, более отдаленные от первых текстов Гуссерля, но несомненно повлиявшие на его становление произведения, области знания (например, из истории родной ему математики) будут рассматриваться в специальных *Приложениях*. В Приложениях же помещены экскурсы, в которых анализируются конкретные историко-философские исследования, касающиеся авторов XIX века, ссылки на произведения которых чаще всего встречаются в ранних работах Гуссерля, но которые мало известны в сегодняшней российской мысли, хотя подчас были неплохо знакомы отечественным философам конца XIX века и рубежа этого и XX столетий...

Но сначала, во II части будут рассмотрены философские, (шире) духовные достижения, с которыми Гуссерль не мог не познакомиться (разумеется, с разной степенью своей творческой причастности и компетентности) во время службы в Университете Галле и личного знакомства с крупнейшими фигурами из различных так или иначе близких к философии областей знания.

Часть II. Философы старшего поколения в Университете Галле-Виттенберг

Факсимиле части рукописного документа о сдаче вступительного экзамена в университете Галле-Виттемберг. Подписи экзаменаторов Георга Кантора и Карла Штумпфа.

Глава 1. Рудольф Гайм

Когда Гуссерль попал на философский факультет Университета Галле, он не мог обойти вниманием внушительную фигуру патриарха философии профессора Рудольфа Гайма (Heym, 1821–1901), которого по справедливости называют «Нестором философии Галле» (Spirituskreis, S. 47). Действительно, его жизненная судьба была тесно связана с Университетом Галле и вообще с этим городом. Он изучал теологию, философию и классическую филологию в Галле и Берлине, в 1843 году в Галле же получил степень доктора философии. Некоторое время преподавал в гимназии Берлина, затем стал свободным публицистом. В 1845–1848 годах снова оказался в Галле. Во время революции 1848 года Гайм был членом Немецкого национального собрания; в 1849/50 годах он снова свободный писатель в Грюнберге и Галле. В 50-х годах начинается преподавание Гайма в университете Галле: с 1850 года он – приват-доцент философии, с 1860 года экстраординариус, а с 1868 года – ординариус философии и истории литературы. В разное время Гайм занимался журналистикой: так, в 1850 году он был редактором газеты «Konstitutionelle Zeitung» («Конституционная газета»); в 1858–1864 годах основал издание «Preußische Jahrbücher» и был его Herausgeber (в нашей терминологии – главным редактором). В 1866/67 годах Гайм избирался в Прусский парламент.

Как можно заметить, Гайм стал ординариусом довольно поздно – в 1868 году ему было 47 лет. Причинами исследователи считают его умеренный политический либерализм (Spirituskreis, S. 153), постоянное вмешательство в политику. Сам Гайм называл себя правым национал-либералом (Ibidem). Известность в ученом мире – и не только среди философов – Гайму принесли его книги «Гегель и его время» (Hegel und seine Zeit, 1857) и «Романтическая школа» (1870). Он обладал замечательным талантом ясно, ярко и в то же время содержательно воспроизводить философские идеи в контексте эпохи и в процессе их внутреннего развития. И всякому, кто хочет ознакомиться с философией Гегеля, можно и сегодня рекомендовать прочитать названное сочинение Гайма. К слову, оно всегда было популярным в нашей стране, а в 1891 году было переведено на русский язык.

В 80–90-х годах XIX века Р. Гайм и И. Э. Эрдманн уже были, так сказать, осколками уходящей в прошлое философской школы – самой влиятельной в Германии первой половины века, хранившей традиции немецкой классической мысли. В начале развития Гайма как мыслителя наибольшее воздействие на него оказывала не философия Канта, а философия Гегеля. А ведь к концу столетия, как известно, философская мысль решительно поворачивала «назад к Канту!». Это имело место и в Университете Галле. Ко времени прибытия Гуссерля в этот Университет позиции гегельянства были здесь окончательно утрачены. Кстати, и раньше в Галле они не были особенно сильными, и их справедливо связывали скорее с авторитетом самого Гайма. Исследователи констатируют: к тому периоду, когда в Галле нахлынули кантианцы (их духовным лидером был энергичный Бенно Эрдманн), университет «правда, располагал в лице “последних гегельянцев” И. Эрдманна и Р. Гайма представительной линией связи с классическим идеализмом раннего XIX столетия. Но уже немало лет оба ученых были обязаны оказываемым им уважением скорее своему личному авторитету и своей теперь уже исторической славе, нежели непосредственному влиянию их философии на отдельные науки» (Spirituskreis, 227).

Причины сложившейся ситуации были и общего, и местного характера. Казалось бы, не так много времени прошло с тех пор, когда споры вокруг философии Гегеля доминировали в немецкой мысли. Но разочарование в гегельянстве было весьма сильным, что можно в первую очередь отнести к влиянию социально-исторических изменений, затребовавших

иной тип философского мировоззрения и вызвавших к жизни волны позитивизма, который был особенно враждебен идеалистическим концепциям гегелевского типа.

Неправильно было бы забывать и о том известном факте, что после смерти Гегеля его дело оказалось в руках соперничавших представителей его школы, которые отнюдь не были слабыми в интеллектуальном отношении фигурами, но, конечно, по глубине философского анализа, новаторству никак не могли сравниться с учителем, родоначальником школы. Главное же, они растаскивали философию Гегеля в противоположные стороны в угоду своим леворадикальным или, напротив, правоконсервативным социально-политическим позициям. Недаром же и Гайм в искреннем письме своему сыну (11 июня 1880 г.) писал, что в студенческие годы «с энтузиазмом читал Фейербаха и Руге, позволив себе увлечься их радикальными взглядами». И – признается Гайм – это увлечение пришло раньше, нежели он оказался в состоянии «контролировать эти взгляды с помощью Гегеля, Канта и т. д.»: ведь произведения самих этих классиков, «как солидную пищу», он во время увлечения левым гегельянством еще не освоил.⁶¹ В таком же положении оказалось немало молодых людей, прошедших через подобные увлечения, но – в отличие от Р. Гайма – так и не возвратившихся к первоисточку, т. е. к самому Гегелю. Итак, к концу XIX века мало кто в философии Германии надеялся, что раздастся клич: «Назад к Гегелю!» (Правда, новое движение в этом направлении было не за горами.) В других странах в это время, кстати, к великому немецкому философу относились благосклоннее, чем на родине. Впоследствии влияние философии Гегеля так или иначе сохранялось, то возрастая, то уменьшаясь. Но для нас важно, что именно в конце XIX и начале XX века и как раз в Германии кривая этого влияния резко поползла вниз.

Обрисовать специально эту ситуацию в данной работе не представляется возможным, тем более что она достаточно подробно освещена в специальной литературе. Здесь для нас существен вот какой объективный результат: *поколение Гуссерля выросло, не только не испытывая еще недавно мощного воздействия философии Гегеля, но все более отчуждаясь от нее*. И впоследствии Гуссерль редко и в основном неодобрительно отзывался о гегелевской философии.

Правда, в высшей степени сложная тема «Гуссерль–Гегель» никак не укладывается в рамки такой оценки: на деле связь двух феноменологий, гегелевской и гуссерлевской, более прочна, чем это представляется на первый взгляд и чем это рисовалось самому Гуссерлю (здесь мы не можем вдаваться в эту специальную тему сколько-нибудь основательно).

Трудно сказать, повлияло ли и как повлияло на Гуссерля то обстоятельство, что среди его коллег в Галле был такой известный исследователь Гегеля и, несомненно, яркий философ, как Рудольф Гайм. Полагаю, на молодого ученого, вчерашнего математика больше воздействовала атмосфера того противодействия, которое оказывали линии Р. Гайма – И. Эрдманна как сконцентрировавшиеся в Галле неокантианцы, так и представители других, прежде всего позитивистско-реалистических философских направлений. К 80-м годам оба названных патриарха университетской философии не имели во всех общих делах факультета сколько-нибудь заметного влияния и веса. А главное, представляемые ими теоретические линии воспринимались как рудименты навсегда утраченного философского времени. Поэтому *антигегельянские интенции системы философского образования, еще в Австрии усвоенные Гуссерлем, в Галле могли лишь закрепиться*. Наличие монументальной фигуры Гайма здесь мало что могло изменить. Правда, впечатляли преданность этого философского патриарха идеям и ценностям гуманитарной культуры, его острый и глубокий ум, интеллигентность, доброжелательность, такт, яркое перо, – все, чего никак нельзя было не заметить и что, вероятно, все-таки оказывало влияние на коллег Гайма. Полагаю, что молодому Гуссерлю, как и другим его коллегам, не были чужды тревоги Гайма по поводу прагматизации

⁶¹ Siehe: Rosenberg, Hans (Hrsg). Ausgewählter Briefwechsel. Ludolf Haym. Stuttgart / Berlin/Leipzig. 1930.

всего уклада жизни, обесценивания культуры, выхолащивания смысла все более суетливой и лицемерной политики. Этот философ, проживший свою долгую жизнь в XIX веке, с тревогой и прозорливостью всматривался в будущее своей страны. Вот отрывки из его писем: «Даст Бог, мы после всей этой великой политики когда-нибудь еще обретем хоть немного философии, морали и поэзии. Выборы, ландтаг, рейхстаг приносят мало радости»,⁶² – пишет Гайм в письме от 22 марта 1877 года. (Как это, кстати, перекликается с горькими ощущениями философов других стран и эпох – когда, как в наше время, приходится желать восстановления влияния «философии, морали и поэзии»!) Или по существу та же тема в письме от 26 февраля 1890 года: «И что выйдет из нашего прекрасного Немецкого Рейха? Как будет называться история последних десятилетий нашего столетия? Не приведет ли нас со всей необходимостью наш демагогический избирательный закон к гибели (*ins Verderben*)?».⁶³

Вникая в материалы, характеризующие Гайма как личность и как философа, обрисовывающие его жизненный путь,⁶⁴ и пытаюсь представить, как Гуссерль мог относиться к этому патриарху философского факультета (остававшемуся его профессором как раз до того года, когда Гуссерль покинул Галле), сначала можно подумать, что ориентации, устремления, пути двух коллег, старого и молодого, совершенно противоположны. Действительно, жизнь и труд Гайма были связаны с его бурным социально-политическим (либеральным) темпераментом, с попытками примкнуть к реформаторским кругам везде, где они появлялись – в политике, в сфере образования, в религиозной практике. Гуссерль же, и не только в молодости, но и во время своего успешного профессорства в Геттингене и Фрайбурге, стоял в стороне от политической деятельности, не занимался непосредственно даже политикой в сфере образования и науки. И еще одно: Гайм был религиозным мыслителем; с молодости он живо интересовался проблемами политики государства в сфере религии. Гуссерль же, незадолго до приезда в Галле (26.04.1886 г.) перешедший в протестантство и остававшийся преданным этой вере до конца своей жизни, не проявлял, однако, ни особого практического, ни теоретического религиозного рвения – в том смысле, что проблемы теологии, философии религии не были в центре его работы. Правда, немало серьезных исследователей феноменологии, опираясь главным образом не на опубликованные работы, а на рукописи, придали теме «Отношение Гуссерля к религии» особое значение. И, например, такой вдумчивый исследователь, как Эберхард Аве-Лаллеман (в статье, помещенной в книге «Гуссерль в Галле»), показал, что проблематика метафизики в философии Гуссерля то и дело восходила к темам религии и что с периодом пребывания в Галле это связано тесным образом.⁶⁵ Мы не будем специально вникать в этот частный, пусть и важный вопрос, ограничившись констатацией факта: ни в ранних, ни в последующих *работах* Гуссерль не был ни религиозным мыслителем, ни тем более исследователем теологии. Правда, упоминания о *Gottesfrage*, о вопросе, касающемся бога, нередко встречались в гуссерлевской феноменологии (*Ibidem*. S. 97) и разрабатывались в феноменологической литературе.⁶⁶ Что касается личной религиозности, то приходится констатировать: выбор Гуссерля между теологией и философией был сделан уже в молодости, притом раз и навсегда. И он был весьма серьезным. Как пишет Аве-Лаллеман: «Хедвиг Конрад-Марциус (ученица Гуссерля. – *Н. М.*)... часто рассказывала об одном разговоре с Гуссерлем во время ее визита к нему во Фрайбург. Гуссерль указал на “Новый Завет” на своем столе и сказал: он всегда лежит здесь; но поставленный перед выбо-

⁶² Rosenberg, Hans (Hrsg): op. cit. Nr. 250. S. 303.

⁶³ Ibidem. S. 349.

⁶⁴ К числу этих материалов принадлежит прекрасная книга воспоминаний самого Гайма, вышедшая после его смерти – «Из моей жизни. Воспоминания» (*Aus meinem Leben. Erinnerungen*. Berlin 1902.) К огромному сожалению, последние десятилетия жизни Гайма не получили в ней отражения.

⁶⁵ Eberhard Ave-Lallemant: Edmund Husserls zu Metaphysik und Religion / Husserl in Halle. S. 87.

⁶⁶ St. Strasser, 1959; W. Laycock, 1988; Young-Han Kim, 1985.

ром – углубиться в него или продолжать мой труд, я выбрал бы последнее, ибо я знаю, что в противоположном случае утратил бы свою миссию... Последствия этого шли еще дальше: он высоко ценил церковь, но со всей очевидностью не участвовал в ее жизни» (Ibidem. S. 104). Кстати сказать, религиозно ориентированные ученики и последователи Гуссерля потом нередко озадачивали его вопросами об отношении к вере и религии – и почти всегда получали сходные ответы. Он, де, не религиозный философ. Но исходит из того, что феноменология, не ставя перед собой конкретные религиозные цели, все же в конечном счете прокладывает «путь к богу» (Ibidem. S. 106). Что касается церкви, то ее деятельность часто представлялась Гуссерлю «слишком политической, посюсторонней».⁶⁷

Все это, считаю, важно не только само по себе, но и для сопоставления двух личностных типов – Гайма и Гуссерля. Гайм в молодости был вовлечен в деятельность студенческих либеральных союзов, которая нацеливалась также и на церковные реформы. Но присмотримся к делу пристальнее. Именно в ту пору, когда Гайм сдавал экзамены в университете Галле и предпринимал первые попытки габилитации, закончившейся неудачей (1843–1845 гг.), он присоединился к кружкам и союзам («Протестантские друзья», «Друзья света» – «Lichtfreunde»), которые «под влиянием философии разума и просвещения выступили против духовного и клерикального попечительства со стороны государства и церкви».⁶⁸ Итак, Гайм был на деле вовлечен не во внутренние «реформы» церкви, а именно в проблематику дальнейшего освобождения и всей жизни обычного человека, и прежде всего сфер образования, культуры, от излишнего попечительства со стороны церкви и религии. Он выступал против закостенелости, догматизма теологических и религиозно-философских учений. Кружки, к деятельности которых подключился молодой Гайм, прекратили существование из-за внутренних споров. К тому же идеи церковной либерализации переросли в *политический* либерализм (Ebenda. S. 6). На его почве Гайм потом пытался работать в качестве журналиста.

В то время в Германии – не в первый, и не в последний раз в ее истории – речь шла об объединении страны (собственно, в это время под эгидой Пруссии). В философию Гайм пришел уже после того, как попробовал свои силы на поприще политики; впрочем, там он не добился особого успеха... Но и став достаточно популярным профессором в Галле, Гайм, как сказано, вплоть до 1880 года участвовал в политической деятельности и борьбе. Когда Гуссерль прибыл в Галле, Гайму было 66 лет. За плечами почтенного профессора было несколько работ, о которых уже говорилось. Ко времени знакомства этих двух философов было совершенно очевидно, что книги Гайма «Гегель и его время», «Романтическая школа» (1870) принадлежали к числу наиболее известных, даже популярных и заметно повлиявших на немецкую культуру философских произведений.

Вряд ли возможно, чтобы Гуссерль в молодости совсем не заглядывал в них – хотя бы в учебных целях. Правда, от его непосредственных интересов и философия Гегеля, и романтика отстояли достаточно далеко. Да и тип личности беспокойного Гайма, долго метавшегося между политикой и философией, вряд ли был близок молодому ученому, твердо избравшему научный тракт и колебавшемуся только в отыскании своего конкретного пути на столбовой дорожке науки.

Однако есть по крайней мере одна и принципиально важная линия, где у двух столь разных личностей, к тому же представителей разных поколений, могли совпадать ценности и устремления. Это были все тот же дух и все те же ценности науки, научности, свободного исследования, высокой культуры, благородного призвания человека, ценности разума и разумности, которые были одинаково дороги и Гайму, чей жизненный путь закончился в

⁶⁷ E. Ave-Lalleman, op. cit. S. 107.

⁶⁸ Rudolf Haym, 1821–1901. Kurzbiographie und bibliographische Übersicht. Halle (Saale) 1992. S. 5.

первый год нового века, и Гуссерлю, только вступающему на дорогу самостоятельной творческой жизни. В то время уже началось наступление на этот поистине классический сплав ценностей со стороны позитивизма в самом широком, не узкофилософском смысле этого слова. И *несмотря на все личностные и философско-теоретические различия, Р. Гайм, Г. Кантор, философы-кантианцы, Гуссерль реально принадлежали к одному духовно-интеллектуальному лагерю, хотя не всегда отчетливо осознавали и признавали это.*

Гуссерлю, в отличие от Гайма, довелось жить в то время, когда последствия утраты европейским человечеством коренных, объединяющих его ценностей и смыслов обернулись двумя мировыми войнами, нацизмом, тоталитаризмом. Последняя работа Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» – это горькое осознание глубины и неотвратимости многообразных исторических потрясений, в том числе и в духовно-нравственной сфере. И не утративший актуальности призыв к «героизму разума», возрождению Европы, всего человечества из огня разрушений и сомнений. «Ибо только дух бессмертен», – слова Гуссерля из этой книги, под которыми вполне мог бы подписаться его коллега по университету Галле Рудольф Гайм. Подобные слова, кстати, могут быть отнесены и к самой сердцевине философии Гегеля.

Глава 2. Гуссерль и неокантианцы Университета Галле. Бенно Эрдманн

На философском факультете Университета Галле, в особенности на одной из кафедр, в 80-х годах XIX века ведущие позиции принадлежали кантианцам. Сначала среди них наиболее значительными фигурами были Б. Эрдманн и Г. Файхингер. Затем присоединился А. Риль.

Бенно Эрдманн (1851–1921) был профессором сначала в Киле, Бреслау, а с 1890 года стал ординариусом в Галле, заняв кафедру вместо уехавшего К. Штумпфа. С 1892 по 1894 годы Б. Эрдманн состоял в сенате философского факультета. С 1898 года он – ординарный профессор в Бонне. В начале 90-х годов Б. Эрдманн уже был достаточно известным философом. А впоследствии (1911 год) его заслуги были оценены весьма высоко: он стал действительным членом Прусской и Баварской Академий наук. Б. Эрдманн – один из приехавших из Бреслау (другим бреславцем был основатель *Spirituskreis* Эдуард Майер), против засилья которых в официальной политике философского факультета горячо протестовал Георг Кантор. Г. Кантор также восставал против того, чтобы на эту политику оказывали влияние мнения, сформировавшиеся в неофициальном кружке (*Spirituskreis*). (См. особый раздел о SK в *Приложении*). 8 декабря 1892 года в собственноручном язвительном дополнении к протоколу факультетского заседания он прямо написал: «в нашем университетском кругу обнаружился некий кружок, на котором по вечерам делают доклады представители наук о духе (по-немецки: *geisteswissenschaftlicher Vortragsabend*)» – и это-де «импортированная копия образца, появившегося еще в Бреслау».⁶⁹

Б. Эрдманн (наряду с гуманитариями Майером, Пишелем, Конрадом и Диттенбергером – о них см. в Приложении о “*Spirituskreis*”) принадлежал к кругу более молодых ординариусов Университета Галле, которые в университетской и факультетской политике сформировали своеобразный единый фронт против своих более старших коллег, что проявлялось в постановке и решении самых разных организационных вопросов.

Гуссерль, по всей видимости, стоял в стороне от этих внутриуниверситетских размежеваний. Во-первых, он принадлежал к еще более молодому, чем Б. Эрдманн, поколению университетских преподавателей. Его положение, как мы знаем, было неупроченным, так что ввязываться в размежевания более старших коллег не имело смысла, тем более что этого не предполагали и тогдашний статут университетов, и повседневная практика университетской жизни. Во-вторых, в таких жизненно важных и для Гуссерля процедурах, как добывание стипендий, прошений о должностях экстраординарных и ординарных профессоров, накопилось немало проблем, касавшихся более старших коллег. И Гуссерлю всякий раз нужно было ждать своей очереди. (Впрочем, мы уже знаем, что о нем факультет отнюдь не забывал и всегда пытался использовать в его пользу открывающиеся возможности.) В-третьих, при изучении строя жизни Гуссерля ясно, что он всегда более или менее сторонился борьбы университетских группировок. И когда он стал университетским профессором, в такие перипетии вникал лишь тогда, когда нужно было оказать протекцию какому-либо способному молодому ученому. В-четвертых, – и это главное – в Галле все его время и все его усилия были посвящены освоению философии, логики, психологии и разработке самостоятельных философских позиций. А вот на этом пути встреча с точкой зрения, представленной Б. Эрдманном, и вообще с неокантианским направлением, просто не могла не произойти. Тогдашний (первый), но никак не последний гуссерлевский «поворот к Канту» в немалой степени зави-

⁶⁹ *Spirituskreis*... S. 123. Авторы этого исследования добавляют, что подобные размежевания профессоров не были редкостью на философских факультетах других университетов.

сел также и от отношения молодого ученого к идеям неокантианцев, включая и его тогдашних университетских коллег.

Теперь подробнее о Б. Эрдманне как философе и человеке и при возможности особенно о линии «Эрдманн–Гуссерль», поскольку она касалась все более занимавшего Гуссерля отношения к Канту, а также других проблем, в осмыслении и решении которых пересекались исследования обоих философов.

Бенно Эрдманн (1851–1921), изучавший философию, математику, естествознание в Берлине и Гейдельберге, защитил в Берлине габилюационную диссертацию и к 1876–1878 годам уже прошел путь от приват-доцента до ординарного профессора, и «через Бреслау (1884) добрался до Галле».⁷⁰ В Галле вышел 1 том его важной (в том числе и для Гуссерля) книги «Логика» (*Logik*, Bd. 1, Halle 1892). В этом городе сложились воззрения Эрдманна по проблемам психологии, истории философии (особенно XVII и XVIII столетий), педагогики. Он стал видным представителем неокантианства. Оттенки его философских позиций, его отношения к Канту и будут нас здесь интересовать в первую очередь – и потому именно, что Гуссерль, несомненно, вникал в эти оттенки в период своего *философского* становления в Галле, тем более что Б. Эрдманн принимал активное и чаще всего позитивное участие в судьбе приват-доцента Гуссерля.

Но не следует упускать из виду, что в Галле Эрдманн был не только авторитетным *философом*. Он принадлежал к числу тех, кто весьма энергично занимался внутри-университетской политикой и вместе с рядом других единомышленников, специалистов в *Geisteswissenschaften*, в науках о духе, прилагал большие усилия для *демократизации* университетского дела. Авторы книги «*Spirituskreis...*» пишут: «Развернутая или поддержанная Эрдманном инициатива обновления отношений на факультете была нацелена на достижение равного положения всех ординариусов, и она была постольку неразрывно связана с борьбой философских направлений (поддержанной его единомышленниками), поскольку *относительная демократизация*, к которой он стремился, создавала более благоприятные условия в споре против представителей позитивизма и, естественно, в борьбе против той политики реформ 1890 года, которая велась с благословения Вильгельма II и в соответствии с требованиями усиливающегося (*aufkommenden*) немецкого империализма» (S. 201 ff).

В философской деятельности Б. Эрдманна (и здесь она была тоже тесно связана с влиянием неофициального сообщества – *Spirituskreis...*) прослеживается настойчивое стремление *защитить позиции философии, вообще наук о духе, от нового напора позитивизма, натурализма, материализма, а также от все более настойчивых устремлений соответствующих кругов и инстанций в сторону политики «реального», «прагматического» образования*, которые находили многочисленные проявления не только в Германии, но и в других странах Европы. В принципе и Гуссерль, и его учитель, покровитель, друг Г. Кантор могли с сочувствием отнестись к этой борьбе. Как будет специально показано, выдающийся математик Г. Кантор всегда воздавал должное философии, а также философски ориентированным математическим исследованиям. Он вовсе не чужд был интересам гуманитарного образования и наук о духе в целом. А уж что касается Гуссерля, то и основания более поздней его философии, и идеи, складывавшиеся в Галле, обнаруживают несовместимость с плоским натурализмом, позитивизмом, с попытками просто подчинить философию, психологию натуралистическим методам и устремлениям. В «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии» Гуссерль ретроспективно свяжет усиление подобных умонастроений с общим кризисом Европы, европейского духа и тем самым всей человеческой цивилизации.

⁷⁰ *Spirituskreis...* S. 200.

О том, каковы были ценностные установки великого ученого Г. Кантора, будет подробно рассказано в посвященном ему разделе. Но здесь речь идет скорее не о ценностях, а о такой тонкой жизненной материи, как личностные отношения и размежевания. А отношения между Кантором, его друзьями и кругом Б. Эрдманна сложились неблагоприятно.

В частности, Б. Эрдманн и его единомышленники запальчиво и несправедливо усматривали в Г. Канторе противника их социальной, образовательной программы. Под такое подозрение отчасти подпадал, наверное, и друживший с Кантором Э. Гуссерль. Как отмечают историки, «в размежевании между неокантианством и позитивизмом, по видимости ориентированным на естествознание, кульминацией стало объявление Кантором в зимнем семестре 1891/90 гг. занятий по теме “О понятии числа” – как *философских* лекций; это надо рассматривать в связи с появившимся в 1891 году сочинением приват-доцента по философии Э. Гуссерля, вышедшего из школы Ф. Brentano, под заглавием “Философия арифметики” и с его лекциями на тему “Избранные вопросы философии математики” – или с посвященными тем же темам сочинениями и лекциями Б. Эрдманна. Следует добавить, что Гуссерль, как и Кантор, позднее ни разу не читал в Галле лекции на названные темы, что позволило историкам оправданно предположить: «речь идет о полемических мероприятиях (Veraustaltungen), вызванных актуальными поводами» (Ibidem. S. 205).

Справедливости ради надо учесть: в разных делах, так или иначе касавшихся Б. Эрдманна, его единомышленников по Spirituskreis, сам Г. Кантор вел себя весьма запальчиво, язвительно обличая прежде всего бреславцев уже за их попытки в приватном кругу регулярно заслушивать научные доклады. Итак, поведение с обеих сторон было не вполне рациональным, хотя оно вызывалось к жизни достаточно весомыми соображениями. В случае Б. Эрдманна и его единомышленников это была понятная борьба философов, ученых-гуманитариев против проявлений упадка культуры нации, угроз со стороны чисто прагматических реформ образования, подрывающих корни богатейших духовных традиций Германии и всей Европы, акцентирование преимущественной полезности естественно-научного, технического и т. д. образования. А ведь и сегодня мы во всех европейских странах сталкиваемся с подобными угрозами и проблемами. (Нечто подобное, увы, происходит сейчас в «новой» России.) Итак, история повторяется – и, к сожалению, из нее так и не извлекаются уроки...

Теперь мы кратко осветим деятельность Б. Эрдманна в Spirituskreis (далее кратко SK). (Читатель должен иметь в виду, что в упомянутом *Приложении* он сможет в общем и целом познакомиться с целями и работой этого весьма интересного неофициального сообщества ученых-гуманитариев Галле.) Б. Эрдманн регулярно (т. е. каждый год) выступал с докладами на вечерних собраниях SK. И это были доклады, которые, с одной стороны, подчинялись общему тематическому плану кружка, с другой стороны, были продиктованы интересами и устремлениями самого ученого. 9 января 1891 года Б. Эрдманн выступал с докладом на тему «Условия развития философии XVII века», что отвечало его многолетнему интересу к XVII и XVIII столетиям и их роли в развитии европейской философии. 19 ноября 1892 года им был зачитан доклад «К теории восприятия (апперцепции)» – Zur Theorie der Wahrnehmung (Apperzeption). Весьма интересен по своей теме доклад, сделанный 6 января 1894 года – Zum Wissen vom Unbewußten (К вопросу о знании о бессознательном). Доклад от 9 июня 1895 года назывался «Метафизика как наука» («Die Metaphysik als Wissenschaft»); 9 мая 1896 года был доклад Б. Эрдманна «Über Worte der Vorstellungen», что можно перевести так: «О словах [отнесенных] к представлениям»; 8 мая 1897 года он прочитал доклад на весьма важную тему «Догматический реализм Канта» (Kants dogmatischer Realismus); 6 ноября 1897 года – «[Нечто] метафизическое по поводу психологии» (Metaphysisches zur Psychologie). В последующие годы Эрдманна, как известно, уже не было в Галле.

Анализируя тематику докладов этого ученого, можно с уверенностью утверждать: *все избранные им темы тесно соприкасались с проблематикой, над которой в тот же период*

усиленно трудился Гуссерль. На данном примере (как впрочем, и на других примерах) можно видеть, что заседания SK, которыми был так недоволен Г. Кантор, посвящались таким (в данном случае – философским) вопросам, которые живо интересовали научное сообщество и, в частности, тех его представителей, которые, несмотря на молодость, напряженно и новаторски работали на переднем крае своих дисциплин. Следовательно, для междисциплинарного сообщества, объединявшего не только философов, но и историков, юристов, экономистов, филологов, теологов, то была бы великолепная и завидная возможность ознакомиться с новейшими разработками коллег из других научных областей, поставить и обсудить наболевшие теоретические и методологические вопросы. Но и недовольство Кантора не было беспочвенным: сколь не помешало бы всему этому, если бы присутствовали и делали доклады естествоиспытатели, математики, коими славился университет Галле и кои, что потом будет показано в этой книге на примере Г. Кантора, в Германии всегда были неравнодушны к философско-метафизическим и гуманитарным проблемам! Но – не случилось...

И еще одно: SK был кружком, объединившим *более молодых*, но все-таки ординариусов, хоть и боровшихся за «равенство возможностей» с *более старыми*, совсем уж маститыми профессорами, но все же сознательно не приглашавших на свои закрытые собрания *более молодых* талантливых коллег. На элитарных встречах SK не было места таким ученым, как Гуссерль: он еще не пробился в университетскую элиту. Не отсюда ли возникнет настойчивое стремление Гуссерля – когда он станет признанным учителем, «Мастером», что произойдет уже в Гёттингене, – окружить себя молодыми людьми, студентами и преподавателями, открыть для них свой дом и свое сердце, создать *вместе с ними* неофициальное сообщество единомышленников-феноменологов?

Впрочем, было бы совершенно неправильно говорить о том, что сам Б. Эрдманн демонстрировал превосходство над более молодыми коллегами и учениками. Приведу развернутую и выразительную характеристику, которую дал весьма противоречивой личности своего коллеги умный, доброжелательный, объективный Р. Гайм. В 1893 году Гайм так писал в Берлин Г. Шмоллеру о Б. Эрдманне: «Он производит на меня впечатление своей силой и гордым здоровьем (напомню: Б. Эдманну в это время 42 года. – Н. М.). Его работоспособность чрезвычайно эффективна, а его память и острота его интеллекта постоянно оказывают ему добрую службу. При этом он с равной основательностью осуществил и детальное историко-философское исследование в области философии нового времени, и – будучи хорошо образованным в математике и в психологических вещах – внес достойный самой высокой оценки вклад в историю познания и психологию, а в самое недавнее время серьезно разработал логические проблемы, соединив всестороннюю ученость с остротой суждений [...] Поскольку он владеет знаниями во всех вышеназванных дисциплинах, а к тому же и в модной науке педагогике [...], то в процессе преподавания способен оказывать самое широкое и плодотворное воздействие; и он делает все это иначе, чем скромный Штумпф. В процессе учебных упражнений (Übungen), к которым он относится с необыкновенной прилежностью, он воспитывает в молодых людях способность к строгой методической работе. [...] От его докладов всегда исходит импонирующая определенность, проистекающая из его сущности человека, не ведающего сомнений в самом себе. Ибо он совершенно категорический человек, который, собственно, не позволяет вести с собой диалог и который, напротив, высказывает свое мнение тем, кто задает вопросы и ведет с ним разговор, с известной жесткостью. В нем со всей очевидностью проявляется склонность к доминированию... Также и в деловых вопросах, в факультетских проблемах он проявляет сильную склонность придать значение своей особе (*sich geltend zu machen*), подавать заявки, выступать за новшества, брать все в свои руки, причем и во второстепенных вопросах отстаивать свои права. От неудобных личностей он пытается дистанцироваться [...] Я знаю, что здесь и другие старшие коллеги испытывают по отношению к нему те же чувства, что и я; но я также знаю, что выходцы из

Бреслау никак не хотели бы потерять его и что более молодые здесь – а именно и те люди с других факультетов, которые непосредственно имеют с ним дело, – ценят его не только как ученого, но и как товарища. В его тщательности – когда при современном состоянии философии с такой легкостью отказываются от продуцирования оригинальных идей – не приходится сомневаться.⁷¹ Сказанное создает противоречивую картину. Но одно несомненно: Б. Эрдманн был высокопрофессиональным, эффективным ученым и в высшей степени активным деятелем университетского сообщества Галле. Вспомним это, когда установим, что Э. Гуссерль в ФА, а потом и в ЛИ ссылается на ряд работ Б. Эрдманна, включая его философские, логические и психологические исследования.

В содержательном философском плане главным в деятельности Б. Эрдманна были его работы, посвященные философии И. Канта.

Вклад Бенно Эрдманна в историю кантоведения

За несколько лет до приезда Гуссерля в Галле вышла из печати книга, благодаря которой Б. Эрдманн навсегда вписал своё имя в историю кантоведения. Эта книга называется «Размышления Канта над критической философией. На основе рукописных заметок Канта изданы Бенно Эрдманном» (*Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie. Ans Kants handschriftlichen Anzeichnungen herausgegeben von Benno Erdmann. Leipzig 1882/1884*). Значимость этой публикации лучше всего передают слова выдающегося современного кантоведа Норберта Хинске, который в 1992 году осуществил переиздание данного труда: «Издание Бенно Эрдманном “Размышлений (Reflexionen) Канта над критической философией” причисляется к публикациям, которые в области кантоведения имеют историческое значение. Файхингер в 1887 г. называет её “важнейшей публикацией подобного рода за последние годы”».⁷² Влияние, ею оказанное, видно уже и внешним образом – в терминологии. Со времени Эрдманна и благодаря ему обсуждение «Размышлений» («Рефлексий»), соответственно «Размышлений из наследия» Канта, становятся в кантоведении чем-то само собой разумеющимся. Вместе с этим изданием на самом деле пробуждается живой интерес к кантовскому наследию, который глубочайшим образом изменил наш образ Канта.⁷³ Б. Эрдманн выпустил два тома рукописного наследия Канта, снабдив их введениями и комментариями; первый том относится к темам кантовской антропологии; второй том содержит кантовские размышления и заметки, касающиеся «Критики чистого разума». Б. Эрдманн справедливо говорил в Предисловии к своей публикации об огромном объеме работы (S. V–VI). Видимо из-за этого задуманная и объявленная в Предисловии работа над текстами Канта по эстетике, этике, философии религии, которые были вынесены Эрдманном за рамки антропологии, – эта работа не была выполнена.

Согласно оценке Н. Хинске, исследования, которые осуществлялись на последующих стадиях кантоведения, в трех отношениях продвинули вперед, усовершенствовали анализ рукописного наследия Канта. Во-первых, Б. Эрдманн сделал из него извлечения, выписки; в издании Прусской Академии тексты из наследия впоследствии были опубликованы полностью. Во-вторых, считается, что в целом ряде случаев издание Академии более удовлетворительно оформляет тексты. В-третьих, продвинулась работа над научным датированием тех или иных кантовских заметок. Если Эрдманн в своих попытках определить время воз-

⁷¹ Hans Rosenberg (Hrsg). *Ausgewählter Briefwechsel Rudolf Hayms*. Stuttgart/Berlin/ Leipzig 1930. Brief – Nr. 305. S. 355 f. Цитир. по: Spirituskreis... S. 140–141

⁷² Hans Vaihinger. Rezension des zweiten Bandes der *Reflexionen*. In: Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie 11(1887). S. 205.

⁷³ Norbert Hinske. Einleitung zur Neuausgabe. In: *Reflexionen Kants zur kritischen Philosophie*. Neudruck der Ausgabe. Leipzig 1882/1884. Stuttgart–Bad Cannstatt. 1992. S. 7.

никновения заметок руководствовался чисто содержательными соображениями и критериями, то Адикес считал эти попытки неудачными (N. Hinske, op. cit. S. 9), предложив иной метод (Stellungsindizen), который, по мнению Адикеса, является объективным – в отличие от субъективного метода Б. Эрдманна.

Однако специалисты (в частности, упомянутый Н. Хинске) находят в публикации Эрдманна и ряд преимуществ по сравнению с последующими изданиями.

Одно из них: упорядочивание наследия, касающегося проблем метафизики. Адикес в XVII и XVIII томах Академического издания разбил его на части и тем затруднил использование кантовских текстов. Б. Эрдманн, который руководствовался чисто содержательными соображениями, собрал тексты в одном месте, что делает их «обозримыми» для читателей. «Как раз это обстоятельство, – пишет Н. Хинске, – вообще впервые придает многим постановкам вопроса у Канта всю ту весомость, которой они и должны обладать. Не в последнюю очередь автобиографически акцентированные рефлексии Канта о его собственном пути к критицизму (“подлинный свет, – пишет Кант, – я увидел в 1769 году”), которые Эрдманн под заголовком «Нечто к истории развития [Канта]» опубликовал в самом начале II тома (II 3–5), впервые обрели свою преобразующую силу (Sprengkraft) именно благодаря такому расположению» (N. Hinske, op. cit. S. 11).

Далее: специалистами высоко оценены комментарии самого Б. Эрдманна к кантовским заметкам, особенно комментарии ко II тому, т. е. к кантовской рефлексии по поводу «Критики чистого разума». Это были текстологические комментарии (например, сравнение с похожими идеями Канта в других произведениях); далее, имели место ссылки на кантоведческую литературу, знакомство Эрдманна с которой Н. Хинске находит «удивительным» (S. 11), приводя в подтверждение мнение современника Эрдманна и тоже кантоведа Х. Файхингера, подчеркнувшего в своей рецензии «полноту учености» (Fülle von Gelertsamkeit) Б. Эрдманна. Остановлюсь на данном пункте специально.

В обсуждаемой теме мы находим одно из подтверждений того, что кантианцы, кантоведы университета Галле Б. Эрдманн и Х. Файхингер – *и как раз к тому времени, когда там появился Гуссерль* – зарекомендовали себя как ведущие специалисты в области *конкретного кантоведения* (как я его называю), т. е. в издании и подробнейшем специальном комментировании сочинений Канта. И что бы ни говорили и ни думали те исследователи Канта, которые видели и видят свою главную цель в создании *собственных концепций* на основе кантовской философии, *упомянутое конкретное исследование для многих поколений читателей остается непреходящим источником, основой*, благодаря которым тексты сочинений Канта постоянно публикуются, уточняются, комментируются. В этом специальном деле оба интересующих нас кантианца из Галле действительно входят в когорту классиков, работы которых сохраняют значение до настоящего времени. Остается вопрос, в какой мере их работу использовал Гуссерль. К нему мы обратимся позже. Вернемся к разбираемой публикации Б. Эрдманна.

Вопреки тому, что в кантоведении тексты издания Прусской Академии ставятся выше, чем публикации Б. Эрдманна, Н. Хинске считает (и убедительно доказывает это на конкретных примерах): в очень многих случаях как раз Б. Эрдманн гораздо лучше, адекватнее, наконец, понятнее презентует рукописи Канта.

Отвлекаясь от первого тома эрдманновского издания, посвященного специальной проблеме антропологии Канта (вернее, заметок и рефлексий великого философа по поводу собственной антропологической концепции), остановлюсь на материалах второго тома, касающихся критической работы Канта над своей «Критикой чистого разума». А здесь специалисты справедливо выдвигают на передний план проблему антиномий, как её понимает, интерпретирует, развивает Бенно Эрдманн. В своем объемистом *Введении* ко второму тому Б. Эрдманн интерпретирует тему антиномий как ключевой момент для понимания исто-

рии становления и развития философии Канта. Тем самым, разъясняет Н. Хинске, Б. Эрдманн в своем *Введении* повел речь о той теме, которая стояла в центре внимания тогдашнего, со времени Куно Фишера развивавшегося кантоведения. Эта тема: фазы развития кантовской мысли (N. Hinske, op. cit., S. 17). (Не случайно, что Хинске именно в данном месте своего рассуждения опять сослался на Г. Файхингера и на 1 том его Комментария к «Критике чистого разума»).

Позиция Б. Эрдманна в вопросе об антиномиях, если говорить суммарно и коротко, состоит в следующем. На пути Канта к критицизму 1769 год был поворотным (результатом и стала диссертация 1770 года). А содержательно поворот оформился, согласно Бенно Эрдманну, как раз в идее антиномий и благодаря ей. «Поскольку решение, принятое [Кантом] в этом вопросе и было решением, касающемся диспозиции критики чистого разума, – писал Б. Эрдманн, – а благодаря этому было принято решение о подлинном (letzen) смысле её руководящих идей, – постольку я хочу подробно обосновать мою позицию (Annahme), как это сделано в моем *Введении* к “Прологоменам” (Bd. II, S. XXIV)».⁷⁴

Оценка Н. Хинске: на две трети посвятив свое Введение ко II тому оправданию своих исходных тезисов, Б. Эрдманн существенно, глубоко изменил понимание философии Канта и проложил путь для «метафизической интерпретации Канта последующими поколениями» (N. Hinske, op. cit. S. 18). Рукописное наследие Канта, относящееся к проблемам метафизики, в самом деле привлекло особое внимание последующих поколений, что вполне оправданно связывать, как это делает Н. Хинске, также и с очень серьезным, глубоким – не прекращающимся и сегодня – воздействием идей, позиций, публикаций Б. Эрдманна в области «конкретного кантоведения». И здесь нам снова интересна ссылка Хинске на следующую оценку – и оценку очень высокую – вклада Б. Эрдманна со стороны коллеги из Галле Х. Файхингера: «Эта позиция может быть оценена как один из самых прочных результатов нового кантоведения».⁷⁵

Теперь особо поразмыслим об идеях и позициях другого неокантианца из Галле – Ганса Файхингера.

⁷⁴ Benno Erdmann. Einleitung. In: Immanuel Kant's Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, Leipzig, 1878. S. LXXXV–LXXXVII.

⁷⁵ Hans Vaihinger. Rezension... S. 218.

Глава 3. Г. Файхингер и ранний Гуссерль: опыт не вполне обычного сопоставления

Ганс Файхингер (он родился вблизи Тюбингена в 1852 году) в молодости испытывал различные философские и литературные влияния: он то увлекался Новым Заветом, то переходил к «пантеизму с его воодушевлением природой», то восторгался книгой Гердера «Идеи истории человечества», то погружался в восторженное же изучение диалогов Платона, то становился поклонником философской поэзии Шиллера. Все это, как рассказал сам Файхингер, происходило ещё в школьные годы.⁷⁶

Поступив в 1870 году в Тюбингенский теологический институт, – тот самый «Тюбингенский штифт», в котором в конце XVIII века учились Гегель, Шеллинг, Гёльдерлин, – Файхингер обнаружил, что порядки в нем теперь были вполне либеральными: молодым воспитанникам, утверждал он позже, предоставлялась полная свобода. За работу на тему «Новые теории сознания» воспитанник института Файхингер получил свою первую научную премию, позволившую ему предпринять путешествие в Швейцарию и Италию. Философию в институте тогда преподавал интересный и значительный философ, логик Хр. Зигварт (на которого ссылался, с которым впоследствии полемизировал молодой Гуссерль). Студент Файхингер испытывал противоречивые чувства: он отдавал должное тому, что Зигварт реформировал логику; но в собственно философских вопросах, признавался Файхингер, Зигварт нагонял на него страх (S. 179).

В студенческие годы Файхингер увлекался античной философией. Но ни с чем не сравнимое впечатление, по собственным словам философа, произвела на него – в те же студенческие годы – философия Канта. «Во всех отношениях он действовал на меня освобождающе, ничем меня не связывая» (S. 180). Особенно впечатляющим казалось Файхингеру кантовское учение об антиномиях. А идея о примате практического разума, писал философ, отвечала самой «внутренней сущности» его собственной личности. Впечатление от систем Гегеля, Фихте, Шеллинга было не таким сильным, хотя в Тюбингене их, понятное дело, требовалось изучать весьма основательно.

Файхингер пережил также сильное увлечение учением, в частности, пессимистическими идеями Шопенгауэра, истолковав их как средство переносить тяготы жизни, не утрачивая её этического смысла (S. 180, 181). (Здесь было и личное признание: Файхингер, с детства страдавший тяжелой формой близорукости, а вместе с тем наделенный активным жизненным темпераментом, остро переживал это несоответствие и преодолевал его, что вполне можно понять, не на пути оптимизма, а принимая в расчет иррациональные, темные стороны бытия и в то же время не давая им одержать над собой победу.)

Философия немецкого идеализма, как она развивалась после Канта, тем разочаровывала Файхингера, что была слишком рационалистической и не признавала, не истолковывала значимости иррационального, что она возводила на пьедестал логическое, не признавая и не объясняя алогичное. А потому коррекция к немецкому идеализму, к философии Канта, предложенная Шопенгауэром, была горячо принята молодым Файхингером. (Хотела бы заметить, что в России в тот же период наблюдалось сходное по направленности воодушевление философией Шопенгауэра.)

Все эти студенческие увлечения Файхингера не мешали изучению классических языков, археологии и германской филологии.

⁷⁶ Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen. Leipzig, Bd. 2. 1921. S. 175, 176 и ff. Далее ссылки на страницы этого издания – в моем тексте.

В 1874 году Файхингер защитил в Тюбингене свою первую диссертацию по уже известной нам теме отмеченного премией сочинения – «Новые теории сознания». Во время пребывания в Лейпцигском университете, куда Файхингер отправился вскоре после защиты, на него особое влияние произвела (вышедшая еще в 1866 году) знаменитая и вызвавшая громадный интерес книга Фридриха Альберта Ланге «История материализма». Её обычно считают «часом рождения» неокантианских направлений в последних десятилетиях XIX века. Нам нельзя забыть о том, что и Гуссерль в «Философии арифметики» проявит внимание к этой работе Ланге, которую он будет цитировать уже по третьему изданию 1877 года. (Эта связка: Ланге–Гуссерль будет – в силу её конкретной связи с текстом ФА – анализироваться в разделе о данной гуссерлевской работе.) Присмотримся к тому, как книга Ланге воздействовала на одного из тех, кого к этим направлениям причисляют, на молодого Ганса Файхингера. То обстоятельство, что Файхингер, как и Гуссерль, пользовался более поздними ее изданиями, весьма важно. Файхингер отмечал: первое издание работы Ланге страдало недостатками, которые особенно бросались в глаза привыкшим к научной аккуратности немецким философам. Последующие издания, заметно исправленные и дополненные, как раз и стали вехой, событием в творческой жизни Файхингера. Он сам писал об этом не в сухой, абстрактной, а в личностной, исповедальной манере: «Теперь я наконец нашел человека, которого понапрасну искал четыре года пребывания в Тюбингене: я нашел руководителя (Führer, фюрера – тогда это немецкое слово ещё не было одиозным. – *Н. М.*), мастера, “Идеального учителя”. Здесь царил тот дух, который и раньше вел меня вперед, оставаясь то смутным, то более ясным; но теперь он выступил с полной ясностью и одновременно под формой красоты: с одной стороны, высочайшее внимание к фактам, точное знание естественных наук и одновременно владение всей историей культуры; с другой стороны – кантовский критицизм, однако, смягченный и расширенный Шопенгауэром – а прежде всего высокий этический взлет; в отношении же религиозных догм, с одной стороны, острейший радикализм в теории, с другой стороны, великодушная толерантность на практике» (S. 188–189).

Для истории философии и культуры такие свидетельства современников чрезвычайно интересны. Обилие произведений науки и культуры, которые на протяжении десятилетий и столетий как бы встают в один ряд, конкурируя друг с другом, затмевает тот факт, что отдельные сочинения (о которых впоследствии забывают или судят с поверхностной снисходительностью) в исторический момент их появления могли играть роль поистине поворотных событий в истории духа, в истории философии. Названная книга Ф. А. Ланге и была таким событием. Кстати, именно так она была воспринята философами далекой России, и не только ими: книгу Ланге сначала в оригинале, а потом в переводе читали также и естествоиспытатели, литераторы, врачи, словом широкая интеллектуальная публика нашей страны, интересовавшаяся философией.

Вернемся к Файхингеру. Наряду с работой Ланге он осваивал всё самое интересное, что имелось в то время в философии, психологии, особенно немецкой. Отметим такой любопытный факт. Файхингер фиксирует, как значительное для него обстоятельство, прибытие в Лейпциг осенью 1875 года Вильгельма Вундта (1832–1930), уже известного в то время психолога и философа. Напомню, что в 1876 году лекции Вундта в Лейпциге слушал и Э. Гуссерль. Имя этого философа ещё встретится нам: Гуссерль нередко ссылается на его работы в «Философии арифметики». Для нашего конкретного – здесь: историко-философского – исследования необходимо зафиксировать, как причудливо порою пересекаются «линии судеб» в творческом развитии мыслителей, принадлежащих к различным направлениям, но в «пространстве философии» так или иначе встречающихся с одними и теми же идеями, интеллектуальными веяниями.

Файхингер выразил свое отношение к некоторым из этих идей и веяний в своей первой книге «Гартман, Дюринг и Ланге. К истории философии в XIX веке. Критическое эссе» (Hartmann, Dühring und Lange. Zur Geschichte der Philosophie im 19. Jahrhundert. Ein kritischer Essay).

А в 1876 году он написал объемистое габилюационное сочинение, общий заголовок которого – примечательно для будущей гуссерлевской философии – гласил: «Логические исследования. I часть»! Правда, подзаголовок был таким, какой, казалось бы, (и такое всё еще кажется сциентистским читателям Гуссерля, особенно логикам) никогда не мог появиться в более поздней одноименной гуссерлевской работе: «Учение о научных фикциях». Не забудем, вместе с тем, что в жестком логицистском пространстве I тома уже гуссерлевских «Логических исследований» все законы естествознания – в противовес истинам логики и математики – тоже названы «идеализирующими фикциями»! Сам Файхингер отмечал, что по смыслу и содержанию его диссертация уже включала в себя идеи того учения, которое позже, в 1911 году, было предложено им в качестве целостной «философии Als-Ob», «философии как если бы», тогда и принесшей Файхингеру шумную, даже несколько скандальную известность.

В 1877 году в Страсбурге он защитил «Логические исследования» как свою вторую диссертацию. Файхингер, правда, намеревался дальше работать над первым наброском рукописи. У него также был план осуществить исследование английской философии. Но тут ему пришлось, из-за смерти отца, на несколько лет отвлечься от научной работы и заняться делами семьи.

В Галле экстраординарный профессор Ганс Файхингер появился в 1884 году (т. е. за три года до Гуссерля). Но ещё до приезда в Галле Файхингер усиленно занимался «Критикой чистого разума» Канта, первый том комментария к которой он подготовил к осуществленному в 1881 году в Штутгарте юбилейному изданию этого великого произведения кенигсбергского мыслителя. Второй том вышел только в 1892 году (как отмечал сам Файхингер, усиленная лекционная деятельность в Университете Галле и слабое здоровье затянули выполнение начатого проекта).

Уже в качестве ординарного профессора Университета Галле Файхингер в 1896 году учредил журнал «Кантовские исследования», или «штудии» (Kantstudien) – важнейшее кантоведческое издание, существующее до сего времени. Позднее им будут основаны Фонд Канта и Немецкое кантовское общество. Это были важные, исторически дальновидные инициативы.

А как протекала собственная творческая деятельность философа? Согласно описаниям самого Файхингера, он постоянно – ещё начиная с габилюационного сочинения, во время создания Комментария к «Критике чистого разума», при подготовке и чтении лекций – по крупицам формировал, дополнял, видоизменял свою «философию Als-Ob», «как если бы». «...Ещё между 1877 и 1879 годами, – пишет Файхингер, – я отметил в сочинениях Канта важнейшие “как если бы” места (“Als-Ob-Stellen”))» (S. 194). А потом таких Als-Ob – ссылок, признается философ, накопилось на сотни страниц. К уже накопленному богатству годами добавлялись новые материалы, например, в том же духе использовались учения Ф. Ланге и Ф. Ницше. Наконец, в 1911 году работа над «Философией Als-Ob» была закончена.

Нас более всего интересует тот период в философском развитии Файхингера, во время которого он и Гуссерль трудились, как коллеги, в Университете Галле. Между обоими философами – довольно известным профессором-неокантианцем и пока скромным приват-доцентом Гуссерлем – не было, кажется, особо тесных, тем более дружеских отношений. В «Философии арифметики» Гуссерль на Файхингера не ссылался – столь далека была непосредственная тема его работы от сочинений этого философа. Однако было нечто формально общее, объединявшее старшего и младшего коллег – это, во-первых, интерес к Канту, кото-

рый вчерашний математик Гуссерль проявил начиная со своих первых работ, а во-вторых, знакомство и Гуссерля, о чем мы уже говорили, с упомянутой ранее работой Ланге. Однако ведь интерес к одним и тем же философам, проблемам, произведениям не обязательно предполагает единство, родство взглядов и подходов. Чтобы осмыслить сходство или различие подходов Гуссерля и других неокантианцев, его коллег – Б. Эрдманна, Г. Файхингера, А. Рилия, – надо при осуществлении углубленного исследования ранних гуссерлевских работ не забыть и об этом специальном аспекте темы.

А сейчас обратим внимание на ту же проблему, которая нами уже была поставлена применительно к Б. Эрдманну. Подобно последнему, Г. Файхингер (несмотря на слабое здоровье, на постоянно ухудшавшееся зрение) весьма активно участвовал в университетской и внутрифакультетской жизни. Главные линии размежевания будут более подробно рассмотрены как раз на примере Файхингера. О ней он рассказывает в своей «Автобиографии».

Споры вокруг «позитивизма» и идеи Файхингера

Когда Файхингер начал разрабатывать свою философскую систему, то он дал ей название «позитивистский идеализм», или «идеалистический позитивизм» (Ibidem. S. 195). В этой связи Файхингер упомянул трехтомное сочинение Эрнеста Лааса «Идеализм и позитивизм» (Ernst Laas. «Idealismus und Positivismus», 1884–1886). И напомнил, что как раз в то время Мах, Авенариус, Шуппе активно разрабатывали позитивистское учение, правда, не акцентируя слово «позитивизм» в программных постулатах и обозначениях. А главные направления тогдашней немецкой философии, согласно Файхингеру, все еще оставались верными традиционным идеалистическим ориентациям. С этой констатацией в целом можно согласиться. «Мне казалось, – пишет Файхингер, – что между этими обеими одно-сторонностями необходимо опосредование, тем более что в других странах такие попытки уже с успехом предпринимались. И мне думалось, что настало, наконец, время предоставить слово синтезу идеализма и позитивизма. Успех этого дела показал, что нужное слово было сказано в нужное время» (S. 195–196). Мы присутствуем, тем самым, в начале той истории создания, восприятия, рецепции второго позитивизма, при описании которого редко учитываются оттенки, подобные борьбе Файхингера за протягивание связующих нитей между философией прошлого и новыми позитивистскими веяниями.

Претензии системы, задуманной Файхингером, вообще были весьма широки. Он хотел показать, как философия синтезирует, объединяет подход к природе и подход к сознанию, этим «двум полушариям действительности (beide Hemisphären der Wirklichkeit)» (S. 198), ибо она объясняет проблемы происхождения мира и целей бытия, преодолевая расхождения естественных наук и наук о духе. Беда была, однако, в том, что задуманный философский синтез на этот раз осуществлялся, в основном, в творческой лаборатории Файхингера, оставаясь неизвестным читающей публике. Возможно, Файхингер проговаривал эти идеи на лекциях. Но коллеги-то лекций не слушали... (А когда в 1911 году результаты «синтеза» были опубликованы, оказалось, что они не оправдали ожиданий читателей и не соответствовали завышенным претензиям автора.)

Необходимо подчеркнуть, что весьма своеобразный файхингеровский синтез позитивизма и идеализма, базировавшийся на (необычном) истолковании Канта, по существу перечеркивал гегелевско-фихтевскую идеалистическую линию, о чем четко и откровенно сказал сам Файхингер: «Все более сильный – с течением времени – поворот идеалистической философии, в том числе и неокантианской, к Фихте и Гегелю представляется мне все более сомнительным. Я постоянно придерживался того мнения, что это идеалистическое направление, частью чуждое действительности, а частью ей враждебное, заключает в себе тем большую опасность для всей немецкой сферы образования (Bildung), что оно соблазняет молодежь

к недооценке зарубежной философии, а вместе с нею и всей культуры соседних народов, к недооценке всех их достижений, их духовной и нравственной силы» (S. 195–196).

Этот достаточно необычный подход Файхингера к философии Гегеля и Фихте заслуживает того, чтобы над ним задуматься. Приведенные строки опубликованы в книге 1921 года. Не объясняется ли оценка Файхингера тем, как в конце XIX и особенно в начале XX века интерпретировались, воспринимались молодежью учения великих классиков немецкой мысли? Потому что вывести «философскую ксенофобию» – при внимательном и объективном анализе – из самых их учений довольно трудно. (Возможно и то, что погруженный в кантовскую философию Файхингер во всем том, что касается учений Гегеля, Фихте, Шеллинга, так и остался на уровне студенческих знаний, почерпнутых в Тюбингенском институте.)

Как бы ни обстояло дело в конце пути, ко времени преподавания Файхингера в Галле слово «позитивизм» («идеалистический позитивизм» применительно к собственному учению) им было четко произнесено. Оно оказалось роковым для Файхингера – именно потому, что группа профессоров Университета Галле, возглавляемая антиковедом Эдуардом Мейером (1855–1930), который в 1889 году прибыл в Галле из Бреслау, объявила войну не на жизнь, а на смерть как раз позитивизму. «Уже до 1885 года в Лейпцигском академическо-философском объединении Майер страстно атаковал позитивизм (и там скрестил клинки со своим теперешним коллегой по факультету Г. Файхингером)».⁷⁷

Возникает вопрос – и он совсем не простой: что было такого в концепции Файхингера, что позволило ему присоединить к характеристике своего учения, продолжавшего традиции кантовской философии, ещё и слово «позитивизм»? Файхингер пояснял, что от позиции Ланге расходятся два пути. По одному пошла школа Г. Когена, или марбургское неокантианство. «А можно было соединить неокантианство Ланге с эмпиризмом и позитивизмом. Это произошло благодаря моей философии Als-Ob, которая ведет к основательному проникновению в Als-Ob-учение самого Канта» (Ibidem. S. 189).

Поскольку эти самохарактеристики взяты из работы Файхингера 1921 года, можно не сомневаться в том, что понятия «позитивизм», «эмпиризм» были выбраны им и защищались не в некоей молодой запальчивости, а, так сказать, на всю оставшуюся жизнь. Поэтому более поздние поистине чеканные формулы, скорее всего, могут пояснить и более ранние идеи Файхингера, которые зарождались еще во время его профессорства в Галле. Приведу некоторые тезисы этого рода, которые Файхингер называет «убеждениями» своей философии Als-Ob:

«1. В теории познания философский анализ ведет в конечном счете к содержаниям ощущений, а в психологии – к ощущениям, чувствам, стремлениям, соответственно, к действиям. К другому понятию действительности ведет естественно-научный анализ – он приводит к понятиям массы, мельчайших частиц и их движений. Рассудку по самой его природе недоступно привести эти две сферы действительности в рациональное отношение, которое, однако, в созерцании и переживании образует гармоническое единство.

2. Устремления (Streben), которые, вероятно, наличествуют уже в элементарных физических процессах, суммируются в органических существах в побуждения (Triebe), которые уже у высших животных, а наиболее полно у вышедших из животного царства людей развиваются до уровня воли и действия, в свою очередь вызывающих движения, а через посредство возбуждений порождают ощущения.

3. Представления, суждения, умозаключения, следовательно, мышление – все это служит средством для воли к жизни и к господству (zum Herrschen). Мышление, таким образом, первоначально является лишь средством в борьбе за существование, а постольку – лишь биологической функцией» (H. Vaihinger, Op.cit. S. 200).

⁷⁷ Spirituskreis, I. S. 54.

Задержимся на этих тезисах. Они не составляют *всю* философию Als-Ob, но являются её исходными постулатами. Что подобные тезисы Файхингер, будучи в 80-х – 90-х годах XIX века профессором в Галле, выдвигал в столь же резкой, задиристой форме, зная о характере этого человека, можно не сомневаться. И нетрудно представить себе, как могли реагировать на них профессора философии и других гуманитарных наук, воспитанные в традициях немецкого идеализма. Скорее всего «эмпиризм» и «позитивизм», акцентируемый Файхингером резко, четко, даже нарочито, представлялся им вульгаризацией, натурализацией, особенно неуместной в случае толкования человеческой мысли, её высочайших результатов, но непригодной и для философского осмысления воли, чувств, побуждений именно человеческого существа.

Впрочем, в этом случае не нужно строить догадки о реакции коллег, настроенных антипозитивистски. Постоянным противником Файхингера на философском факультете университета Галле был уже упомянутый историк-антиковед Эдуард Майер. «В первой половине 70-х гг. Майер развязал – в Лейпцигском академико-философском объединении, основанном Авенариусом, – ожесточенные дебаты с позитивистами, в их числе и с Файхингером» (*Spirituskreis*... S. 229). В то время сам Майер был в Лейпциге приват-доцентом и трудился над вышедшим в 1884 году первым томом своей «Истории древности», в которой нашли воплощение не только чисто «исторические нарративы», выражаясь современным языком, но и философско-исторические аспекты его взглядов и идей. Специалисты справедливо отмечают, что в конкретной исторической работе самому Майеру отнюдь не был чужд стиль определенного «исторического позитивизма» (*Ibidem*): он тяготел к «нарративному историческому описанию» (в духе школы Ранке), высоко ценил фактографию. Вместе с тем, идеалистические основания философии истории сохраняли для него непреходящее значение. Иногда говорят даже о «господстве субъективизма и волюнтаризма» в его сочинениях и методологии (*Ibidem*). Действительно, в центре философско-исторической конструкции Майера – индивидуальное с его неповторимыми, но достойными исторической реконструкции особенностями: «Объект истории – это везде исследование и изображение отдельного процесса, то есть того, что мы наилучшим образом можем суммировать под эгидой понятия индивидуального».⁷⁸ Необходимо понять, что «исторический позитивизм» мало совместим с позитивизмом натуралистического толка. И ясно, почему. Ведь в истории, в её описании всегда (возможно, лишь за исключением самых первых этапов) имеют дело уже не с «натуральным», а с историческим субъектом и с событиями не чисто природного, а социально-исторического характера.

Впрочем, и в исторических дисциплинах не за горами был всплеск своего рода «исторического натурализма» – он пришелся на начало XX века. Майер впоследствии даст бой и этим проявлениям натурализма, позитивизма (и «расизма») в его собственной науке.⁷⁹ А ещё позже, в 1922 году, он вступит в спор с самим Освальдом Шпенглером (с которым он состоял в переписке до самой смерти). «Майер критиковал у Шпенглера прежде всего те обобщения, – не согласующиеся с результатами исследований древней истории, классической археологии, истории религии, – которые Шпенглер метафизически подводил под понятия “души культуры”» (*Kulturseele*), народных характеров... «В противовес им и в противоречии с ними (это уже цитата из письма Майера Шпенглеру. – Н. М.) образование специфических политических форм со всеми им присущими задачами и устремлениями создает бесконечное многообразие исторического развития. Так обстоит дело и с современностью. С огромной силой за всеми поверхностными побуждениями поднимается чудовищный облик бездушного, чисто механического капитализма, который стремится подчинить

⁷⁸ *Eduard Meyer: Zur Theorie und Methodik der Geschichte, Halle 1902. S. 29.*

⁷⁹ См.: *Spirituskreis*... S. 239.

себе все области и подавляет всякое самостоятельное, свободное движение и любую индивидуальность...» (Spirituskreis... S. 253–254). Далее следуют горькие рассуждения о политике, в которых напоминание о путче Каппа соседствует с предсказанием ещё более страшных событий. Но всё это произойдет много позже (хотя Майер как историк справедливо акцентировал взаимосвязь вчерашних, сегодняшних, завтрашних событий).

Вернемся, однако, в интересующий нас период. Оппозиция «Майер–Файхингер» в вопросе о позитивизме – это отнюдь не частный эпизод из истории немецкой мысли. В нем, как в капле воды, отражаются идейно-теоретические, а также и практико-политические веяния времени. В споре, скажем условно, «позитивизма» и «идеализма» должен был разобратся каждый мыслитель, который искал собственный путь в философии, в других науках гуманитарного профиля, да и в науках вообще. Это отнюдь не означало, что ему нужно было непременно примкнуть к позиции той или иной стороны. Более того, вполне оправданно предположить, что, например, в случае Гуссерля некоторые конкретные оппозиции должны были остаться в стороне и что его внимание привлекли лишь те проявления этого общего спора, которые всего более затрагивали предмет исследования молодого ученого, вчерашнего математика, вступившего на стезю философии. А таких проявлений было немало. Особенно выпукло они выступили позже, в исследовательском пространстве I тома «Логических исследований», где имеет место резкое размежевание автора с различными формами натурализма, позитивизма и где среди критикуемых философских героев оказываются отцы «второго позитивизма» Мах и Авенариус. Не следует забывать и о гуссерлевской критике натурализма, физиологизма в психологии. Однако до этого результата – I тома гуссерлевских «Логических исследований» – ещё надо было дожить. Что касается «Философии арифметики», то в этой работе есть всего одна ссылка на Маха – да и то в связи с работой Христиана Эренфельса (Ch. Ehrenfels «Über Gestaltqualitäten»). Гуссерль в одном из примечаний (ФА. S. 210–211), в последний момент включенных в работу, упоминает и об исследовании Эренфельса, и о том, что последнее было вдохновлено знаменитой книгой Эрнста Маха «Beiträge zur Analyse der Empfindungen» (Jena, 1886). И вот очень краткая «реплика» Гуссерля, которая дорогого стоит: «Поскольку я читал данную работу этого интеллектуального физика сразу после её появления, вполне возможно, что реминисценции от этого чтения оказали влияние на процесс формирования моих мыслей» (Ibidem. S. 211). Вот и верьте после этого «методу ссылок»: *всего одно*, притом в последний момент вписанное упоминание имени Маха, но какое! Ведь это *четкое признание того, что и сочинения таких крупных естествоиспытателей и философов-позитивистов, как Мах, оказали свое влияние на процесс рождения идей раннего Гуссерля*. А не сделай этого автор «Философии арифметики», исследователи, возможно, так бы и пребывали в иллюзии, будто позитивистские концепции вовсе «нерелевантны» размышлениям и поискам молодого Гуссерля.

Гуссерль вряд ли мог совсем уж оставаться в стороне от споров почтенных коллег-профессоров, в данном случае от размежевания Майера–Файхингера по вопросу о позитивизме. Ведь спор всё время выплескивался, переливался в практические дела, которые так или иначе затрагивали на факультете всех и каждого. Так, в 1894 году Майер пытался сорвать предоставление Файхингеру должности ординариуса, но, оставшись в меньшинстве, потерпел поражение (Spirituskreis, S. 230). Гуссерль наверняка – с вполне понятным интересом, и коллегиальным, и личным – следил за этими перипетиями. Несомненно, они живо обсуждались в круге Георга Кантора, как известно, враждовавшим с «бреславцами», прежде всего с Майером. Но Гуссерль, чье пребывание в приват-доцентах затянулось, скорее всего, с большим пониманием относился к ожидавшим должности, нежели к тем, кто пытался приостановить научную карьеру коллеги. Что поделаешь, дела житейские...

Еще в 1884, а особенно к 1888 году философские идеи Файхингера заметно эволюционировали к тому, что коллеги воспринимали как «пессимизм, эволюционизм, позитивизм».

Это имело свои явные социальные предпосылки. Сам Файхингер в этом отношении особо выделял 1888 год. «Давно уже скрыто наличествующее и ширившееся гражданское беспокойство (Unbehagen) в это время видело свою задачу в переориентации, в поиске и утверждении новых, достойных употребления (brauchbarer) идеалов...» (Spirituskreis. S. 193). С социально-политической точки зрения речь могла идти, с одной стороны, о целом ряде социально-исторических процессов, например, о международном конгрессе социалистов, состоявшемся 14–20 июля 1889 года в Париже, о формировании II Интернационала, а с другой стороны, об антисоциалистических мерах Вильгельма II и его окружения, выразившихся, в частности, в стремлении сделать «школьное образование – на всех его ступенях – пригодным для того, чтобы противостоять распространению социалистических и коммунистических идей» – (Ibidem). Вникать во все эти процессы разрастания социалистического движения (выборы в Рейхстаг от 20.02.1890 г. с удвоением, до 20 %, голосов, поданных за социал-демократических кандидатов, отставка Бисмарка и т. д.) здесь невозможно, да и лишено, в контексте нашей темы, особой необходимости.

С содержательной стороны спор в принципе вполне мог занимать Гуссерля, пусть он и не относился прямо и непосредственно к предметам его исследований в 80-х – начале 90-х годов XIX века. Ведь молодой ученый искал свой путь в философии, и ему было совсем небезразличны дебаты вокруг того, какой философия должна была стать на переднем крае её развития, на рубеже заканчивавшегося XIX века и на близкой заре того нового столетия, в которое он рассчитывал вступить – и действительно вступил – самостоятельным, новаторски мыслящим философом. Из того, что нам известно и об этом пути, и о его первых результатах, вырисовывается непростая, противоречивая, я бы сказала, антиномичная картина, имеющая отношение к спору вокруг позитивизма. Вот что располагается на одной стороне антиномии: Гуссерль вышел из горнила точных наук, он продолжал заниматься философией *математики*. Логика, в которую он все более погружается, тоже воспринимается им как точная, строгая дисциплина. Не приходится сомневаться в том, что будущий идеал «философии как строгой науки», которому Гуссерль останется верным на протяжении всего своего творческого пути,⁸⁰ фактически уже стал для Гуссерля руководством к действию, хотя пока ещё мало выражался в общих и «торжественных» словах. И поэтому ориентирование философии на науку и научность, заявленное позитивизмом, вряд ли было для Гуссерля чуждым лозунгом. Нельзя забывать, что учитель Гуссерля Brentano работал в психологии под броским лозунгом: психология должна ничем не отличаться от естественных наук. Но в пределах этих и подобных ориентаций в философии конца XIX века было немало самых различных оттенков, так что пространство выбора для тех, кто, подобно Гуссерлю, хотел разрабатывать научную и даже строгую философию, оставалось достаточно широким. Можно в общей форме утверждать, что Гуссерль – и уже в первых своих работах – не пошел по позитивистскому, тем более натуралистическому пути.

Потому что была и другая сторона его творческой антиномии: Гуссерль всё-таки ориентировался на математику, логику, а психология, тем более физиология, не будем этого забывать, все же была вторичным объектом занятий. И именно поэтому, как представляется, *будущий основатель феноменологии никак не мог одобрить натуралистические подходы разного рода*, выражались ли они в попытках биологизации мыслительно-волевых процессов или в чем-либо ином. Еще яснее этот взгляд станет со смотровой площадки «Логических исследований».

Но если в конце XIX века Гуссерль ещё мог воспринимать всё более мощную волну позитивизма, натурализма в науках и философии, прагматизма и практицизма в повседне-

⁸⁰ Подробнее об этом: Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. С. 590 и далее.

ных делах как скоропреходящую моду, то ко времени написания «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии» опыт поистине страшных исторических событий привел его к хорошо обоснованному и, главное, глубоко пережитому выводу о причастности этих по видимости внутритеоретических болезней времени к всестороннему кризису европейского человечества. Вопреки тому достаточно распространенному в литературе мнению, что и сам Гуссерль в молодости, во время увлечения психологизмом, отдал дань этим модным поветриям, я в этой книге попытаюсь показать: *Гуссерль не увлекался ни собственно психологизмом, ни тем более психофизическим натурализмом, а лишь руководствовался идеей дать (также и) психологический генезис математических понятий, что далеко не одно и то же.*

Поэтому при всей верности и молодого Гуссерля тезисам о научности философии (а отклонения от него не просматриваются и в раннем творчестве) он вряд ли мог солидаризироваться с ранее приведенными «убеждениями» Файхингера, если последний, что вполне правдоподобно, выражал их в такой же заостренной форме. Однако же и у Файхингера, о чем был предупрежден читатель, натуралистически звучащие тезисы испытывали впоследствии, в процессе построения целостной теории, довольно заметную трансформацию.

Файхингер сформулировал закон «перевеса средств над целью» и в его духе так рассматривал проблемы мышления: хотя оно в «составе» явлений природы должно было служить ей одним из подчиненных средств, с течением времени мышление всё более отчуждалось от своих практических целей и в конце концов превращалось в самостоятельную теоретическую мысль. А в результате стала блуждать в потемках и философия, потому что она возводила на пьедестал и объявляла первичным, самостоятельным то, что лишь «по видимости» (*anscheiend*) независимо, первично – так называемый теоретический разум.

И вот – внимание! – делается поворот к «философии Als-Ob»: «Многие мыслительные процессы и образования при таком освещении предстают как сознательно ложные допущения, которые либо противоречат действительности, либо являются самопротиворечивыми, но которые намеренно строятся так, чтобы благодаря подобным искусственным отклонениям преодолеть трудности мышления и такими обходными путями (*Schleichwegen*) достигнуть целей мышления. Такие искусственные мыслительные образования называются научными фикциями, которые благодаря их Als-Ob-свойствам характеризуются как продукты сознательного воображения» (Op. cit. S. 201).

И таким способом образуется, согласно Файхингеру, целый мир Als-Ob, мир «ирреального», мир ценностей, приобретающий не меньшее, а в этике и эстетике большее значение, нежели «мир – в обычном смысле слова – действительного или реального» (Op. cit. S. 202). А в форме религиозного мира он резко противостоит «миру становления, данному в нашем представлении» (*Ibidem*).

Тема двух «миров», так своеобразно, даже причудливо прочерченная Файхингером в его философии Als-Ob, – все что угодно, только не посторонняя для философии Гуссерля, в том числе и раннего. А уже от «Логических исследований» с их концентрированием на мире «чистых сущностей», на *Wesensschau*, усмотрении сущностей, к более поздним и самым поздним произведениям тянется прочная преемственная нить постоянного, ступенчатого осмысления этой центральной для феноменологии темы.⁸¹ Трудности, подобные тем, на которые наталкивается и с которыми пытается справиться Файхингер, являются и для Гуссерля предметом все более глубоких, поистине мучительных раздумий. Можно даже исходить из предположения, что мысль Гуссерля сделает своеобразный скачок от I ко II тому «Логических исследований» именно вследствие поворота от принятия онтологизированного, в чем-то ещё не полностью оторвавшегося от платонизма, от математизированного,

⁸¹ См.: Мотрошилова Н. В., 2003. С. 552–553.

в духе Больцано, представления о мире «истин в себе» – к трансценденталистской позиции, с точки зрения которой «локализация» чистых сущностей в особом сознании, усмотрении в качестве его неотъемлемого коррелята как бы снимает традиционную и вместе с тем весьма актуальную для конца XIX века тему «двух миров», как якобы самостоятельно существующих.

Что касается сопоставления с файхингеровским подходом, то, с одной стороны, причисление многих «истин», утверждений и т. д. к миру Als-Ob, *по существу* получит поддержку раннего Гуссерля, который (ещё раз напомним) назовет даже законы естествознания – предмет наибольшей гордости естественных наук – «идеализирующими фикциями». С другой же стороны, Гуссерль категорически отличит от последних настоящие, подлинные, «чистые» истины (математики и логики), хотя признаётся, что таковых весьма немного.

Но всё это пока что разговор о «высоких» мыслительных образованиях. В отношении же обычной, повседневной жизни Файхингер придерживается взгляда, весьма напоминающего (упрощенную) позицию Маха, Авенариуса и восходящего ещё к Беркли: «То, что мы обычно называем действительным, состоит из содержаний наших ощущений, которые навязываются нам с большей или меньшей неодолимостью (*Unwiderstehlichkeit*) и в качестве данностей обыкновенно не могут быть отклонены нами» (S. 202). В мире ощущений, по Файхингеру, полностью господствуют закономерности сосуществования и последовательности, изучение которых и является делом, содержанием наук. «Многих удовлетворяет фикция, в соответствии с которой мир рассматривается так, как если бы (*als-ob*) его создал и его по крайней мере направляет некий совершенный высший дух». Файхингер завершает изложение принципов своей философии таким тезисом: «Бессмысленно спрашивать о смысле мира – это выражено в словах Шиллера: “Знайте, высший смысл вносит в жизнь величие, но не в ней он ищет это величие” (*Wisset, ein erhabener Sinn legt das Große in das Leben, und er sucht es nicht darin – “Huldigung der Künste”*, 1805, – а это и есть позитивистский идеализм» (*Ibidem*).

Такой, в общих чертах, была «философия Als-Ob» Ганса Файхингера – философия интересная, оригинальная, из которой мы взяли для обобщенного рассмотрения её специфический историко-философский аспект, а именно чисто кантоведческую линию, запечатленную в обширном специальном комментарии к «Критике чистого разума» Канта. Но конкретный его анализ выходит за рамки моей книги. Для этого имеются веские причины.

Во-первых, в *этой* работе я никак не могу вдаваться в такого рода историко-философские подробности (хотя, говоря в личностном плане, я ими постоянно занималась, и особенно в последнее время – благодаря работе над 2 томом немецко-русского издания Сочинений Канта, содержащим первую кантовскую «Критику»).

Во-вторых, гуссерлевский интерес к Канту (о котором в разных связях в моей книге еще пойдет речь) не был, что ещё предстоит доказать, весьма конкретным и пока (а впрочем, и впоследствии) оказывался достаточно далеким от той специальной, скрупулезной текстологической кантоведческой работы, которую вели неокантианцы различных направлений, включая Файхингера.

В-третьих, само неокантианство, если разбирать его теоретические заявки, разработки, находилось – как и гуссерлевская философия – в процессе становления. Ряду центральных произведений самых влиятельных неокантианцев ещё предстояло выйти в свет и оказать свое влияние. Поэтому история темы «Гуссерль и неокантианцы», в 80–90-х годах XIX века, связанная с именами коллег Б. Эрдманна и Г. Файхингера, – только предыстория. После выхода в свет «Логических исследований» она включит в себя центральные и для неокантианцев, и для Гуссерля темы, а вместе с тем и главные имена представителей неокантианского направления. Тогда Гуссерль на равных будет сотрудничать и дискутировать с корифеями неокантианства.

А ведь пока – в Галле, – он, в сущности, неизвестный ученый, который трудится над своими первыми сочинениями...

Часть III. Идеи и авторы, в наибольшей степени повлиявшие на раннего Гуссерля

Обоснование Карлом Штумпфом того, что диссертация Гуссерля позволяет сделать нострификацию не слишком строгой.

Глава 1. Франц Brentano и ранний Э. Гуссерль. Постановка проблемы, трудности в её решении

Эта тема многогранна. В книге, посвященной раннему Гуссерлю, обойти её совершенно невозможно – в силу фактически подтвержденного и обсуждаемого в литературе влияния Brentano на становление Гуссерля как мыслителя. Мы уже разбирали историю того, как Гуссерль, испытавший в студенческие годы поистине решающее воздействие идей, лекций, произведений Brentano при выборе философского пути, непосредственно посланный Францем Brentano к его ученику Карлу Штумпфу в университет Галле для защиты габиляционной работы, начал свой путь в философии собственно при поддержке и с благословения Brentano. Но после защиты «тот же», но уже «не тот» Гуссерль значительно отделился от Brentановских подходов и решений. Этот факт он, конечно, не афишировал – из-за естественной благодарности знаменитому учителю, а также в силу первоначальной зависимости от Карла Штумпфа, представителя школы Brentano, с которым у него к тому же завязались теплые дружеские отношения. Но наступившего теоретического отчуждения он и не скрывал (ни в то время, ни позже, когда писал теплые воспоминания о своем учителе). Внимательные (увы, немногочисленные) читатели ФА знают, что ссылки на произведения Brentano в этой работе, во-первых, довольно редки (и не идут ни в какое сравнение, скажем, с многочисленными отсылками к работам Г. Фреге, даже Ф. Ланге, Х. Зигварта и других авторов); во-вторых, даже и они, как правило, содержат вежливые, но решительные критические характеристики. Это потребует особого внимания при нашем обращении к подобным отсылкам при конкретном анализе ФА.

Сейчас приведу лишь отдельные примеры. В сноске на стр. 67–68 ФА Гуссерль говорит о том, что Brentановское различие «физических» и «психических» феноменов является фундаментальным, необходимым для всей его работы. А уже в сноске на стр. 70 автор ФА пишет: «В последующем рассмотрении я буду избегать употреблять выражение «физический феномен», которое Brentано ставит в соответствие «психическому феномену», ибо затруднительно обозначать подобие, или *Steigerung* как физические феномены. И сам *Brentano* при употреблении этого обозначения имел в виду только абсолютные первичные содержания, а именно индивидуальные феномены, а не абстрактные моменты созерцания. Вследствие этого из прежнего изложения видно, что признак интенционального внутреннего существования, который у *Brentano* функционирует в качестве первого и всепроникающего признака, определяющего отделение психических феноменов от физических, также и при классификации отношений ведет к существенному различию» (ФА 70). Вот вам и фундаментальные понятия, которыми предпочитают не пользоваться! Если всё это читать внимательно, подмечая все оттенки и детали, не удивитесь тому, что уже и своё упоминание о таком делении Гуссерль впоследствии определит как ошибку и как следование школьному шаблону. Сходным (хотя не тождественным) образом обстоит дело с другой принципиальной отсылкой к идеям Brentano уже во II части ФА. Здесь Гуссерль поблагодарит Brentano за действительно важное для хода гуссерлевских мыслей различие «собственных» и «несобственных», т. е. символических представлений, за то, что Brentano, как никто другой, показал «огромное (*eminenten*) значение несобственных представлений для всей нашей психической жизни» (ФА 193). А сразу после этого Гуссерль напишет: «Дефиниция, которая будет [мною] дана, не идентична той, которую дал Brentano» (*Ibidem*). И предварительно объясняет, что заставляет его акцентировать *иные моменты*, чем это сделано у Brentano.

Поэтому первое, что хочу подчеркнуть (сначала предварительно) в теме «ранний Гуссерль – Brentano»: *влияние концепции Brentano даже и на раннего Гуссерля в литературе сильно преувеличено*. (О ЛИ, буквально пронизанных полемикой с Brentano, и говорить

нечего.) Мнение о решающем влиянии Brentano основывается скорее не на тщательном анализе гуссерлевских текстов, а на заранее принятых предпосылках, о которых уже приходилось говорить: считают, что это влияние было-де огромным; а поскольку Brentano был инициатором тенденции, выраженной заглавием его труда – «Психология с эмпирической точки зрения», то определяющее воздействие этого философа на Гуссерля обернулось тем, что он подпал-де под решающее влияние психологистического эмпиризма, от которого затем должен был с трудом избавляться. Но разве это не так? – может спросить осведомленный читатель. Нет, не так... Гуссерль не случайно впоследствии отмел всю линию анализа ФА, где хотя бы в малой степени принималось восходящее к Brentano разделение на «психические» и «физические» феномены как принципиальную ошибку.⁸² Он также написал, что пронизывающие часть его первой книги понятия «коллекции» (Kollektion), «коллигирования» представлений отвечало этому «школьному шаблону».⁸³ Да, самокритика Гуссерля по отношению к ранним позициям впоследствии имела место. Но оценка фактов, обстоятельств этого рода требует внимания к фактам противоположного характера, обязывает к самому тщательному, скрупулезному анализу и текста ФА, и последующей гуссерлевской самокритики.

В частности, и для этого тоже нужно основательнее и внимательнее вникнуть в затронутую проблематику, хотя здесь приходится обойтись очень кратким суммированием достигнутых исследовательских результатов. Итак, «zu den Sachen selbst» – к фактам, основаниям, существу проблемы «Brentano–Гуссерль».

Не стану повторять то, что в моей работе о Гуссерле 2003 года «“Идеи I...”» и в этой книге уже рассказано об истории знакомства будущего основателя феноменологии с Brentano, его идеями, его школой, о глубоком впечатлении от личности выдающего австрийского философа и его воздействии на выбор Гуссерлем именно философского пути. Но ещё раз обращаю внимание на то, что при всех позитивных, сначала восторженных оценках личности и философии Brentano, которые он впоследствии высказывал в своих благодарных, почтительных, но и критических «Воспоминаниях о Франце Brentano», Гуссерль *не стал представителем, последователем его школы, ибо рано выбрал свой собственный путь в философии*. И Гуссерль также упоминает: этим объяснялось «известное отдаление, если не личностное отчуждение» от учителя, что делало трудным и их последующее общение.⁸⁴

ФА, что мы увидим из подробного анализа, находится как бы на перепутье: с одной стороны, Гуссерль по разным причинам ещё демонстрирует лояльность по отношению к Brentano и его школе; более того, он посвящает первую книгу своему учителю; с другой стороны, он и здесь, в раннем сочинении, не жертвует своими мнениями, подходами, во многих аспектах уже не совпадающими с тем, что было выражено в работах Brentano. Это, впрочем, относилось не только к Brentano. Но и, например, к Фреге – автору, к идеям которого автор ФА обращается значительно чаще, чем к брентановским. Да и вообще ФА, будучи книгой начинающего философа, буквально *пронизана критицизмом*. И почтительная благодарность Гуссерля своему философскому учителю отнюдь не снимает критицизма в его адрес.

Пишу все это совсем не для того, чтобы полностью отказаться от тезиса о значительном влиянии идей Brentano на ФА. Отрицать это влияние – причем и в тех частях книги, где Гуссерль прямо не ссылается на идеи, произведения своего учителя – было бы совершенно нелепо. Поэтому в дальнейшем намереваюсь, напротив, более конкретно и основательно, чем это подчас делается в литературе, *прочертить линии действительной теоре-*

⁸² Имеется в виду «Набросок “Предисловия” к “Логическим исследованиям”», т. е. к вышедшему в 1913 году второму изданию ЛИ, в котором были соответствующие исправления. Об этом более подробно идет речь в моей книге «“Идеи I” Э. Гуссерля как введение в феноменологию» (М., 2003) и в литературе, частично упоминаемой в этом разделе.

⁸³ Husserl E. «Entwurf einer “Vorrede” zu den “Logischen Untersuchungen» (1913). Hrsg. v. E. Fink / Tijdschrift voor Filosofie 1 (1939). S. 127.

⁸⁴ In: Kraus O. Franz Brentano. Zur Kenntnis seines Leben und seiner Lehre. München, 1919. S. 164–165.

тической связи учения Brentano и ФА. (Хочу снова подчеркнуть: речь у нас идет и о раннем Гуссерле, и об относительно раннем Brentano – до ЛИ, где полемика с Brentano будет концентрироваться вокруг уже развитой и Гуссерлем теории интенциональности, и тем более до того, как теория Brentano в 10-х годах XX века сама испытала значительные понятийные изменения.) Здесь также нужно предварительно определиться вот в чем: речь пойдет именно о тех идущих от Brentano, Штумпфа, Мейнонга линиях преемственности некоторых центральных и философских, и психологических идей, которые помогли Гуссерлю написать серьезную работу по философии арифметики, а затем продвинуться к новаторскому открытию феноменологии. Я также – о чем уже бегло упоминалось и к чему буду постоянно возвращаться при анализе конкретного материала – принципиально несогласна с упрощенным, по моему мнению, тезисом, в соответствии с которым следование идеям Brentano, пусть и критически перерабатываемым, означало для Гуссерля скатывание к психологизму как главной «болезни» конца XIX века.

От Brentano, как я думаю, Гуссерль – подобно другим философам его времени – получил немало живых, плодотворных и перспективных творческих импульсов. Подтверждение чего мы находим в гуссерлевской рецепции, но и в глубоком преобразовании Brentановской идеи интенциональности, первые отсылки к которой находим уже в ФА.

Трудность в понимании важнейшей для нас связки «ранние Brentano–Гуссерль» состоит ещё и в том, что в феноменологической литературе она обычно осмысливается на материале «Логических исследований», а потом выливается в обсуждение упомянутой гуссерлевской самокритики в адрес уже этого произведения. У нас же речь пойдет о более раннем периоде становления идей будущего создателя феноменологии, когда никто ещё, включая автора ФА, не знал, естественно, о будущем пути и его результатах. А здесь приходится иначе, нежели это принято в соответствующей литературе, оценить и значение ряда принципиально важных идей Brentano, и отношение к ним раннего Гуссерля. (Вместе с тем, буду активно опираться на те, увы, очень немногие исследования последних десятилетий, где предметно сопоставляются более ранний Brentano, периода I тома «Психологии с эмпирической точки зрения», и ранний Гуссерль периода ФА.)

§ 1. Идея «эмпирической психологии» у Brentano и ее отражение в Философии арифметики

Brentano был ангажированным борцом за расширение прав и значения психологии и её частных дисциплин, подразделений. Он отстаивал мысль о том, что к психологии уже обращаются и ещё будут обращаться логика, этика, эстетика, а также такие практические области, как политика и сфера образования. Замечу: *никакого «психологизма» нет и не было в этой здоровой и вполне оправдавшейся, исторически перспективной идее*. Из ранних работ Гуссерля видно, однако, что эта борьба сама по себе вряд ли его сильно интересовала: он предоставлял профессиональным психологам заниматься ею, а сам скорее хотел воспользоваться конкретными наработками психологов, относящимися к философии математики и к проблеме представлений, нежели разбираться с теми идеями и спорами, которые касались места психологии в системе научного и практического знания. (В период разгоревшихся дебатов с психологизмом интерес Гуссерля повернется и в эту сторону, но лишь поскольку будут затронуты проблемы статуса, значения логики.)

Brentano справедливо полагал, что для реализации высоких претензий психологии в ней самой требовалось провести далекоидущие реформы. Уже I том «Психологии с эмпирической точки зрения» был своего рода идейным знаменем и программой таких реформ. Выдающийся психолог и философ понял: сила и особые функции психологии должны состоять в осуществлении самых разных специальных, конкретных, приближенных к реальной

психической жизни индивида – и также в этом смысле эмпирических – исследований. Другой смысл эмпирического поворота для Brentano заключался в том, чтобы психологию, до сих пор постоянно взаимодействовавшую с философией, сблизить также и с естествознанием, с исследованием того, что он назвал сферой «физических феноменов». Будущее показало, что стратегический путь развития психологии в последние десятилетия XIX и в XX веке был определен у Brentano в принципе верно и удивительно прозорливо. В силу сказанного надо признать, что вместе с целым рядом других психологов он стоял у истоков *исторически неизбежного превращения психологии в разветвленную самостоятельную область знания*, постепенно отпочковывающегося от философии, под эгидой которой психология ещё развивалась в XIX веке. Вместе с тем, *Brentano отчасти был и философом, во всяком случае психологом, весьма хорошо философски образованным, в том числе и в истории философии, постоянно сохранявшим, обновлявшим в своих размышлениях также и философские аспекты*. Эта квалификация по существу принята в брентановедческой литературе, включая лучшие российские исследования.

От усилий Brentano протянулась нить к одной из ранних ветвей эмпирической и даже именно экспериментальной психологии того времени. «Ученики Brentano были пионерами экспериментальной психологии, – пишет исследователь конца XX века Д. Мюнх. – Алексис Мейнонг основал первый Институт экспериментальной психологии в Австрии, Казимир Твардовский – в Польше; Карл Штумпф был – наряду с Вундтом – одним из первых экспериментальных психологов в Германии. После своего перемещения в Вену (1874 г.) и сам Brentano подал заявку на создание там Института экспериментальной психологии, но прошение было отклонено. Гештальтпсихология тоже выросла из брентановского круга. “Отец” гештальтпсихологии Хр. фон Эренфельс был учеником Brentano и Мейнонга...».⁸⁵

Свою амбициозную задачу Brentano видел, стало быть, в том, чтобы вообще способствовать закреплению и существенному расширению плацдарма, позиций, функций психологии как науки, чтобы придать ей не меньший вес, чем тот, который имеют математика, физика, химия, физиология.

В связи со всем сказанным наследие Brentano, крупной фигуры всего гуманитарного знания XIX, а потом и XX века, в значительной степени принадлежит истории психологии. И именно профессиональным психологам, в частности, историкам психологии всего сподручнее судить о том вкладе, который он внес в развитие этой науки, как и о том, от чего в наследии Brentano психологии в дальнейшем пришлось отказываться.

Несколько иначе выглядит решение вопроса о влиянии Brentano на тех мыслителей, которые (сложными, опосредованными путями) выходили, подобно Гуссерлю, на *магистральный путь философии*.

На таких мыслителей, что естественно, всего больше повлияли *философские по происхождению и значению*, хотя и тесно связанные с психологией идеи Brentano. Из их числа – снова же имея в виду Гуссерля – мы для дальнейшего анализа прежде всего выделим: 1) брентановскую конструкцию психических феноменов; 2) тесно с нею связанную идею интенциональности; 3) концепцию представлений как фундаментальных актов сознания.

§ 2. Проблема «психических феноменов» и тема интенциональности у Brentano: находки и трудности

Кардинальным было стремление Brentano осмыслить специфику психической жизни человека, и ему, в частности, должны были служить понятие и концепция психических фено-

⁸⁵ Münch D. Intention und Zeichen. Untersuchungen zu Franz Brentano und zu Edmund Husserls Frühwerk. Fr.a.M., 1993. S. 84.

менов. Они, в свою очередь, опирались на *понимание сознания как специфического единства*. «Когда мы воспринимаем цвет, звук, тепло, запах, то ничто не мешает нам относить каждое из них к какой-либо особой вещи. Напротив, если иметь в виду многообразие соответствующих актов ощущений – вдение, слышание, ощущения теплоты и запаха и одновременно с ними воления, чувства и обдумывание, а вместе с ними внутреннее восприятие, которое и дает нам знания о них, – то мы принуждены брать все это в качестве единой вещи... Ибо все здесь нами затронутое есть не что иное, как так называемое единство сознания, один из самых богатых последствиями и все ещё оспариваемых фактов психологии. Единство сознания, поскольку его надо с очевидностью познать из внутренне воспринимаемого, состоит в том, что все психические феномены, которые одновременно находятся в нас, – сколь бы различны они ни были, а это видение и слышание, процессы представления, суждения, умозаключения, любви и ненависти, вожеления и отвращения и т. д., – в случае, когда они внутренне воспринимаются как соотносящиеся друг с другом, вместе взятые, относятся к единой реальности, составляя в качестве частных феноменов один психический феномен, отдельные части которого принадлежат одному реальному единству».⁸⁶ Терминология, которую применяет Brentano именно в разбираемой работе, далека от четкости и однозначности. Так, он разъясняет, что слово «сознание» (*Bewußtsein*) для него равнозначно психическому феномену, или психическому акту (*Ibidem*. S. 132–133).

И всё-таки различие имеется: во-первых, имеется в виду: сознание как совокупное единство (притом реальное, по Brentano), включающее многие акты, их отношения; во-вторых, «психические феномены» – обозначение некоторых «единиц» этого совокупного единства, для него и именно для него специфических и характерных.

Признано в литературе (и по существу отмечено в первом из приведенных ранее критических замечаний Гуссерля в ФА), что при различении психических и физических феноменов самым неудачным оказался термин «*физический феномен*». Правда, проблема, которую благодаря этому различению хотел рассмотреть и решить Brentano, является вполне реальной и достаточно трудной. В жизнедеятельности человеческого сознания есть неоднородные акты, процессы, структуры. Одни всего ближе стоят к пассивной восприимчивости органов чувств, порождаются и порою даже детерминируются ими, а другие возникают как переплетение многих влияний и взаимодействий, причем не только и не столько физического характера. Из I тома «Психологии...» Brentano видно, что именно такое различие его заботит, потому что представляется ему принципиальным.

А имел в виду Brentano действительные различия двух классов процессов сознания (в ЛИ Гуссерль скажет: переживаний, *Erlebnisse*, сознания). В одном случае это ощущения, реакции на непосредственные внешние воздействия и их последствия – вплоть до того, что какой-нибудь внешний, «физический» предмет причиняет нам боль, или наоборот, вызывает удовольствие. Такого рода проявления – не забудем: они всё-таки причислены к *феноменам сознания* – Brentano называет «физическими феноменами». В другом случае мы можем, не испытывая внешних воздействий, «порождать» в сознании «внутреннее существование» (*Inexistenz*) каких-либо «предметов» и «предметностей», чисто интенционально, мысленно (ментально) полагая их. В этом случае «предметы» тоже феноменальны, т. е. они «являются» сознанию, проявляются в нем. Такие феномены Brentano называет психическими. В связи с этим различием Brentano и в I томе «Психологии...», и в последующих томах и произведениях (разумеется, они не могли быть известными Гуссерлю в период написания ФА) ввел множество более конкретных деталей, разъяснений. По всему видно, что в ФА Гуссерля совсем не заботят все детали такого рода. Кстати, уже позднее, во II томе ЛИ, Гуссерль будет более подробно обсуждать соответствующие тексты Brentano, ибо они

⁸⁶ *Brentano Fr. Psychologie vom empirischen Standpunkt. Bd. I, 1874. S. 214.*

окажутся содержательно релевантными его оформляющейся феноменологии, в частности, новому, оригинальному рассмотрению в ней проблемы интенциональности. И тогда он уже более подробно, детально зафиксирует свою рано возникшую неудовлетворенность брентановским осмыслением той сферы, которые были отнесены у Brentano к «физическим феноменам».

Смею предположить: неудовлетворительность наименования («*физические феномены*» – если они «*феномены*» сознания, то уже поэтому тоже «*психические*»»), а также спорное определение их характера – эти моменты были уже отчасти ясны Гуссерлю, когда он писал ФА. Но для его работы они не были особенно существенными, ибо сфера феноменов, которые он (на стр. 70 ФА) назвал «абсолютно первичными содержаниями», не была для него хорошо определенным непосредственным полем работы. Ведь он обращался не просто к «психическим феноменам», но к одному из *верхних* этажей в их классификации и различении – к сферам абстрактных мыслительных образований, подобных числу и числовым понятиям, а также к соответствующим, *весьма особым* представлениям. И если *внутренняя* острая полемика Гуссерля с учением Brentano о феноменах уже назревала (такова моя гипотеза), то разворачивать её в ФА автору не имело никакого резона, причем по целому ряду личных и теоретических причин. О личных (благодарности, лояльности) уже говорилось. Главная научно-теоретическая причина была проста: молодой Гуссерль не занимался исследованием этой специальной проблематики, и его тогдашние исследования по сути не требовали этого. Сказанное заставляет нас уже здесь в самой общей форме отозваться на решение проблемы феномена у Brentano и Гуссерля.

Тема «феноменов» у Brentano, а потом и у Гуссерля, – сложная, многогранная; её немало обсуждали в литературе. Здесь опять-таки надо помнить и учитывать: в ФА понятие «феномен» хотя и встречается, но не имеет там ни центрального, ни строгого значения. Ибо час феноменологии, а стало быть, и прояснения ее фундаментального понятия феномена для Гуссерля ещё не пробил. При дальнейшем конкретном разборе ФА я не упущу возможности показать, *где именно и в каком смысле в данной книге все же всплывает это – в дальнейшем, начиная с ЛИ, профилирующее – понятие*. Забегая вперед, скажу, что не только понятие феномена, но и разделение на физические и психические феномены для ранней книги не имеет, по моему мнению, того *фундаментального* значения для всего анализа, какое ему как будто приписывает сам Гуссерль в сноске на стр. 67–68 ФА – впрочем, чтобы через две страницы сказать, что он формулирует проблему иначе, чем Brentano, и по существу дезавуировать понятие «физического» феномена!

И всё-таки пусть не развернутое понятие феномена, не содержание упомянутого различения феноменов у Brentano, то во всяком случае *выделение им сферы психических феноменов имело определенное опорное значение и для раннего Гуссерля – прежде всего, а может, и главным образом в качестве побудительного мотива, толчка для размышлений*. Ибо задумав то специфическое исследование в сфере философии математики, которое восходило именно к совокупности представлений как психических актов, переживаний, Гуссерль мог по крайней мере опереться на *брентановское выделение, вычленение психических феноменов как особой сферы описания, анализа*. Правда, как отмечалось, многие специфические детали соотношения двух видов феноменов, соответственно, наук, их изучающих, которые имеются в работах Brentano, не особенно занимали раннего Гуссерля. *Ему было вполне достаточно того, что поле исследовательской работы оказалось хотя бы приблизительно очерченным*. И в этом смысле он, в самом деле, был благодарен Brentano, осуществившему здесь важную рекогносцировку – конечно, с опорой на многих предшественников, начиная уже с Аристотеля.

Вот почему имеет смысл внимательнее присмотреться к тому историко-философскому, философскому, психологическому контексту, в котором возникает, существует брентанов-

ское понятие «психического феномена», но здесь лишь кратко разобрать оттенки его содержания.

В своем подробном рассуждении о психических феноменах (II том «Психологии...») Brentano прежде всего соотносится с близкими по проблематике философскими традициями – например, с декартовским разделением *res extensae* и *res cogitans* или с разделением внешних и внутренних восприятий во всей нововременной традиции (правда, он сам возводит данное различие ещё к Аристотелю). Из этих подходов Brentano вычленяет те характеристики, которые он так или иначе готов если не принять полностью, то во всяком случае учесть. В *психических феноменах*, поисками сущностных определений которых он и занят, действительно есть исходная связь с представлениями, которые нечто «являют». Но связь эта совершенно особая, разъясняет Brentano. «Психические феномены (согласно Brentano) всегда внутренне воспринимаются, тогда как физические феномены – а их не следует путать с физическими вещами, которые вызывают в нас эти феномены – даны через внешнее восприятие (§ 6). Например, если мы воспринимаем что-либо красное, то это происходит на основе *внешнего восприятия чего-то красного*. Но мы также *осознаем*, что мы в этом случае уже *восприняли* нечто красное. Это осознание или процесс принятия во внимание (*Gewahrwerden*) восприятия красного (соответственно: какого угодно психического акта) происходит уже не благодаря внешнему восприятию, которое в нашем случае предоставляет (что-то) красное в наше распоряжение»,⁸⁷ – так описывает суть рассуждения Франца Brentano Д. Мюнх. Когда мы как бы замечаем сам акт восприятия, удерживаем его, поворачиваем к нему внимание (это и есть смысл слова *Gewahrwerden*), то первый акт – внешнее восприятие, как бы отыгравшее свою роль, уже отставлено в сторону. Так и «физический» предмет – нечто красное, нами воспринятое («первичный объект») – остается в стороне. Во внимание принят «вторичный объект», а именно *восприятие* красного.

Для Brentano (как, впрочем, и для Гуссерля, и не только для раннего) очень важен тот факт, что перейти к таким «объектам» сознания, а не внешнего мира относительно несложно. Ибо психические феномены рождаются как бы сами собой, и они вполне доступны внутреннему восприятию; при этом, согласно Brentano, их возможно «узреть» четко, однозначно, с очевидностью (*evident*) – что тоже отличает их от физических феноменов, где очевидности трудно добиться (здесь Brentano разделяет критическое отношение представителей классического рационализма и отношение Канта к чувственному опыту).

Другое различие и противопоставление: физические феномены Brentano считает «действительными», а психические – существующими только феноменально или экзистенциально (§ 7 I тома «Психологии с эмпирической точки зрения»).

Главное определение психического феномена у Brentano выражено, как известно, словами «*intentionale Inexistenz (eines Gegenstandes)*»; перевести и понять их непросто. Имеется в виду особое, а именно *интенциональное внутреннее существование (Inexistenz) предмета внутри психического феномена*. Brentano дает следующее, ставшее классическим определение интенциональности: «Всякий психический феномен характеризуется тем, что средневековые схоласты называли интенциональным (также и ментальным) внутренним существованием предмета и что мы, не избегая полностью двусмысленных выражений, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не следует понимать какую-либо реальность), или имманентной предметностью. Всякий психический феномен содержит в себе нечто как объект, хотя и не каждый – тем же самым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто принимается или отвергается, в любви – что-то любят, в ненависти – ненавидят, в вождении – воделеют» («Психология...». Bd. I, 124 f.).

⁸⁷ Münch D. Op. cit., S. 38–39.

Д. Мюнх (op. cit., S. 41) справедливо отмечает, что определение понятия «intentionale Inexistenz» у Brentano остается во многом неясным, а подчас и сбивающим с толку. В самом деле, проблема столь же старая, сколь и трудная. Ещё начиная со Средневековья поднимались вопросы, которые до сих пор беспокоят философов, психологов, представителей других гуманитарных дисциплин, например, тех, которые изучают язык. В сущности, каждая крупная эпоха в развитии культуры вообще, философии, в частности, предлагает свои ответы на эти сложнейшие вопрошания, которые чаще всего приводили и приводят к тому, что... возникают новые, ещё более трудные вопросы и проблемы. Если говорить сначала коротко и обобщенно, то целый ряд вопросов и проблем вращался вокруг поиска, определения *специфических особенностей сознания как неповторимого «мира», творящего собственные «предметы» и их совокупности («предметности»)*, а также вокруг процедур, процессов и структур, благодаря которым осваивается и «внешний» мир, и сам «внутренний мир» человеческого сознания, познания, духа.

Долгое время считалось, что решать проблемы сознания чрезвычайно трудно именно потому, что оно «внутри» человека и глубоко скрыто от наблюдения и познания. Это во многом верно. Однако со временем стало ясно, что при особом повороте внимания, при использовании рефлексии (издавна одобренной философией, да и всей культурой инструмента изучения мира сознания с его побуждениями, мотивами, интересами) во «внутреннем» положении сознания, его специфических «предметов» и структур даже есть особые преимущества. Ибо поскольку сознание всегда, так сказать, при мне, точнее во мне, я вполне могу (в любой сколько-нибудь благоприятный момент) обращаться к его изучению, могу проверять и корректировать свое исследование. Собственно, один из решающих мотивов более поздней гуссерлевской феноменологии состоит именно в глубоком осознании и попытках максимального использования этой возможности и перспективы – прямой повседневной, всечасной доступности мне моего сознания и прямого же, (как будто) ничем не опосредуемого исследовательского наблюдения за сознанием, способного приводить, однако, ко всеобщим результатам. И Гуссерль был отнюдь не первым, кто ухватился за эти возможности. По сути дела все философы, психологи, которых Гуссерль потом пометит как своих предшественников на трансценденталистском пути – Декарт, Локк, Юм, Кант (и другие), уже в широком масштабе вели свою многотрудную работу над «внутренним» осмыслением сознания. Кстати, не только средневековые авторы (с их учением об интенциональности), но и древние мыслители были причастны к исследовательской деятельности того же рода. И вовсе не случайно Brentano вышел на этот путь, отправляясь от изучения наследия Аристотеля как великого философа и первого психолога (конечно, в особом смысле этого слова). При учете многовековой длины упомянутого пути психология XIX века находилась в уже довольно высокой его точке. Это заставляет точнее определить проблемные вехи, темы, сюжеты, которые были специфическими для философской психологии Brentano.

По моему мнению, особенность позиции, а одновременно и заслуги Brentano в исследовании сознания можно кратко определить следующим образом.

На пути к экспериментальной, эмпирической психологии, который стремился проложить Brentano, настоятельно требовалось *вычленить из необозримой совокупности, именуемой сознанием, некоторые «единицы»*, его специфическим образом характеризующие и в то же время доступные наблюдению, описанию, изучению, даже какому-то количественному (в случае экспериментов) определению. В некоторых ракурсах эта задача ставилась и решалась давно – ещё со времени Аристотеля. Поэтому позволю себе (очень кратко) отклониться в сторону темы «Аристотель–Brentano».

В своих первых работах, которые молодой Brentano выполнил под руководством Ф. А. Тренделенбурга, при исследовании учения о бытии Аристотеля (докторская диссертация 1862 года) и аристотелевской психологии (габилитационная диссертация 1869 года – на пуб-

ликацию её ссылается Гуссерль в ФА, 85), Brentano, с одной стороны, собрал то ценное, что, с его точки зрения, принес с собой «субстанциалистский», построенный на основе онтологически трактуемой «проблемы тела-души» (Leib-Seele-Problem) подход к изучению широко понимаемой «душевной жизни». Например, это было расчленение «форм души» (вегетативная, сенситивная, интеллективная «душа») и открывшаяся возможность специально изучать каждое из измерений духовной жизни человека. Уже началось аристотелевское исследование (скажем, в IX книге «Метафизики», 10, 1051 в 3–5, 24) именно «интеллективной» формы души – с различением процессов и структур «схватывания», «называния», «знания», а также «незнания», «иллюзии» и т. д., «имеющих отношение к тем актам души, которые питают заблуждение» (D. Münch, op. cit., S. 50).

Исследователи философии и психологии Brentano справедливо говорят об «аристотелевском происхождении брентановской психологии» (D. Münch, op. cit., S. 50). «В письме от 17.3.1905 года, адресованном его ученику Антону Марти, Brentano вновь подчеркивает согласованность своего учения о внутреннем интенциональном существовании с учением Аристотеля о восприятии...» (Ibidem). Верным мне кажется и замечание Д. Мюнха о том, что в учении Аристотеля Brentano специально выделяет, подчеркивает и усиливает (возможно, преувеличивает по отношению к историческому Аристотелю, добавлю я) тот момент, который получает у Brentano особое определение: «аппрегенсивные возможности (возможности понимания), как способности (Vermögen) психических феноменов». При этом последние он отыскивает даже в аристотелевских характеристиках «сенситивной» души, не говоря уже об «интеллективной». Опора на представления – характерная черта брентановской (и не только брентановской) психологии – тоже *в конечном счете* может быть возведена к Аристотелю (D. Münch, op. cit., S. 52). Итак, есть немало других аристотелевских элементов в учении Brentano. Но связь, определенная согласованность учения Brentano с его более ранними занятиями Аристотелем – лишь одна сторона дела (хотя и очень важная, потому что содержательная опора на историю философии, её традиции – все это было и остается залогом появления масштабных, влиятельных новых концепций).

Другая сторона дела – это отход Brentano от субстанционалистских основ учения о душе, создание новой концепции сознания – уже на стадии I тома «Психологии с эмпирической точки зрения». (Только его, заметим, мог принять в расчет Гуссерль, когда писал ФА.) Не вдаваясь в сложные споры специалистов по этому вопросу, в том числе в исследование эволюции взглядов Brentano, отметим лишь отдельные важные моменты, характеризующие причины и суть отхода от аристотелевского «субстанциализма души». Правда, и здесь имели место колебания: Brentano то говорил, что «души нет, по крайней мере для нас, психологов» («Психология...», т. I. S. 16), то снова давал такие определения: «Психология – наука о жизни души человека» – в лекциях «Дескриптивная психология», 1982. S. 1; психология – «учение о душе» – там же. S. 156 (См. D. Münch. S. 58). Но новое понимание пролагало себе дорогу. Brentano все чаще забывал об устаревшем, с его же точки зрения, субстанциалистском понятии души и связывал судьбу психологии именно с понятием психического феномена.

Специалисты считают, что на уточнение позиции Brentano повлияли два обстоятельства. Первое из них – интерес тогдашней психологии в целом к маргинальным (по отношению к нормальному взрослому человеку) темам: к психике детей, слепорожденных, душевнобольных, людей особых творческих дарований или, наоборот, преступных наклонностей, а также к зачаткам сознания у животных.⁸⁸ У раннего Brentano нет однозначного отношения к этим исследованиям и их значению для психологии. И всё-таки побеждает та точка зрения, согласно которой, для *центральных, типичных* исследований дескриптивной пси-

⁸⁸ Имеются в виду, например, лекции В. Вундта «О душе человека и душе животных» (1863–1864 гг.).

хологии характерно внимание не к этим маргинальным темам, а к «нормальным и достаточно развитым, следовательно, по природе специфически присущих человеческим индивидам» (Deskriptive Psychologie, 1982. S. 37). Это не означает призыва к пренебрежению такими исследованиями, а подразумевает только то, что психология в исходных и центральных методах своей работы отвлекается (т. е. отдает на откуп соответствующим специалистам – у Brentano уже в «Психологии...» есть термин «психология животных») темы генетического характера (онто- и филогенетические) и всё, связанное с отклонениями от некоторых (конечно, условных и подвижных) норм.

Речь идет об установке, которой имплицитно или эксплицитно издавна руководствовались и сегодня руководствуются исследователи сознания – философы-гносеологи, логики, психологи. Теперь можно сказать: также Гуссерль и феноменологи гуссерлевского направления. Ибо та же ориентация на «нормальное» сознание имеет место и в феноменологии, ранней и поздней, и в ещё дофеноменологических исследованиях Гуссерля. В ФА её автор, не особенно вдаваясь в эту проблематику, фактически имеет дело с сознанием «нормальным», с сознанием не ребенка, а (относительно) зрелого человека. Историко-генетические аспекты иногда всплывают, но именно маргинально, в ссылках (они тоже интересны, о чем при конкретном рассмотрении ФА будет идти речь). Подобная же установка сохранится в феноменологии – раннего, среднего и позднего периода, с той существенной оговоркой, что впоследствии появится внутреннее уточнение, различие между «статической» и «генетической» феноменологией, причем характер и специфика «генезиса» в каждом случае будет специально, эксплицитно определяться.

Нечто подобное имеет место в ФА. Характеристика «нормального», «зрелого» сознания, которую дает и Brentano, в общем и целом выдерживается в этом исследовании по философии математики. Такое именно сознание молчаливо предполагается как предмет и при анализе сути математических понятий и оперирования ими. Другое дело, что *в данном случае обращение Гуссерля к психологическому материалу означает специальную* для философии вообще, философии математики, в частности, теории числа, в особенности, *генетическую работу*, нацеленную на выявление истоков, генезиса (Ursprung) математических понятий – на пути изучения представлений, деятельности по их соединению. И вот для всех этих целей уточнения, за которые взялся Brentano, имели серьёзное значение и, полагаю, были приняты во внимание ранним Гуссерлем. Конечно, многое в определении специфики психических феноменов еще не удалось Brentano, что было замечено и, как будет показано, отчасти прямо оговорено Гуссерлем в ФА.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на уточнение и видоизменение «аристотелевской» поначалу позиции Brentano, стало испытанное им и запечатлевшееся уже в «Психологии...» влияние Декарта. Как отмечает Д. Мюнх, воздействие идей и методов Декарта на формирование позиции «Психологии...» вряд ли можно оспаривать; в основе этого произведения «с очевидностью лежит свойственное эпохе модерна (Нового времени. – Н. М.) понятие сознания, в существенной степени сформированное также и Декартом» (D. Münch, op. cit. S. 59). При определении картезианских мотивов брентановской концепции чаще всего упоминаются: 1) классификация психических феноменов с выделением представлений, суждений и эмоциональных проявлений (Gemütsbewegungen); 2) понимание суждений как утверждения (содержания) соответствующих представлений; 3) апелляция к понятию непосредственной «очевидности», ясности, отчетливости суждений, т. е. к особому «усмотрению», неотделимому от истины.

Эти линии, связующие учение Brentano с концепциями и понятиями Декарта, можно считать так или иначе фактически присутствующими также и в ФА – ещё задолго до того, как Гуссерль целенаправленно, последовательно проделает свой собственный «картезианский поворот» на трансценденталистском пути. И все же в ФА нет прямого следа специальной

работы автора над текстами Декарта – сопоставимой, например, с тем вниманием, которое уделяется Лейбницу, Локку или Канту. Формирование собственного понимания Гуссерлем идей и традиции Декарта – далеко впереди. Во всяком случае, такого зрелого самостоятельного толкования мы не обнаруживаем ещё и в ЛИ. Но опосредованно – через Brentano и других авторов – Декарт уже присутствует в поле зрения тогдашних философии и психологии.

Снова вернемся к проблеме «психического феномена».

Оба терминологических аспекта – и существительное «*феномен*», и прилагательное «*психический*» – имеют свое значение. Но оно существенно различно для Brentano периода «Психологии...», и для Гуссерля периода ФА. Парадоксально, но факт: именно для Brentano рассуждения и о феномене, и об особой феноменологии имеют весьма важное значение, тогда как для будущего основателя новой феноменологии в ФА их осмысление принципиального характера – дело будущего, хотя и не очень далекого. Обратимся сначала к Brentano.

В чем ещё концепция ФА не могла не восходить к работам Brentano (впрочем, конечно, и к очень многим другим психологическим произведениям), так это в концепции представлений (*Vorstellungen*).

*Акты представления (das Vorstellen) входили в психологию Brentano – наряду с двумя другими классами психических актов, с актами суждения и проявлениями чувств, например, интереса или любви – в качестве главных объектов изучения и исследования. «Об акте представления (von einem Vortellen) мы говорим там и тогда, где нам всегда нечто является (erscheint). Если мы видим нечто, мы представляем себе какой-то цвет, если нечто слышим – представляем себе звук, если о чем-то фантазируем, представляем образ фантазии».*⁸⁹ С точки зрения Brentano, совершенно невозможно, чтобы «деятельность души» (*Seelentätigkeit*) относилась бы к чему-то, что исходно не было бы представляемо.

Акт представления (das Vorstellen, «представливание», если взять в качестве точного эквивалента, отличаемого от самого представления – Vorstellung – как результата и формы) в понимании Brentano является абсолютно неизбежным, и в этом смысле фундаментальным, для всего, что происходит в сознании. Если имеет место суждение, то основой является представление о том, что подвергается суждению. Когда имеется вожеление, то вожеленным может быть лишь то, что представляемо, а стало быть, что так или иначе «явлено» (erscheint) (Bd. I. S. 104, Bd. II. S. 38).

⁸⁹ Brentano F. *Psychologie vom empirischen Standpunkt*. Bd. II. S. 34 (далее цитируется в моем тексте только с указанием тома и страницы).

Глава 2. Карл Штумпф и Эдмунд Гуссерль

Еще до переезда в Галле Гуссерль – опять-таки по совету Brentano – отправился в этот город, чтобы послушать лекции Карла Штумпфа по психологии. И снова это был хороший, дельный совет. Поскольку Гуссерля все больше волновали проблемы специфического пересечения психологии и философии, психологии и логики, а также (еще раньше им проанализированная) проблематика психологии в ее применении к математике, то молодому ученому, конечно же, надлежало глубже вникнуть в основные линии развития психологии, которые к концу XIX века уже отличались значительным разнообразием. Среди этих линий та, которую представлял К. Штумпф, могла, как думал Brentano, особо заинтересовать Гуссерля. Brentano не ошибся. Это доказывает результат: опора автора «Философии арифметики» на исследования Штумпфа, в особенности на его наиболее известную и ценную двухтомную работу «Психология звука» (Carl Stumpf, *Tonpsychologie*. Leipzig. Bd. 1. 1883. Bd. 2. 1890).

У читателей, мало знакомых с историей психологии, могут возникнуть по крайней мере два вопроса-сомнения. Во-первых, тот факт, что Гуссерль так или иначе опирается на работу Штумпфа, может найти простое житейское объяснение: раз Brentano послал к прежнему ученику Штумпфу своего нового протеже Гуссерля, то диссертанту, как говорится, сам бог велел учитывать исследования, книги того, от кого теперь зависела габилизация. Отчасти, я думаю, так и было. Но только отчасти. А главными были содержательные причины. Ибо Гуссерль вообще был, полагаю, человеком содержания. Во-вторых, может возникнуть сомнение: в чем Гуссерлю могла бы пригодиться работа, которая, казалось бы, была посвящена сугубо специальной теме – психологии звука, что на первый взгляд достаточно далеко отстоит от математики, от философии числа.

Чтобы рассеять эти сомнения и вообще чтобы подробнее расшифровать взаимосвязь и взаимодействие двух учений – уже состоявшейся концепции Штумпфа и только формирующихся философско-математических и философско-психологических идей Гуссерля, нам нужно осмыслить (тоже, к сожалению, лишь в сжатой форме) специфику теорий и решений, предложенных Штумпфом к 1886–1887 годам. Тогда станет яснее, были ли ссылки Гуссерля на работы его нового покровителя только данью обстоятельствам или обоим ученым объединяло хотя бы некоторое именно содержательное единство теоретических позиций. Мы сможем обоснованно поразмышлять, опираясь на известные факты и материалы, а также просто пофантазировать вот на какую тему: о чем могли беседовать, спорить, встречаясь в Университете или дома, принадлежащие к двум разным поколениям ученые, чья судьба свела в Галле, в университете этого города. И не просто свела, а сделала, несмотря на разницу в возрасте (относительно, впрочем, небольшую – в 11 лет), близкими друзьями – конечно, в немецком, а не русском смысле понимаемой дружбы, ибо у немцев дружба чаще всего подразумевает большую личностную дистанцию, чем у нас в России. Однако в случае Гуссерля и Штумпфа было даже нечто большее, чем вежливая дружба коллег: как отмечала жена Гуссерля Мальвина, ее будущий муж сразу же по приезде в Галле «был принят Штумпфом с сердечным доверием; его рассматривали почти как члена семьи. Штумпф приступил к продвижению габилизации без всякого промедления и все время следил за тем, чтобы двигаться прямо к цели».⁹⁰ То, что между ним и прибывшим в Галле молодым коллегой сразу возникли теплые отношения, подтверждает и сам Штумпф. Он пишет в своих «Воспоминаниях о Франце Brentano» о том, что осенью 1886 года, по рекомендации Brentano, в Галле прибыл – с целью габилизации – Гуссерль, и что он стал его слушателем и другом. В литературе правильно отмечается: Гуссерлю в тот начальный период настоятельно требовалось

⁹⁰ См.: K. Schumann, Malvine Husserls «Skizze eines Lebensbildes von E. Husserl» / *Husserl Studies*, 5, 1988, S. 113.

не просто углубить свои познания в области психологии, но и вообще в очень короткий срок приобрести более систематическое психологическое образование, для чего весьма хорошо подходили учебные лекции и труды столь известного, признанного психолога-философа, как К. Штумпф.

Впрочем, и самому Штумпфу в 1887 году было 39 лет – немного для человека, достигшего серьезных научных результатов. «Карл Штумпф, – отмечает Х. Пойкер, – был самым старшим учеником Brentano, сделавшим на академическом поприще самую быструю карьеру. В 25 лет он уже был профессором в Вюрцбурге, впоследствии приглашался в университеты Праги, Галле и Мюнхена, а в конце концов и в Берлинский университет, где он благодаря своей преподавательской деятельности оказался среди самых влиятельных психологов феноменологической психологии в широком смысле этого слова».⁹¹ Из школы Штумпфа, уместно напоминает Пойкер, вышла – уже в Берлине – целая генерация немецких психологов (это так называемая Берлинская школа): Вольфганг Кёлер, Курт Коффка, Курт Левин, будущие основатели гештальтпсихологии. Все это, действительно, говорит о несомненном таланте Штумпфа как ученого и особенно педагога. Через эту школу в Галле прошел и Эдмунд Гуссерль. Уже во время зимнего семестра 1886–1887 гг. (еще до переезда в Галле) Гуссерль слушает лекции Штумпфа под общим названием «Психология».

Целостный анализ жизни и творчества К. Штумпфа не входит в мои задачи. Далее будут рассмотрены лишь те идеи и произведения Штумпфа, которые, полагаю, оказали особое воздействие на поиски и исследования молодого Гуссерля. При этом стану опираться не только на сами эти работы, но и на собственные высказывания, отсылки Гуссерля к исследованиям Штумпфа, а также на литературу вопроса.⁹² Но также и на то, что подсказывает мне творческое воображение, позволяющее не оставить в тени многие не всегда запечатленные в произведениях интеллектуальные связи, параллели, пересечения, противостояния, характерные для живого контекста взаимодействий творцов философской мысли уже далеко отстоящего от нас исторического времени.

§ 1. К. Штумпф о пространственных представлениях

Книга Штумпфа «О психологическом происхождении представления пространства» (*Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung*), которая вышла в Лейпциге в 1873 году⁹³ и которую автор, в то время приват-доцент в Гёттингене, посвятил своему знаменитому учителю Лотце, во многих отношениях показательна для состояния философской психологии в 70-х годах XIX века. Для последующей работы Гуссерля она станет одной из предпосылок и отправных точек. Гуссерль сошлется на нее в «Философии арифметики».⁹⁴ Вот почему мы должны хотя бы кратко обратиться к названной работе Штумпфа. В главной своей части эта книга посвящена анализу конкретных и тонких вопросов так называемых представлений пространства, или пространственных представлений (*Raumvorstellungen*): первая глава – представлению о плоскостях, вторая – о глубине (как своеобразных измерениях пространства). Мы вспомним об этом, когда будем разбирать гуссерлевскую «Философию арифметики», где нас тоже будут интересовать идеи более общего философского и психологического характера, подобные тем, которые Штумпф выдвигает, защищает в своей работе и с которыми связаны глубокие изменения в психологических, прежде всего фило-

⁹¹ H. Peucker, op. cit. S. 42.

⁹² См.: Hollenstein (1972); Spiegelberg (1982), Herzog (1992) Schumann (1996), Peuker (2002).

⁹³ См.: *Carl Stumpf. Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellungen*, Leipzig 1873. S. 2–3. Далее страницы по этому изданию указываются в тексте моей книги.

⁹⁴ *Edmund Husserl. Philosophie der Arithmetik / Edmund Husserl, Gesammelte Schriften, Hrsg von Elisabeth Ströker. Bd. 1. Hamburg, 1992. S. 19.*

софско-психологических подходах к сознанию, несомненно повлиявшие на раннего Гуссерля и на возникновение его феноменологии.

В контексте моей книги невозможно, да и не нужно анализировать эту раннюю работу Карла Штумпфа во всей полноте и многочисленных деталях. Но не могу удержаться от того, чтобы выразить свое восхищение глубиной, многоаспектностью анализа, междисциплинарным охватом материала, так характерным для той дисциплины, которую в то время именовали психологией. Полагаю, что многие современные читатели, в том числе психологи по профессии, даже не ассоциируют такое многоаспектное богатство исследовательских замыслов именно с психологией. Попытаюсь кратко разъяснить, что имею в виду.

Итак, общая цель работы Штумпфа – исследование «психологического происхождения» представлений пространства, или о пространстве (*Raumvorstellungen*). Охват тех концепций и идей, которые при этом разбирает Штумпф, широк и многогранен: это и философские концепции – прежде всего, конечно, кантовская теория форм чувственности, но также теория «локальных знаков» Лотце, учения психологов и физиологов (теория Гербарта; теория ассоциаций Бена (Bain), Е. Вебера; учение Гельмгольца о представлениях глубины (*Tiefenvorstellungen*); теории зрительных восприятий и многое, многое другое.

Через попытки этого междисциплинарного синтеза пробивается, однако, стержневая идея о необходимости найти *специфический психологический угол зрения*, подход к проблематике представлений, в частности и особенности, представлений пространства (или о пространстве).

Гуссерль затронет эту тему в «Философии арифметики», хотя на фоне анализа числа она останется боковой, второстепенной. Но вот что, думаю, было чрезвычайно важным, даже центральным для молодого автора, вчерашнего математика (почему он внимательно вглядывался в сугубо специальные, казалось бы, работы своего нового наставника) – это *срез анализа, касающийся психологического генезиса устоявшихся понятий науки и философии*.

Понятие пространства принадлежало именно к таким понятиям. К нему имели отношение математика (прежде всего геометрия) и физика. Оно также издавна было одним из всеобщих понятий, или категорий, философии. Каждая дисциплина рассматривала и рассматривает проблему пространства как бы сквозь призму своего подхода, причем эти преломляющие призмы, как правило, появились так давно, что в науках более поздних эпох часто уже забывали об их происхождении и заботились лишь о том, чтобы, так сказать, отшлифовать, усовершенствовать эти призмы и научиться через них видеть «самую действительность». При этом науки, особенно естественные, претендуют на то, что они исследуют пространство, как оно «есть» в действительности. В философии настоящий переворот был осуществлен Кантом, который как раз и показал, что (при существовании таких различных преломляющих научных призм) у человека как особого существа, наделенного чувственностью и рассудком, есть главная, но двуединая всеобщая формальная призма, как бы независимо от всякого отдельного опыта организующая его чувственность. Эта призма – двуединство пространства и времени. Но Кант тоже как бы снял вопрос о происхождении, генезисе этих форм, явочным порядком переводя анализ на уровень познавательной деятельности зрелого, сформировавшегося человека. Сформировавшегося в двух смыслах: он уже ушел из детства, собственного, индивидуального, и из детства человеческого рода. Генезис как тема снят у Канта по разным причинам, в том числе и самой простой: он занимается (в «Критике чистого разума», включая и рассмотрение в ней пространства и времени) теорией познания, теоретико-познавательной логикой и вообще-то имеет право отвлечься от историко-генетических проблем.

Приступив к исследованию представлений о пространстве, Штумпф не мог, конечно, обойти молчанием учение Канта о субъективных формах чувственности. С его критического анализа он и начинает свою книгу. А завершает штумпфовскую критику критической теории

Канта, которую мы кратко рассмотрим далее, следующее заключение: «Особых разъяснений... от Канта и не приходится ожидать. То, что мы узнали о психологическом происхождении представлений о пространстве, ограничивается тем, что они обозначены как априорные формы; при этом даются (рассмотренные выше) неудовлетворительные объяснения этого обозначения. Ни разу не разъясняется следующий вопрос: почему мы постоянно (fort und fort) созерцаем одно бесконечное пространство, а представления пространства, например, величины, в которых мы представляем какое-либо качество, все же отличаются друг от друга и изменяются. Недостаточная обоснованность, имеющая здесь место, уже была продемонстрирована Гербартом в качестве упрека в адрес психологической теории пространства Канта... В объяснение этого недостатка можно указать на то, что... интерес Канта в вопросе о пространстве был прежде всего не психологическим, а логическим» (S. 29). И это, считаю, очень правильное и методологически важное указание.⁹⁵

Но в том-то и дело, что в XIX веке ссылки на «чистый» теоретико-познавательный, логический, метафизический – а не психологический – интерес того или иного исследователя (даже великого Канта) уже не действовали. Подобным же образом понятия и подходы, принятые в других науках, например, в математике, перестали казаться само собой разумеющимися. *Возник интерес именно к их генезису.* К разряду подобных привычных математических понятий принадлежало понятие числа. Если формировалась идея арифметизации математики, если представления о числах изменялись и расширялись, то как бы осмысленный вопрос о *генезисе* понятия числа неизбежно выдвигался на передний план.

Психология потому, в частности, и испытала в XIX веке такое оживление, что проявила внимание к определенным путям своего рода генетического исследования различных научных и повседневных понятий – путем возведения их к миру восприятий, представлений, словом, ко всему, что сам Кант обобщенно назвал «чувственностью» (Sinnlichkeit), «чувственным созерцанием», но что он, по оценке многих философов после него, в том числе и его последователей, очень быстро пробежал в своей первой «Критике», так и не исследовав структуры чувственности в их многообразии, сложности и взаимопереплетении.

Что касается, в частности, темы пространства, то сведя пространство (и время) к всеобщим априорным формам чувственности, Кант, действительно, оставил без внимания те вопросы, к которым всё чаще и настоятельнее обращались – уже после Канта – и философия, и психология. Посмотрим, как это делает Штумпф.

§ 2. Подход Штумпфа к кантовской теории субъективных форм чувственности

Штумпф считает излишним излагать сколько-нибудь подробно кантовскую теорию пространства. Для него важно следующее: «Согласно Канту, пространство, вообще говоря, есть нечто субъективное, относящееся к нашим представлениям. Конкретнее, Кант называет его априорной субъективной формой чувственности. Иными словами, материал, который доставляют нам чувства в процессе опыта, мы схватываем пространственно (räumlich) вследствие психической организации, которую мы наследуем» (S. 12.) (Можно было бы заметить, что Кант не говорит о «психической» организации. Но он, действительно, сводит дело к некой «человеческой» данности: так уж устроен человек... Предполагалось, что в случае другого существа дело, возможно, обстояло бы иначе). Штумпф поясняет, что целью тео-

⁹⁵ В одной из своих работ я проанализировала именно со сходной точки зрения учение Канта о пространстве и времени, показав, что в нем применен метод, «подражающий естествознанию», т. е. с самого начала избирающий особые отвлечения от того, что остается за кадром исследования. В данном случае Кант сознательно отвлекается от всех генетических вопросов. См.: Н. В. Мотрошилова. Работы разных лет. М., 2005. С. 211–220.

рии пространства Канта было не психологическое, а скорее логико-метафизическое объяснение, т. е. исследование «возможности геометрических суждений о пространстве, которые всеобщим и необходимым образом считаются истинными, не будучи аналитически выводимыми (как полагал Кант) из понятий» (S. 13). Однако Канту не удалось, как пытается доказать Штумпф, целиком избавиться от проблем и объяснений, которые старший коллега Гуссерля в общей форме именует «психологическими».

Например, Кант разделяет «материю» и «форму» чувственности, а в известной степени отделяет их друг от друга. Штумпф приводит известную кантовскую дефиницию «материи» чувственности (то, что относится, связано – *correspondendiert mit* – с ощущениями) и ее «формы» (то, что в известных отношениях способно упорядочивать многообразное в ощущении – *daß das Mannigfaltige der Erscheinungen in gewissen Verhältnissen geordnet werden kann*), задаваясь – применительно к пространству – вот какими вопросами: как именно мы наводим порядок в ощущениях? Почему мы выбираем именно этот, а не иной порядок? Скажем, мы приводим в порядок, т. е. как-то ранжируем книги в библиотеке. Порядок может быть совершенно различный в зависимости от того, какой критерий порядка мы избираем – величину книг, время выхода в свет, содержание и т. д. Так же и людей мы можем классифицировать по силе их тела, интеллектуальным, моральным и иным качествам. Почему же чувственность упорядочивается у Канта именно в соответствии с формами пространства (и времени)? Это вовсе не праздный вопрос, и он касается не только философии Канта, но и сути рассматриваемой проблемы.

Штумпф подробно анализирует известные кантовские аргументы в пользу идеи о пространстве как одной из двух всеобщих форм чувственности, а именно: мы можем относить определенные ощущения к чему-то вне меня (уясняя, что находится ближе – дальше, выше – ниже и т. д.) только в том случае, если уже, так сказать, а priori кладем в основу «представление пространства» («*Vorstellung des Raumes*»). Обратим внимание: Кант в самом деле употребляет именно слово «представление», «всеобщее представление», говоря о пространстве. Но это слово у Канта остается непроясненным и требует от читателя собственных догадок.⁹⁶ Одновременно у Штумпфа исследуется особый ракурс, оттенок проблемы, снова же выражаемый в форме вопроса: почему в царстве чувственности преимущество отдано именно формам пространства (и времени), а не, скажем, таким «качествам», как непроницаемость, твердость, цвет (*Undurchdringlichkeit, Härte, Farbe*)? Кант разбирал этот вопрос и отвечал на него так: от таких качеств мы можем абстрагироваться, тогда как пространство и время принципиально невозможно «осмыслить». Как формы именно чувственности они первичны. Этот тезис Штумпф в определенной степени поддерживает. Более того, впоследствии он будет отстаивать мысль о фундаментальности представлений пространства для психологии. Вместе с тем, Штумпф, как мы увидим, будет возражать против кантовского понимания пространства, очищенного, отделенного от всех чувственных качеств (цвета, звука и т. д.).

Как бы то ни было, дефицит конкретности в кантовском анализе «представления пространства» (кстати, в самом деле значительно более скудного, чем анализ времени, к которому Кант обращается и в учении о рассудке) приходится восполнять. Для этого Штумпф и обращается за помощью к тем концепциям, которые предложены в психологии и, в частности, той, которая шла как бы по стопам Канта (учение Гербарта и др.).

⁹⁶ Сейчас мы отвлечемся от вопроса о том, где и как сам Кант почерпнул понятие «*Vorstellung*» – немецкий аналог латинского «*representatio*». По этому вопросу существуют специальные исследования, которых мы не можем касаться в этой книге, специально философии Канта не посвященной.

§ 3. Исследование представлений как акта сознания

Специалистам по феноменологии Гуссерля не надо объяснять, какое значение в ней придается анализу актов сознания или, вернее, «актовой» (ноэтической, в более поздней гуссерлевской терминологии) стороне сознания. И чем конкретнее, подробнее, многостороннее исследуются акты сознания, тем больше это соответствует духу и букве феноменологии как *философской* дисциплины. Поэтому неверно изображать дело так, будто интерес к восприятиям, представлениям и другим формам сознания – черта одной лишь психологии. И *философия сознания*, познания постоянно включала их в орбиту своего рассмотрения. Психология, отпочковываясь от философии, принимала от нее эстафету анализа актов сознания и, надо сказать, именно во второй половине XIX века за достаточно короткое время добилась в этом деле значительных результатов. Впрочем, в таком анализе, по природе своей междисциплинарном и пограничном, границы между философией и психологией вообще были весьма подвижными, так что существовала и философская психология, и философия, перетекающая в психологию. (К слову сказать, в российской философии последней четверти XIX века видные отечественные мыслители – Лопатин, Грот, Бердяев, Франк и др. – занимались и философией, и психологией; главный философский журнал в России тогда не случайно назывался «Вопросы философии и психологии»).

Применительно к гуссерлевской философии существует еще одна проблема, которую можно считать центральной и которую мы еще будем обсуждать далее: это трудные и противоречивые поиски Гуссерлем специфического, уникального для предшествующей мысли *синтеза* философии, логики и психологии, которые к началу XX века обрели облик предварительного варианта феноменологии.

Что касается обсуждаемого здесь аспекта – актов сознания, то заслуживает внимания следующий факт: Гуссерль по существу опирается и на достижения предшествующей философии (Локк, Лейбниц, Кант, Дж. Ст. Милль), и психологии (Гельмгольц, Герbart, Вундт, Лотце, Brentano, Штумпф, Мейнонг, А. Бен и др.), на осуществленные раньше классификации, описания самых различных актов сознания.

В рассматриваемой работе Штумпфа, как сказано, в центре внимания стоит тема представлений (*Vorstellungen*), которые исследуются на особом примере представлений пространства. При этом представления встраиваются в ряд других актов сознания. Штумпф исходит из того, что в современной ему психологии уже имеется разделение структур, элементов сознания (следует ссылка на Г. Гельмгольца, которого Гуссерль будет постоянно цитировать в «Философии арифметики»). Были различены и определены такие понятия: ощущение (*Empfindung*), восприятие (*Wahrnehmung*), представление (*Vorstellung*). Последние подразделялись – в одной плоскости деления – на «действительные» представления, представления фантазии и памяти, в другой плоскости – на конкретные и абстрактные, в третьей – на простые и составные представления (S. 3).

В этом, действительно, обычном для тогдашней психологии и впоследствии также сохранившемся разделении Штумпфа (а потом и Гуссерля) будет интересоваться, скажем, отличие представлений от восприятий. Более поздний Гуссерль (например, в «Идеях I») сосредоточится как раз на восприятии как основополагающей, с его точки зрения, структуре сознания. Что касается Штумпфа, то в разбираемой работе он в наибольшей степени исследует именно представления, в частности и особенности *Raumvorstellungen*. Но здесь он наталкивается на сложные вопросы, которые накопились в философии и психологии и которые требовали, с его точки зрения, предпринять исследование «психологического происхождения» понятий, ставших привычными. Так, следуя Гельмгольцу и уточняя его позицию, Штумпф пишет: «О “восприятии” обычно говорят тогда, когда содержание представлено как

объективное, а именно как объективно-пространственное. Но, как будет потом показано, это всего лишь в высшей степени составное представление. А то, что Кант называет “созерцанием”, оборачивается составным индивидуальным представлением...» (S. 4).

В восполнение относительной бедности описания и осмысления представлений у Канта Штумпф проводит дальнейшие различия. «По отношению к представлениям мы можем провести тройственное различие: во-первых, это содержание, которое представлено, например, красный цвет, теплота; во-вторых, это акт, деятельность или само состояние представительства (*des Vorstellens*); в-третьих, условия, необходимые для того, чтобы состоялось представление, будь они внешними (физическими, физиологическими) или внутренними (психическими, заключенными в природе представляющего субъекта)», – пишет Штумпф, воспроизводя достаточно типичное для психологии различие (*Ibidem*. S. 25). Нужно заметить, что такое различие, вполне здравое и содержательное, нам не раз встретится уже в феноменологии Гуссерля; он его заимствует из прежней психологии и философии. В зрелой феноменологии это простое различие перерастает в концепцию предметных содержаний (ноэма) и актов (ноэза) сознания.

И далее Штумпф задается вопросом: что такое пространство в свете данного различия, примененного к представлению о пространстве – особое содержание? специфическая деятельность души? особое условие? С точки зрения Штумпфа, ответ однозначен: специфика этого содержания, по Штумпфу, в том, что «отдельные экземпляры (пространства или места) закономерным образом встраиваются в одно совокупное, целостное содержание» (S. 30).

Таким образом, Штумпф использует для целей своей концепции рассуждения Канта о пространстве и извлекает из них некоторые ценные импульсы, однако сам признается, что нужны новые, более глубокие изыскания. И снова же можно и нужно протянуть нить к исследованиям молодого Гуссерля. Предполагаю, что эта важная тема обсуждалась, не могла не обсуждаться в теоретических беседах Штумпфа с его новым учеником. К философии Канта оба они в то время подходили достаточно конкретно, если не сказать прагматически. Штумпф искал опору для своей теории представлений, которая если и была психологической, то с сильным философским оттенком – впрочем, как сказано, это было характерно для всей тогдашней психологии. И если он нашел у Канта весьма мало этой нужной ему конкретики, то не будем списывать причину на то, что Кант как философ не должен был и не собирался давать *психологическую* конкретику. Штумпф удовлетворился бы и *философски-конкретным* анализом (интересующих его) представлений пространства. Но такового он не нашел по той простой причине, что его у Канта по существу не было.

Аналогичным образом обстояло дело в «Философии арифметики» Гуссерля. Он обратился к текстам Канта не случайно: в «Критике чистого разума» и других произведениях есть весьма любопытные философско-математические аспекты; там обсуждаются и интересующие Гуссерля понятия величины, числа и т. д. Но той конкретики, в какую вдается Гуссерль, стремясь тщательно проанализировать спаянность арифметики, ее понятий с человеческим созерцанием, у Канта ему тоже не хватает, хотя все сколько-нибудь интересные детали кантовского анализа уловлены и отмечены. Кто-то может (опираясь на нынешние дисциплинарные определения) возразить: Кант ведет *философский* анализ, а ранний Гуссерль, де, целиком движется на почве психологии. Надеюсь в дальнейшем доказать центральную для моего анализа мысль: *Гуссерль (вслед за Штумпфом и в единстве с ним) наталкивается в своих первых работах как раз на дефицит в исследованиях темы созерцания (в данном случае у Канта и неокантианцев)*. И с попытками преодолеть этот дефицит оправданно прямо связывать те импульсы, которые постепенно двигали Гуссерля к изобретению первых вариантов феноменологии, где сразу же центральное место заняла концепция *Wesenschau*, усмотрения сущностей, т. е. *особая концепция чувственного, а одновременно и сущностного созерцания*.

Сказанное вовсе не есть отрицание того, что Штумпф (в анализируемой работе и других сочинениях) все же *движется на почве психологии*. Но снова и снова надо подчеркнуть: это особая психология – психология второй половины XIX века, в частности, тесно связанная с философским материалом. И к тому же она сама находится на перепутье. Ведь тогдашняя психология еще теснейшим образом связана с философией, от которой она сравнительно недавно отпочковалась, но отделилась не полностью. Впрочем, процессы, способствовавшие этому, уже происходили, и они частично протекали в форме физиологизации как раз тех частей психологии, которые были связаны с исследованием раздражений и ощущений, этих «нижних этажей» чувственности. (В последние годы XIX столетия они привлекут внимание Гуссерля как логика, включившегося в споры о психологическом обосновании логики.)

Особое внимание у Штумпфа уделено тем психологическим исследованиям, которые спускаются к теме раздражений, движений тела и т. д. Так, исследуется «теория рядов» (Reihenformen) Гербарта, о которой Штумпф говорит, что ее цель – «показать, как представления о пространстве должны образовываться – по психологическим законам – из простых ощущений качества соответствующих чувств; при зрении – это цветовые ощущения, при осязании (Tastsinn) – ощущения от прикосновения к чему-либо» (S. 30).

Штумпф также весьма конкретно разбирает теорию ассоциаций английского психолога Александра Бена (Bain), в свою очередь примыкающую к учениям Джона Стюарта Милля и Уильяма Гамильтона. Это довольно специальная психофизиологическая концепция, в центре которой стоят понятия «ассоциаций» и «мускульных чувств и ощущений». (Мы должны учесть, что об этих авторах идет речь и в «Философии арифметики», причем в несомненной связи с выкладками Штумпфа.)

§ 4. «Самостоятельные» и «несамостоятельные» представления

Еще один оттенок проблемы, отчасти имеющийся у Канта, толкает Штумпфа к специальным размышлениям над темой целого и части. И это тоже будет иметь резонанс в работах раннего Гуссерля. Не говоря уже о том, что во II том «Логических исследований» включен большой раздел, посвященный теме целого и части (который Гуссерль, кстати, высоко оценивал и в период своего критического отношения к ЛИ), в ФА также присутствует различие «самостоятельных» и «несамостоятельных» представлений, которое провел Штумпф в разбираемой работе (в разделе «Теория психологических частей»).

Вопрос этот возникает в связи с тем, что Штумпф пытается исследовать «соотношение пространства и качества (Qualität) в представлении» (S. 107). Качества – это, например, красный, белый (какой угодно) цвет, особый звук и т. д. Согласно Штумпфу, различные качества можно представлять вместе: например, мы можем *вместе* представить, а очень часто и фактически представляем цвет и звук. Но это возможно именно потому, что качества эти различны. Представления о них могут быть увязаны, но они представимы и самостоятельно. Когда мы слушаем музыку, то воспринимаем и аккорды, и отдельные звуки, созвучия, тоны и обертоны. Когда речь идет о таких процессах осуществления совместного представления (Zusammenvorgestelltwerden), то Штумпф выделяет два их главных класса – «самостоятельные и относящиеся к частям (Theilinhalt) содержания» и дает такую дефиницию: «Самостоятельные содержания имеют место там, где элементы комплекса представления по природе могут быть представлены также и отдельно, изолированно; в представлениях, относящихся к частям, этого нет» (S. 109). Скажем, такое качество, как цвет, нельзя представить без его интенсивности, движение непредставимо без скорости – это «противоречило бы их природе» (Ibidem). Подобным же образом мы не можем, согласно Штумпфу, представлять протяжение (предметов и предметных целостностей) без цвета (и наоборот). Нельзя

упускать из виду, что речь идет не о мысли (в мысли можно изолировать что угодно от чего угодно), а именно о представлении. Штумпф отмечает, что взаимозависимость, даже неотделимость элементов («несамостоятельных») представлений признана в теориях Гербарта, Бена, Е. Вебера, Лотце.

Пространство и качество, с точки зрения Штумпфа, и являются представлениями, относящимися к частям, т. е. *в представлении* они не могут быть отделены друг от друга, из чего следует: «пространство воспринимается так же изначально и прямо, непосредственно, как и качества; они образуют одно неразделимое содержание» (S. 115). Итак, представляя пространство, мы сразу имеем и представление качества (Qualitätsvorstellung). Этот его вывод, вынужден констатировать Штумпф, не согласуется с утверждениями ряда философов и психологов. «Согласно Канту, по крайней мере пространство можно представить без качества. Лотце и Вебер в общей форме, по крайней мере судя по высказываниям, учат тому, что изначально воспринимаются только качества; однако кажется, что они принимают в виде первоначальных и минимальных пространственных элементы» (S. 115).

И вот опять вопрос: можно ли, да и нужно ли квалифицировать эти исследования и дискуссии как чисто психологические? Вряд ли. Правда, у Канта, как я думаю, слово «представление» применяется к пространству в ином смысле, чем у Штумпфа. Кант имеет в виду, как известно, «всеобщее представление», не тождественное тем, какими располагает каждый человек, когда он воспринимает (какие-либо) вещи в пространстве. В последнем случае, действительно, в чем прав Штумпф, мы *представляем* пространство (протяженность, местоположение вещи) вместе с ее окрашенностью и другими «качествами». Образуется некоторое *единое представление* (например, о предмете). Но у Канта речь идет о другом: когда в философии мы выходим к пространству как форме чувственности, мы связываем его с некоторым уже абстрактным, так сказать, обобщенным (всеобщим) *представлением* (все же *представлением*, настаивает Кант, а не *понятием* дискурсивной мысли).⁹⁷ Но ведь и подход Штумпфа вполне правомерен, причем не только для психологической, но и для философской, во всяком случае для философско-психологической концепции сознания. Тем более что в разбираемой книге есть множество тонких аналитических находок, которые могут быть по достоинству оценены и теми, кто в *современных* философии и психологии занимается темой представлений. К сожалению, здесь нет возможности входить в подобные детали. Но мы продолжим начатый разговор, обратившись к книге, которая считается главным – и высоко оцененным также и у Гуссерля – сочинением Штумпфа, к его «Психологии звука».

⁹⁷ У Штумпфа на эту тему: «Если у Канта пространство понимается *не* как понятие, *а* как созерцание, то мы должны сказать: оно – и то, и другое. От отдельных мест, как и от отдельных качеств, можно, конечно, абстрагировать всеобщее *понятие*. Но они имеют специфическое свойство сопрягаться в единую целостность и таким способом производить пространство как таковое в представлении. Это и было основанием того, что Кант назвал пространство *созерцанием* (Anschauung); но очевидно неоправданно пространство понимать как что-то обособленное от чувственных качеств...» (S. 122).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.